

СТРАНЫ

ВЪКА И

НАРОДЫ

Л 55

ВЕРНОНЪ ЛИ

ИТАЛІЯ

GENIUS LOCI

Купчик

СТРАНЫ

ВЪКА И

НАРОДЫ

Л 55 +

1950

ВЕРНОНЪ ЛИ

Установа адувацый
"Віцебскі дзяржаўны ўніверсітэт
імя П. М. Машэрава"
БІБЛІЯТЭКА

Пров. 1965

ИТАЛИЯ

Вольгускі Дзярж. Універсітэт
ПОГАШЕНО
№ 55889
GENIUS LOCI

Дзяржаўнага
Універсітэта

БІБЛІЯТЭКА

В. Митрошкин

594264

МОСКВА

К-во М. и С. САВАШНИКОВЫХЪ
Тверской б., д. 6.

Вернонъ Ли

И Т А Л І Я

ИЗБРАННЫЯ СТРАНИЦЫ

GENIUS LOCI.—ОЧАРОВАННЫЕ ЛѢСА.
ДУХЪ РИМА.—ЛИМБО.— LAURUS NOBILIS.
ДВѢ НОВЕЛЛЫ.

Переводъ Е. Урениусъ

подъ редакціей и съ предисловіемъ

П. Муратова

МОСКВА

Изданіе М. и С. Сабашниковыхъ

1914

Типо-литогр. Т-ва И. Н. КУШНЕРЕВЪ и К^о Пименовск. ул., с. д.

Москва—1914.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Віолетта Паджетъ, выпустившая столько книгъ подъ псевдонимомъ Вернонь Ли, принадлежитъ къ тому благороднѣйшему разряду англійскихъ литературныхъ людей, которые установили такую старинную, такую крѣпкую и нѣжную связь между Англіей и Италіей. Историческій энтузіазмъ англичанъ передъ Италіей—явленіе замѣчательное, не повторившееся ни въ какомъ другомъ народѣ. Подъ девизомъ Италіи прошла вся англійская литература, начиная отъ воспитавшагося на драматизмѣ итальянской новеллы Шекспира, отъ подражавшаго Аріосто Спенсера. Литературныя путешествія англичанъ въ Италію начались еще въ эпоху Аддисона и сдѣлались неизбѣжными для писателей еще во времена Бекфорда. Поэты начала XIX вѣка обѣщали жить и умереть въ Италіи, и если безпкойная натура Байрона повлекла его для того за Адриатическое море, то Китсъ и Шелли

такъ вѣрно и такъ слишкомъ скоро сдержали свой поэтическій обѣтъ.

Затѣмъ наступила пора болѣе долгой жизни въ новомъ отечествѣ. Италія сдѣлалась домомъ Роберта Броунинга и его жены Елизаветы Барретъ-Броунингъ, которая, какъ говоритъ надпись на Casa Guidi во Флоренціи, „сковала изъ своихъ стиховъ золотое кольцо, соединившее Англію съ Италіей“. Да! Елизавета Барретъ-Броунингъ воспѣла въ своихъ стихахъ эпопею *Risorgimento* и подвиги Гарибальди съ энтузіазмомъ пламеннѣйшаго итальянскаго патріота. Сочувствуя освобожденію новой Италіи, англичане углублялись въ Италію историческую, Надо ли говорить о Рёскинѣ, о художникахъ-прерафаэлитахъ? Италія внушила лучшія страницы Уольтеру Патеру и вдохновила великолѣпный трудъ о Ренессансѣ Джона Аддингтона Симондса. Для познанія итальянскаго генія во всѣхъ его проявленіяхъ, отъ Джотто до Тьеполо и отъ Данте до Карло Гоцци, ни однимъ народомъ не было сдѣлано столько, сколько англичанами въ 60—80-хъ годахъ XIX столѣтія.

Въ атмосферѣ этой благороднѣйшей работы прошла молодость Вернонъ Ли, и ея первая книга, книга двадцатилѣтней дѣвушки, вышедшая въ концѣ 70-хъ годовъ, раскрыла новую область итальянскаго творчества, вернула Ита-

ліи одну изъ ея забытыхъ славъ—славу ея музыки XVIII вѣка. За „Очерками Италіи XVIII вѣка“ послѣдовалъ цѣлый рядъ другихъ книгъ. Составленныя изъ небольшихъ отрывковъ и этюдовъ объ искусствѣ, о мѣстахъ и людяхъ, о жизни, эти книги имѣютъ своей внутренней основной темой Италію. Вернонь Ли перестала быть гостьей Италіи, она поселилась гдѣ то близъ Майяно неподалеку отъ Флоренціи, и ощущеніе Флоренціи вошло въ каждую мысль ея міровоззрѣнія; воздухъ полей Тосканы пронизалъ всѣ движенія ея сердца.

Характерна для англичанки эта безпредѣльная любовь къ Тосканѣ, къ Флоренціи. Симпатіи французовъ тяготѣютъ къ Венеціи, къ Риму, Неаполю. Лучшія страницы, написанныя объ Италіи нѣмцами, это страницы о Римѣ и Лаціумѣ. Вернонь Ли, знавшая Римъ съ дѣтства, никогда не могла понять его до конца и принять его должнымъ образомъ. Эта черта, такъ же какъ проявляемая ею иногда дидактическія и моральныя тенденціи и соціальныя заботы, сближаетъ ее съ Рёскинымъ. Но Вернонь Ли умѣла пройти легкой поступью тамъ, гдѣ былъ тяжелъ шагъ Рёскина; она скользила тамъ, гдѣ онъ дѣлалъ этапъ для своей слишкомъ долгой и слишкомъ громкой повѣди.

Ибо любовь къ Флоренці, къ этому второму отечеству аттицизма, соотвѣтствуетъ у Вернонъ Ли тонкой граціи всѣхъ ея душевныхъ движеній, отразившейся въ ея книгахъ. Ея мысль иногда трудна, часто прихотлива, кокетлива даже въ своей отточенности, но эта мысль всегда свѣтла и жива въ глубинѣ, какъ свѣтлое зеркало, отражающее живой образъ Италіи. Рядъ этихъ мыслей образуетъ философію свѣтлой и созерцательной души, не столько построенную, сколько подсказанною отрывкомъ старинной музыки, кускомъ изваяннаго мрамора, пейзажемъ. Въ книгахъ Вернонъ Ли есть восхожденіе къ мудрости; иногда на страницахъ этихъ книгъ слышится зовъ нѣкой религіи, соединяющей чисто христіанское ощущеніе благодати и безконечности бытія съ трогательнымъ языческимъ культомъ малыхъ божествъ природы—рѣчныхъ боговъ, нимфъ и генія мѣстъ.

Такую религію хочется назвать естественной человѣческой религіей, и какими лаврами могла бы лучше увѣнчать Вернонъ Ли Италію, чѣмъ свидѣтельствомъ всѣхъ своихъ книгъ, что Италія единственное отечество этой естественной религіи! Входящій въ ея религію такой важной долей культъ генія мѣстъ могъ сложиться, конечно, только въ Италіи. Только здѣсь могла воспитать Вернонъ Ли свой „топо-

графическій энтузіазмъ.“ Удивительное умѣніе видѣть формы и краски выдѣляетъ ее даже изъ ряда англійскихъ писателей, вообще весьма счастливо одаренныхъ этою способностью.

Видѣть—значить жить для нея, совершать дѣло творчества. Для насъ же необыкновенно утѣшительно погружаться вслѣдъ за ней въ стройные ритмы ея видѣній. Лишенная всякой системы страницы Вернонь Ли быть можетъ доставляютъ одно изъ лучшихъ объясненій Италіи. Важность Италіи для человѣчества лучше всего объясняется этимъ изумительнымъ сліяніемъ съ ней, этимъ самоотверженнымъ въ ней раствореніемъ благородной и вѣщей человѣческой души.

П. Муратовъ.

GENIUS LOCI

Saget Steine mir an; o sprecht
ihr hohen Pälaste
Strassen redét ein Wort! Génius,
regst du dich nicht?

Röm. Eleg. I.

I.

Введение.

Шель сильный дождь въ этотъ послѣдній день въ Веронѣ, и небо очистилось только къ вечеру. Я купила пучекъ лаванды на память и выпила чашку кофе передъ отъѣздомъ на Пьяцца деи Синьори. Камни были все еще влажны, но небо стало уже яснымъ. Дождевыя облака плыли надъ башнями, городскіе голуби клевали зерна на мостовой и влетали въ трещины дворцовыхъ стѣнъ; ласточки кричали пронзительно, солнце, невидимое за крышами, садилось. Это часъ, когда при звонѣ вечернихъ колоколовъ геніи старыхъ городовъ выходятъ наружу и завладѣваютъ нашимъ сердцемъ.

У нѣкоторыхъ изъ насъ мѣста и мѣстности (я не могу найти достаточно почтительнаго и

нѣжнаго названія для нихъ въ нынѣшнемъ дѣловомъ, ограниченномъ языкѣ) становятся предметомъ горячаго и чрезвычайно интимнаго чувства. Совершенно независимо отъ ихъ обитателей и отъ ихъ писанной исторіи они дѣйствуютъ на насъ, какъ живыя существа, и мы вступаемъ съ ними въ самую глубокую и удовлетворяющую насъ дружбу. Это можетъ показаться безсмыслицей, если считать дружбу тѣмъ, что она, чаще всего, есть,—чисто дѣловая и, большей частью, случайная связь, гдѣ обмѣнъ мыслями и добрыми услугами, взаимная помощь и забота, и совмѣстное убиваніе времени играютъ главную роль. Но есть, несомнѣнно, другія возможности въ дружбѣ, ея настоящая лучшая сторона. И она то проявляется въ нашемъ отношеніи къ мѣстностямъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы хотимъ выразить величайшее благо, которое могутъ намъ принести человѣческія созданія, благо, гораздо болѣе цѣнное, чѣмъ всякая практическая помощь и всякое интеллектуальное руководство,—мы совершенно естественно прибѣгаемъ тогда къ смутнымъ метафорамъ, заимствованнымъ у этихъ иныхъ друзей, не имѣющихъ человѣческаго образа. Мы говоримъ тогда о нашей очарованности, о подъемѣ духа, о счастливомъ просвѣтленіи чувствъ, о воспоминаніяхъ, которыя звучатъ въ нашей душѣ подобно мелодіи и

вознікаюць въ ней такъ же, какъ услышанныя однажды мелодіи. Все это величайшіе дары человѣческой привязанности, и, конечно, насъ награждаетъ ими въ равной, нѣтъ, даже въ большей, мѣрѣ нечеловѣческое существо, которое я называю, за неимѣніемъ лучшаго имени и ради прорывающагося во мнѣ желанія принести ему какую то благодарность, *Genius Loci*.

Genius Loci. Нѣкое божество, великое ли, малое, смотря по обстоятельствамъ, и всегда требующее молчаливаго поклоненія. Но ради Бога нисколько не олицетвореніе: не мужская или женская фигура съ короною изъ городскихъ стѣнъ и прочими атрибутами и ненавистой опредѣленной исторіей, подобная страшнымъ дамамъ, которыя сидятъ вокругъ Площади Согласія. Думать о странахъ и городахъ въ человѣческомъ образѣ это, по опыту всѣхъ риториковъ, значить не думать о нихъ вовсе. Нѣтъ, нѣтъ, *Genius Loci*, подобно всѣмъ достойнымъ поклоненія божествамъ,—это сущность нашего сердца и ума, существо духовное. Что же до его видимаго воплощенія, то—оно самъ городъ, сама мѣстность, какъ она есть въ дѣйствительности; черты, рѣчь его—это форма земли, наклонъ улицъ, звуки колоколовъ или мельницъ и больше всего, быть можетъ, особенно выразительное сочетаніе города и ~~ландшафта, которое~~

Виргиліемъ, „рѣки, омывающей стѣны стараго города“.

Fluminaque antiquos subterlabentia muros.

Эта строка Виргилія, подобно столь многимъ строкамъ Данте, показываетъ глубокую власть мѣстъ надъ латинской душой. Она естественно заставляетъ вспомнить Адижъ и переноситъ меня опять къ тѣмъ одинокимъ днямъ въ Веронѣ, когда я много разъ слѣдила за водоворотами быстрой красноватой рѣки и за водяными мельницами, качавшимися на ея поверхности. И это напоминаетъ мнѣ еще, что, хотя *Genius Loci* никогда не можетъ быть олицетворенъ, мы все таки чувствуемъ его ближе и сильнѣе въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ памятникахъ и чертахъ пейзажа. Онъ постоянно присутствуетъ съ тѣмъ, чтобы глубже проникнуть въ наше сердце, на опредѣленномъ поворотѣ дороги или тропинки, вырытой въ склонѣ холма, откуда открывается видъ на высокія и далекія горы, или въ церкви, подобной церкви Класе близъ Равенны; больше всего, быть можетъ, по теченію ручьевъ или въ устьяхъ рѣкъ, привлекающихъ наши мысли и становящихся цѣлью нашихъ прогулокъ. Геній мѣста прямо глядитъ на насъ тамъ или, вѣрнѣе говоря, онъ и есть само то мѣсто.

Я сравнивала чувство, которое мы испытываемъ къ мѣстамъ, съ чувствами, пробужда-

емыми въ насъ иными друзьями — чувствами любви и благодарности, но никакъ не прозаической привычкой и желаніемъ взаимной будничности. Но, какъ есть или, по крайней мѣрѣ, должны быть, человѣческія отношенія, которыя образуютъ все содержаніе жизни и въ то же время составляютъ всю ея поэзію, такъ есть одно или два мѣста для cadaго, гдѣ онъ можетъ жить всегда, никогда не теряя восхищенія, удивленія и благодарности. Таковы нѣкоторыя рѣчныя области въ Англіи, а для пиущей эти строки долины и каменистые склоны Тосканы.

Первообразомъ всѣхъ такихъ мѣстъ является Римъ. Его легендарная власть надъ сердцами не можетъ быть измѣрена даже тѣми наиболѣе преданными его поклонниками, которые стремятся къ нему, чтобы насладиться какъ праздникомъ его *Genius Loci*. Нужны мѣсяцы и годы, чтобы дѣйствительно оцѣнить, какъ необычайно всѣ мелочи и заботы обыденной жизни нисколько не умаляютъ этой власти Рима надъ сердцами, но подчиняются ей, низводятся до надлежащей незначительности, исчезаютъ въ серьезности и ясности Рима и въ той увѣренности, которую Римъ молчаливо внушаетъ, подобно немногимъ, рѣдкимъ людямъ, что жизнь, хотя и коротка, заслуживаетъ однако того, чтобы прожить ее бережно и изящно.

Но не только объ этомъ исключительномъ и даже единственномъ случаѣ я думала, когда заговорила о нашей дружбѣ съ мѣстами, не о любви нерушимой, любви навсегда, но скорѣе о простыхъ *amours de voyage* (въ лучшемъ смыслѣ слова), гдѣ, хотя воспомина-нія и могутъ быть долги, по необходимости кратко мгновеніе встрѣчи.

Незначительное происшествіе, соотвѣтствующее тому, что въ человѣческихъ отношеніяхъ составляетъ прочитанная вмѣстѣ книжка или подаренный цвѣтокъ, превращаетъ иногда мѣсто изъ географическаго пункта въ нѣчто очень свое; такъ пріятности рыбной ловли или охоты для мечтательныхъ людей образуютъ интимную связь между этими людьми и мѣстностями. Подобнымъ же образомъ, я испытываю какъ бы чувство даннаго обѣта или исполненнаго религіознаго обряда, связывающаго меня съ опредѣленнымъ мѣстомъ, оттого что я пила однажды изъ источника, бившаго у далекой „кружной“ дороги изъ Субіако въ Тиволи, въ одинъ мартовскій день, когда дорожная пыль поднималась маленькими вихрями. Да, мнѣ кажется иногда, что я не пила тогда, но совершала возліяніе или повѣсила гирлянду въ честь *Genius Loci*...

Но довольно. Думаю что какое то неразумное чувство въ этомъ родѣ возникло у меня послѣ

того, какъ я три или четыре раза подходила къ Адигу смотрѣть на водяныя мельницы и что это оно заставило меня купить пучекъ лаванды на рыночной площади въ Веронѣ, когда садилось солнце, кричали ласточки, и колокола возвѣщали своимъ звономъ явленіе божества этихъ мѣстъ.

II.

Сіена и Симоне Мартини.

Есть особый элементъ въ Среднихъ вѣкахъ, особенный оттѣнокъ въ нихъ, который умеръ, такъ сказать, не получивъ исхода и ничего не оставилъ послѣдующимъ вѣкамъ для развитія и усовершенствованія. Это то средневѣковье, которое никогда не можетъ превратиться во что-либо нынѣшнее. Я была сильно поражена такимъ оттѣнкомъ, возвратившись въ двѣнадцатый разъ ранней весной нынѣшняго года въ Сіену. Этотъ прекрасный городъ, такой изолированный въ кругу дубовыхъ лѣсовъ и неплодородныхъ холмовъ изъ вулканической глины, накопилъ всю свою культуру у себя дома подобно тому, какъ онъ накапливалъ въ своихъ водоемахъ дождевую воду, и, что еще болѣе характерно, выстроился весь сразу, безъ всякаго слѣда болѣе раннихъ эпохъ и лишь съ немногими послѣдующими добавленіями, въ одинъ опредѣленный моментъ, какъ разъ передъ вели-

кой чумой четырнадцатаго столѣтія. Его дома построены изъ отличнѣйшаго краснаго кирпича, съ элегантными арками и стрѣльчатыми окнами, раздѣленными колонками, съ зубчатыми стѣнами и башнями, подобными цвѣтамъ, высоко поднимающимися надъ долиной. Веселый, простой, и, однако, немного условный, все еще рыцарскій и романтичный — таковъ этотъ городъ, гдѣ, какъ у Лоренцетти на его большой фрескѣ, дѣвушки могутъ танцовать на улицѣ и пѣть *en gondole*, подобно тѣмъ дѣвушкамъ, которыхъ Данте въ своемъ дѣтствѣ встрѣтилъ въ день Всѣхъ Святыхъ. Данте—въ дѣтствѣ именно, ибо, мнѣ кажется, что насколько Божественная комедія исходитъ изъ античности и проходитъ сквозь современность, уходя въ безконечное будущее, настолько *Vita Nuova* принадлежитъ всецѣло однимъ этимъ Среднимъ вѣкамъ, которые, такъ сказать, умерли въ юности и безъ всякаго продолженія, Среднимъ вѣкамъ красныхъ, зубчатыхъ и многобашенныхъ стѣнъ Сіены. Греки и римляне не имѣли сюда никакого отношенія; что же касается до *Vita Nuova*, то она была въ концѣ концовъ только лучшимъ цвѣткомъ средневѣковой любовной поэзіи, мистической и донъ-кихотовской въ одно и то же время, поэзіи всѣхъ этихъ Гвиничелли и Кавальканти, всѣхъ этихъ Рюделей, Виталей и Вентадуровъ

изъ Прованса, очаровательныхъ, искусственныхъ и сумасбродныхъ. Это средневѣковье, представленное Сіеной (Пиза говоритъ о болѣе раннихъ, полувизантійскихъ дняхъ, тогда какъ Флоренція и Венеція со страстью прожили свой вѣкъ въ дни Ренессанса),—это средневѣковье розовыхъ стѣнъ и полосатыхъ башенъ (совсѣмъ такихъ же прелестно-игрушечныхъ, какія любили изображать старые мастера вплоть до Анджелико) оставило намъ и другія превосходныя вещи: легенды о Святомъ Францискѣ, романтическія исторіи Декамерона и самую лучшую изъ всѣхъ повѣстей, повѣсть объ Окассенѣ и Николеттѣ.

Характерно для этого типичнаго средневѣковаго искусства то, что его нельзя понять ни въ какое другое время года, какъ только весной. И, можетъ быть, это и есть причина того, что Сіена особенно поразила меня своимъ вполне средневѣковымъ характеромъ на этотъ разъ; я никогда раньше не бывала въ ней въ апрѣлѣ. Яркость раннихъ всходовъ и нѣжность первыхъ листьевъ, цвѣтеніе плодовыхъ деревьевъ повсюду на склонахъ среди городскихъ стѣнъ и башенъ открыли мнѣ благородную и праздничную украшенность средневѣковья и заставили меня оцѣнить (въ первый разъ съ надлежащей полнотой) особую прелесть мѣстной сіенской живописи, ибо, при-

знаюся, мнѣ доставляло теперь удовольствіе именно то самое обстоятельство, которое заставило современныхъ критиковъ быть такими беспощадными къ сіенской школѣ—то, что она не привела ни къ чему дальнѣйшему. Со стороны сіенцевъ было, конечно, дѣтскостью настаивать на своемъ чисто средневѣковомъ сознаніи сквозь все Возрожденіе и упорствовать въ изготовленіи милыхъ мадоннъ и набожныхъ святыхъ, наряженныхъ въ удивительныя, расшитыя одѣянія и выступающихъ на удивительныхъ золотыхъ фонахъ. Недомыслиемъ съ ихъ стороны было не пошевелинуть пальцемъ, чтобы ускорить пришествіе Микель Анджело, Леонардо, Тинторетто, Веласкеса и нынѣшнихъ академиковъ. Конечно, они обязаны были корпѣть надъ анатоміей, перспективой и современными идеями вообще, подобно тому, какъ дѣлали это флорентійцы за тридцать девять миль отсюда, за дубовыми рощами и виноградниками Кіанти. Но они какъ разъ не умѣли или не хотѣли дѣлать это и, какъ я уже сказала, я ужасно рада, что они не умѣли или не хотѣли. Въ искусствѣ, какъ и въ жизни есть мѣсто для многого, и кромѣ прогресса, который иногда покупается цѣной рѣзкости и угловатости, цѣной узости и настойчиваго долбленія въ одну точку, въ немъ есть отдыхъ—очарованіе возвратной волны.

Бѣдные сіенцы, которые продолжали жить, какъ и ихъ городъ, средневѣковьемъ, когда Средніе Вѣка уже давно отошли въ прошлое, оставили намъ въ концѣ-концовъ картины, отличающіяся изысканной прелестью цвѣта; въ расшитыхъ мантияхъ, узорчатыхъ нимбахъ и въ красотѣ и нѣжности ликовъ мадоннъ и ангеловъ, въ благородныхъ, мудрыхъ анахоретахъ они оставили намъ цѣлый садъ средневѣковой юности и граціи, цвѣты котораго полны благоуханія и очарованія для глазъ. Будемъ благодарны имъ за то, что они сохранили этотъ садъ нетронутымъ въ красныхъ стѣнахъ своего уединеннаго нахолмнаго города. Міръ достаточно обширенъ, чтобы можно было предоставить разнымъ людямъ играть по-своему въ божественную игру искусства. Развѣ не могутъ быть также обширны наши симпатіи?

Да, мнѣ не стыдно говорить это: я люблю Сано ди Пьетро и Андреа ди Ванни, Джованни ди Паоло и Джироламо ди Бенвенуто (ихъ сбивчивыя имена самое худшее изъ ихъ качествъ) не только въ ихъ большихъ работахъ, которыя напоминаютъ мнѣ часто „Парсифаля“, „Окассена и Николетут“ и „Цвѣточки св. Франциска“, но даже въ ихъ простотѣ сердечной и дѣтскости, которая доходитъ до уровня колыбельной пѣсни: люблю ихъ чудесно голубыя и сѣрыя скалы съ маленькими

эремитами въ полосатыхъ одѣяніяхъ, играющими въ хозяйство игрушечными колодцами и деревянными звѣрями, ихъ райскіе сады, гдѣ ангелы и красивыя дамы, и молодые шеголи въ юбочкахъ и тюрбанахъ, и пышные вельможи, и всѣ бѣдные, крохотные убиенные младенцы прогуливаются среди лилій въ двадцать футовъ высоты и фіалокъ такой величины, что въ нихъ прячутся кролики, и лѣсной клубники, размѣромъ въ человѣческую голову. Все это подходитъ къ Сіенѣ, и я рада, что Сіена подходитъ къ этому.

А теперь я перейду къ Симоне Мартини; ибо, если бы Сіена не была точно такой, какова она есть, то-есть сосредоточіемъ всего средневѣковаго и неспособной никуда двинуться отъ средневѣковья, то она никогда бы не могла произвести этого художника; а безъ Сіены его не создало бы никакое другое мѣсто на землѣ! Работы Симоне Мартини, увы! болѣе разбросаны по свѣту и болѣе погублены временемъ, чѣмъ произведенія почти всѣхъ другихъ великихъ художниковъ. Его огромная индивидуальность безнадежно растворялась столѣтіями въ апокрифическомъ Симоне Мемми, отъ котораго, выдѣливъ посредственнаго ученика Симоне—Липпо Мемми, его только недавно отмежевала критическая школа Морелли. Его „Благовѣщенье“ одна

изъ самыхъ необычныхъ и милыхъ картинъ въ Уффиціяхъ; въ музеѣ и семинаріи Пизы есть нѣсколько маленькихъ досокъ со святыми, такими нѣжными и свѣтлыми, что нѣтъ словъ выразить это; на стѣнѣ залы Совѣта въ сіенскомъ Палаццо Публико есть утраченная мѣстами фреска, Богоматерь на тронѣ среди святыхъ и ангеловъ, которые, кажется, то исчезаютъ, то снова появляются вмѣстѣ со свѣтомъ и способностью каждаго зрителя вызвать это измѣнчивое и искушающее видѣніе небеснаго великолѣпія.

Но величайшія сохранившіяся произведенія этого необыкновеннаго мастера находятся въ Ассизи; и, какъ источники не только относительнаго историческаго интереса, но абсолютнаго художественнаго и поэтическаго наслажденія, они вмѣстѣ съ памятью о св. Францискѣ и склонами рыхлыхъ красныхъ горъ составляютъ то, ради чего мы пріѣзжаемъ въ Ассизи. Странная нижняя церковь Св. Франциска дремлетъ своими провисшими сводами надъ примѣчательнѣйшими произведеніями искусства: фресками Джотто и его лучшихъ учениковъ и немедленныхъ послѣдователей, надъ пророчествами и обѣщаніями живописи Возрожденія. Но въ работахъ Симоне Мартини—въ капеллѣ, расписанной картинами изъ исторіи св. Мартина и въ вѣнцѣ святыхъ вокругъ алтаря—

нѣтъ никакого пророчества, никакого обѣщанія, а только одно совершенное достиженіе. Это соединеніе давней античной утонченности, красоты возведенной въ отвлеченность изысканнымъ и священнымъ Константинополемъ, роскоши Востока, создавшаго персидскія эмали и дамаскированную сталь — всѣхъ этихъ угасшихъ или разъединенныхъ элементовъ, оживленныхъ и сплавленныхъ здѣсь пламенемъ рыцарскаго Запада. Является ли это искусство выраженіемъ индивидуальнаго генія или счастливаго историческаго сплава? Какъ бы то ни было, мнѣ кажется, что искусство Симоне Мартини — искусство равнодушное къ анатоміи, перспективѣ и объему и совершенно безразлично относившееся также къ драматической экспрессіи, — принадлежитъ къ разряду искусствъ, которыя можно назвать окончательными и совершенными. Оно, мнѣ кажется, соотвѣтствуетъ, хотя явилось на свѣтъ позже, аристократической искусственной поэзіи, утонченной любовной метафизикѣ средневѣковыхъ трубадуровъ, неоплатоническихъ мистиковъ и предшествовавшихъ Данте поэтовъ. Это, быть можетъ, единственный совершенный цвѣтокъ подлиннаго средневѣковья, выросшій наканунѣ возрожденія апостольскаго христіанства и возвращенія языческаго чувства здраваго смысла, цвѣтокъ рыцарскаго, мистическаго, средневѣ-

ковья Дворовъ Любви и замковъ Грааля. И даже трудно сказать, такъ же, какъ и о герояхъ французской и германской эпопеи, вполнѣ ли европейское это явленіе или вполнѣ восточное. Нѣчто совершенное есть въ этомъ искусствѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя это и звучитъ противорѣчіемъ, оно являетъ преждевременность весны, которая только что родилась изъ зимы, но которая никогда не превратится въ лѣто.

Все это вполнѣ согласовалось со средневѣковымъ городомъ Сіеной, когда я увидѣла въ послѣдній разъ красные зубцы его стѣнъ и башенъ надъ еще сухими виноградниками, надъ первой зеленой пшеницей и цвѣтущими вишнями безводныхъ маленькихъ холмовъ.

III.

Уголь и ледъ.

Вы видите названія этихъ, съ виду столь неподходящихъ другъ къ другу, товаровъ на вывѣскахъ надъ лавками дровъ во Флоренціи, надъ черными подвалами, двери которыхъ обыкновенно обозначены нитками сосновыхъ шишекъ и связками дубовыхъ листьевъ, похожихъ на тѣ, которыя Тиціанъ изобразилъ позади герцога урбинскаго, изъ рода *Quercus Robur*. Уголь, чтобы согрѣвать пищу, ледъ, чтобы охлаждать питье: и то и другое даръ одной мѣстности, то и другое заставляетъ вспомнить дружественную свѣжесть и уединеніе средняго пояса тосканскихъ Аппенинъ. Выше его только голыя вершины, опоясанныя соснами и сѣрокрасный сланецъ, старающійся походить на настоящія гранитныя, ледниковыя Альпы, и снѣгъ, который, хотя и выпалъ недавно, кажется вѣчнымъ.

Если сравнивать тосканскіе Аппенины съ

Альпами, то они кажутся едва достойными того, чтобы о них говорить. Ихъ вершины не слишкомъ высоки, ихъ долины сглажены намытой и обвалившейся землей, въ нихъ слишкомъ мало скалъ и слишкомъ много растительности. Но вся эта очевидная мягкость дѣлаетъ ихъ тѣмъ, чѣмъ, конечно, Альпы никогда не могутъ быть — горами обитаемыми, горами, гдѣ, живя самой обыкновенной жизнью, всякій можетъ притти въ соприкосновеніе ежедневно и ежечасно съ удивительнымъ свойствомъ высокихъ мѣстъ, — съ уединеніемъ, тишиной и новизной, съ вѣчной драмой облаковъ и внезапныхъ бурь. Не только въ исключительныхъ случаяхъ, но всегда можно найти душевный откликъ въ ихъ формахъ. Я написала эту послѣднюю фразу весьма осмотрительно. Ибо дорогія и милыя для меня Аппенины привели меня къ тому сознанию, что горы всегда дѣлаютъ что-то и очень часто дѣлаютъ что-то для насъ. Онѣ никогда не остаются безъ движенія. Даже, когда мы не заставляемъ ихъ раздвигаться и сдвигаться, переходя съ одного мѣста на другое, ихъ вершины поднимаются, ихъ стѣны и скалы поворачиваются, какъ ворота на петляхъ, нижніе ихъ отроги незамѣтно сливаются съ долинами; даже когда онѣ не открываютъ намъ своей великолѣпной топографической драмы, онѣ

никогда не остаются безъ движенія—даже если мы сами стоимъ неподвижно. Ущелья ихъ всякій разъ, когда мы глядимъ внизъ, какъ будто дѣйствительно вьются и роютъ себѣ путь, всасывая наши мысли, точно водоворотъ. Линіи ихъ вершинъ волнуются, волнуются и вздымаются какъ волна или конь, заставляя насъ глубже вдыхать крѣпкую радость, когда мы слѣдимъ за ними. Горы встаютъ, поворачиваются на своемъ основаніи, колеблятся, берутся за руки и, наконецъ, начинаютъ идти и кружиться или же, какъ увѣряетъ насъ псалмопѣвецъ, скакать подобно маленькимъ ягнтямъ. А когда наступаетъ вечеръ, онѣ ложатся спать, какъ на великолѣпномъ эскизѣ Уотса; увеличивается темнота и остаются только одни тонкіе контуры, становясь непонятно спокойными, заставляя насъ чувствовать это, когда мы, завернувшись, также ложимся спать въ ихъ тѣнистыхъ голубыхъ складкахъ.

Всякія горы совершаютъ то же самое, но какъ разъ потому, что мы можемъ жить особенно дружно съ ними, милые Аппенины, которыя даютъ намъ свой ледъ и свой уголь, способны на это больше, чѣмъ всякія другія горы. Шелли, кажется, почувствовалъ ихъ свойство, когда написалъ маленькое стихотвореніе, оканчивающееся гиперболой, которую можетъ по-

нять всякій, кто былъ свидѣтелемъ этого: „Аппенины бѣгутъ далеко вмѣстѣ съ бурей“.

Небольшой масштабъ Аппенинъ дѣлаеть ихъ доступными не только, какъ Альпы, немногимъ смѣльчакамъ или, самое большее, горсти пастуховъ во время короткихъ лѣтнихъ недѣль, но круглый годъ и цѣлому населенію, маленькому народу, который сталъ ихъ собственной націей. Ибо чрезмѣрная узость долинъ заставила жителей этой мѣстности искать воздуха и солнца, и возможности пахать землю, на возвышенныхъ откосахъ и склонахъ. Удивляешься, когда, проѣхавъ по пустыннымъ дорогамъ, вырубленнымъ въ горныхъ склонахъ надъ узкими рѣками, и поднявшись по тропинкѣ, похожей на русло рѣки, нѣсколько миль сквозь безлюдные каштановые лѣса, вдругъ находишь виноградники и хлѣбныя поля, оливки и кипарисы вокругъ селенія, иногда почти маленькаго городка съ чисто вымощенными улицами и прочно выстроенными каменными домами со стеммами. Удивляешься, еще больше, когда съ высоты открывается цѣлый рядъ такихъ же селеній, невидимыхъ изъ долины, вѣнчающихъ какъ стѣнные зубцы гребни горъ, иногда же свисающихъ, какъ черныя гроздья винограда, надъ пропастью.

Въ тосканскихъ Аппенинахъ живетъ, невидимо для посторонняго глаза, значительное

населеніе, необходимое для культивированія этихъ лѣсовъ, которые на самомъ дѣлѣ представляютъ изъ себя сады, гдѣ каждое каштановое дерево окопано, подрѣзано и подчищено, и гдѣ каждый каштанъ отдѣльно выбирается изъ густого мха и вереска на крутыхъ склонахъ ущелій. Разведеніе каштановъ, а въ болѣе удобныхъ мѣстахъ хлѣба и винограда, устройство пастбищъ на вершинахъ и, наконецъ, уже упомянутая выше торговля углемъ и льдомъ,— все это даетъ тосканскимъ Альпамъ благоденствующее работающее населеніе. Историческія обстоятельства, а также сосѣдство этихъ милыхъ, хотя иногда даже суровыхъ горъ, сообщили ихъ народу исключительную чистоту рѣчи и едва ли не совершенную утонченность манеръ и чувствъ. Поэзія, которую здѣшніе люди создали и даже теперь еще иногда создаютъ, хорошо извѣстна по прекрасному томику Тигри, превосходной книжкѣ миссъ Александръ и стихамъ Гордиджани. Здѣшніе „Rispetti“, въ особенности, съ ихъ искусными узорами рифмъ и мыслей, несомнѣнно, реликвія поэзіи раннихъ среднихъ вѣковъ, сициліанцевъ Фридриха II и полупровансальскихъ предшественниковъ Данте, съ прибавкой только очарованія безконечной искренности и свѣжести.

Есть ли поэзія Аппенинъ чисто случайное

переживаніе, обязанное отдаленности (до нашихъ дней) этихъ высоко лежащихъ городковъ? Или можно дать мѣсто устарѣлому мнѣнію, что эта раса крестьянъ создала такія пѣсни потому, что въ горныхъ крѣпостцахъ, гдѣ она живетъ, припекаемая солнцемъ вершины и склоны зеленыхъ лѣсовъ, кипящій потокъ и вѣчно сталкивающіяся облака,—все, кажется, радостно поетъ красоту жизни и заставляеть также и насъ, глубоко вдыхая дѣвственный воздухъ, чувствовать что то подобное пѣнію въ душѣ?

Другое обстоятельство, которое можетъ сдѣлать здѣшній народъ поэтомъ — это необыкновенно широкіе виды, всегда присутствующее чувство Данте, чувство географіи Италіи, которое даютъ эти Аппенины. Онѣ тянутся сквозь Италію, подобно ряду покатыхъ крышъ, аттиковъ, башенъ и террасъ, съ которыхъ вы видите все, что происходитъ внизу на широкихъ улицахъ и открытыхъ площадяхъ. И не только съ самыхъ высокихъ вершинъ открываются такіе широкіе виды вокругъ. Никогда не забуду прогулку съ моими друзьями изъ Каза Чини между чаемъ и обѣдомъ, открывшую намъ то, что казалось всѣми царствами земли.

Мало по малу, когда мы шли сквозь лѣса, вершины горъ подымались (повсюду скрытыя

за высокими лѣсистыми склонами), блѣдная въ совершенно голубомъ небѣ, — довольно близко высокая вершина въ сторонѣ Модены показывала красивыя формы своихъ дикихъ скалъ, а затѣмъ явились удивительные огненные мраморные хребты Каррары. Большая гора сдвинулась съ передняго плана и открыла долину Арно съ блестящими точками Пистойи, Прато, Флоренціи и вулканической грядой вдали, отдѣляющей Лаціумъ. Гора съ чахлыми буками и блѣдной травой, на которой мы стояли, могла быть горой гдѣ то на шотландской границѣ. Но взгляните кругомъ! Блѣдные гиганты столпились вокругъ, къ нимъ восходитъ дымъ облаковъ съ низкихъ холмовъ, облитыхъ солнечнымъ свѣтомъ; это водораздѣлъ Италіи, откуда берутъ начало Арно, Тибръ и данники По. На югозападѣ поднимается при свѣтѣ заходящаго солнца (даже выше вершинъ Каррары) блѣдная-блѣдная блестящая плоскость, — море, прерываемое въ одномъ мѣстѣ островомъ — Горгона? или, можетъ быть, Эльба?

Есть странный подъемъ въ такихъ зрѣлищахъ: фантазія быстро опережаетъ глазъ, разстояніе стирается, мысли начинаютъ бродить не среди воспоминаній, но среди дѣйствительныхъ пространствъ. Мои друзья изъ Санъ Марчелло рассказывали мнѣ, и я должна повѣрить

имъ (такъ какъ сама могла уловить блескъ позолоты флорентійскаго собора), что пастухи ночью видятъ отсюда сквозь согнутые вѣтромъ буки и порыжѣлый отъ снѣга можжевельникъ, далеко внизу, бѣлый свѣтъ газа и электричества во Флоренціи, тѣ пастухи, которые, по всей вѣроятности, никогда не были даже въ Пистойѣ и для которыхъ Санъ Марчелло—столица міра.

Начинало темнѣть, когда мы стали спускаться сквозь лѣсъ; горы постепенно исчезали, и высокіе лѣсистые холмы какъ бы улеглись спать подъ блѣднымъ небомъ съ первыми звѣздами. Сухіе листья каштановъ шуршали подъ ногами, и только шумъ потока и колокола маленькаго городка одни нарушали тишину. вмѣстѣ со свѣжестью южной ночи съ холмовъ шель запахъ горящихъ углей, горящаго дерева, сырыхъ листьевъ и дерна; особенный запахъ, горько-сладкій и крѣпкій, какъ запахъ вина, которое пьютъ лѣсныя существа. Становится понятно послѣ такой прогулки, какъ много въ нашей жизни дѣйствительно живущаго и какъ много, увы! простого закапыванія носомъ въ землю. Аппенины могутъ дать такія впечатлѣнія.

IV.

Въ Пьемонтѣ.

На этой сторонѣ Альпъ теперь совсѣмъ прохладно, хотя всего еще только половина сентября, и дождя не было нѣсколько мѣсяцевъ. Поля и пологія долины похожи на истлѣвшій трутъ, а виноградники — знаменитые виноградники Асти — лежатъ темными полосами на блѣдныхъ, блѣдныхъ выжженныхъ склонахъ холмовъ. Земля кажется такой старой, такой изъѣденной до костей, такой истощенной этой долгой засухой. Но утромъ и вечеромъ — нѣтъ, даже собственно цѣлый день — здѣсь все подъ блѣдно голубымъ туманнымъ небомъ окутано прелестью нѣжныхъ сизыхъ красокъ и увѣнчано нѣжной волнуемой зубчатой линіей горъ Пьеро делла Франческа. И сквозь дымку неясно видны безконечно высокіе темные отроги огромнаго полукружія Альпъ.

Мы стерегли ихъ появленіе нѣсколько дней

подрядъ на закатѣ съ террасы павильона въ концѣ липовой аллеи, ведущей къ большому, опирающемуся на контрфорсы дому въ стилѣ Людовика XIII. Домъ принадлежитъ роду, соединившему два наиболѣе громкихъ имени вновь возрожденной Италиі—сановника, создавшаго новую націю, и сатирическаго драматурга, перваго подтвердившаго ея существованіе. И каждый анекдотъ, почти каждое имя, которое вертится въ разговорѣ за столомъ, говорятъ о деталяхъ этого героическаго періода недавней исторіи, которая опустилась теперь до бюрократической скуки.

Но самый домъ, замокъ во французскомъ смыслѣ этого слова, Санъ Мартино и мѣста вокругъ него говорятъ о далекихъ вещахъ, о старомъ Пьемонтѣ, когда еще объ единой Италиі никто и не помышлялъ.

Старый Пьемонтъ, хотя всегда полуитальянскій, былъ когда то, несомнѣнно, полуфранцузскимъ. Соединеніе двухъ столь различныхъ націй почти непостижимо въ представленіи нашихъ дней; но это происходитъ отъ того, что мы думаемъ о демократической, засушенной и централизованной Франціи, созданной революціей. Во время стараго порядка переходъ былъ постепеннымъ и неуловимымъ; Стернь не почувствовалъ никакой перемѣны, когда перевалилъ черезъ Альпы, и жизнь

Руссо кажется совершенно одной и той же по обѣ стороны ихъ, гдѣ одинаково былъ распространенъ особенный савойскій духъ, въ которомъ, можетъ быть, и заключался, какъ опредѣляетъ Тэнъ, духъ стараго порядка. Когда я говорю о Руссо, то чувствую, что меня заставляетъ воспринимать эту часть Пьемонта и въ особенности этотъ домъ, какъ Францію стараго порядка, именно то обстоятельство, что на противоположномъ холмѣ стоитъ другой высокій бѣлый *château* Говоне, въ итальянскомъ современномъ стилѣ, принадлежащій той фамиліи, у которой, увы! Жанъ Жакъ былъ едва терпимымъ прислужникомъ. Аббатъ Гувонъ, какъ онъ называетъ его, былъ тѣмъ лицомъ, если я вѣрно вспоминаю, которое сообщило ему первыя свѣдѣнія по математикѣ и подарило ученую игрушку „Гіероновъ фонтанъ“, съ помощью котораго Жанъ Жакъ думалъ начать свою карьеру.

Вернемся къ Санъ Мартино. Это, конечно, во многихъ отношеніяхъ, совсѣмъ итальянская вилла; но она стоитъ высоко на вершинѣ холма, спускающагося террасами: она обставлена на углахъ четырьмя башнями и явно имѣетъ видъ французскаго *château* Людовика XIII. И развѣ она не была построена во времена регентства герцогини савойской, Мадама Реале, какъ называли ее тогда, настоящей дочери Генри-

ха IV, романтично царствовавшей среди любовныхъ интригъ и іезуитскихъ заговоровъ? Комнаты здѣсь также вполне французскія, съ болѣе тонкими гипсовыми украшеніями, чѣмъ на итальянскихъ виллахъ—комнаты дворца семнадцатаго или восемнадцатаго столѣтія, съ высокими французскими окнами и паркетомъ, вмѣсто мраморнаго пола. Къ нимъ очень подходитъ, что любезные, гостепріимные хозяева и ихъ слуги говорятъ попеременно, одинаково хорошо, на итальянскомъ и французскомъ языкѣ; не на французскомъ языкѣ иностранцевъ, но на настоящемъ французскомъ языкѣ, отличающемся какой то медленностью и граціей отъ краткаго языка современной Франціи—на языкѣ Франціи, я это отлично чувствую, стараго порядка.

Традиціи здѣшнія также въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ противоположны итальянскимъ. Со дней Тарквиніевъ настоящіе итальянцы всегда пренебрегали королями, смотря на нихъ, какъ на приходящихъ извнѣ бѣдныхъ авантюристовъ; ихъ собственный идеальный государь Il Principe Макиавелли оставался военнымъ авантюристомъ, ловкимъ и великолѣпнымъ выскочкой, тираномъ; въ лучшемъ случаѣ, въ мечтахъ Данте, далекій и призрачный германскій императоръ былъ все таки избраннымъ вождемъ, но не феодаломъ.

Здѣсь же въ Пьемонтѣ шла длинная линия законныхъ, наслѣдственныхъ герцоговъ савойскихъ, и здѣсь существовало рыцарское благоговѣніе передъ ними, которое до революціи, казалось, было такой существенной, такой патетической стороной французскаго характера. Это феодальное чувство, столь чуждое остальной Италіи, очень хорошо обрисовано въ исторіи не очень отдаленныхъ предковъ одного изъ моихъ друзей, графа Каталано, и запечатлѣно любопытнымъ девизомъ, который онъ печальнымъ образомъ оставилъ своему роду. *Tort ne dure*: несправедливость не переносится; этотъ девизъ написанъ здѣсь вокругъ геральдическаго орла, а въ другомъ огромномъ замкѣ Мальяно, который стоитъ высоко надъ долиной, этотъ девизъ вмѣстѣ со знаками Ордена Анунціаты появляется на гипсовыхъ украшеніяхъ въ каждой обширной, пустой и бѣлой комнатѣ замка. Графъ Каталано, о которомъ идетъ рѣчь, погребенъ тамъ въ капеллѣ съ надлежащей эпитафіей. Но онъ умеръ покинутымъ всѣми, въ тюрьмѣ, его имѣнія были конфискованы, Орденъ Анунціаты былъ отнятъ у него, а самъ онъ былъ лишенъ званія, какъ измѣнникъ въ одной изъ мелкихъ войнъ семнадцатаго столѣтія. Тогдашній герцогъ, потерявъ по своей собственной неопытности нѣсколько крѣпо-

стей и желая спасти свою честь, обвинилъ стараго генерала въ уступкѣ ихъ непріятелю. Нѣсколько лѣтъ спустя, когда вступилъ на престоль другой герцогъ савойскій, сынъ графа Каталано вернулся изъ изгнанія и добился судебного слѣдствія по поводу обвиненія своего несчастнаго отца. Измѣна была опровергнута; знаки Ордена Анунціаты были возложены на гробницу несчастнаго умершаго солдата и все было приведено въ прежній порядокъ дарованіемъ памятнаго девиза. Можно, конечно, возставать противъ такого легкаго феодальнаго способа возстановленія ошибокъ правителей, но, увы! сможетъ ли французская демократія нашихъ дней показать даже столь дешевое великодушіе стараго порядка и захочетъ ли она въ случаѣ, похожемъ на случай съ графомъ Каталано, сказать „Tort ne dure“?

Все это, какъ я сказала, чисто французское. Но страна сама совсѣмъ итальянская. Я это сильно чувствую каждый день, когда мы ходимъ смотрѣть маленькое владѣніе герцога Лоста—Ла Чистерна. Вы кружитесь безконечно между склонами песчаныхъ, обсыпающихся, уже покраснѣвшихъ виноградниковъ. На вершинѣ холма и чрезвычайно высокихъ бастіонахъ изъ красиваго краснаго кирпича стоитъ квадратная бѣлая вилла съ колоннами, кипа-

рисами, дворомъ и высокими феодальными башнями. Безмѣрная зеленая пропасть открывается вдругъ по другую сторону холма, наполненная при закатномъ свѣтѣ огненными роями мухъ, поднимающимися отъ винныхъ чановъ. Вы проходите цѣлый рядъ огромныхъ заброшенныхъ комнатъ со скудной мебелью восемнадцатаго столѣтія, прежде чѣмъ достигнете узкой полосы земли на бастіонѣ, покинутого маленькаго сада: жалкія виноградныя лозы, соединившіяся плодовые деревья, увядшія изгороди изъ буксуса, сильный аромат оставленныхъ вянуть на вѣткѣ персиковъ, затеряный бюстъ фавна на сломанной балюстрадѣ, глядящій на темные далекіе склоны горъ съ ихъ приходящими въ упадокъ виллами и на бѣдные маленькіе горные городки, выжженные солнцемъ лѣтомъ, занесенные снѣгомъ зимой. Это—подлинная Италія съ ея трогательной матеріальной нуждой. Но это Италія и по тѣмъ великолѣпнымъ животворящимъ свойствамъ, которыя дѣлаютъ душу яснѣе, жизнь проще и достойнѣе: превосходный легкій и прозрачный воздухъ, смутные вѣнцы далекихъ горныхъ цѣпей. И въ этомъ печальномъ, уединенномъ маленькомъ садикѣ у подошвы Альпъ я опять увидѣла съ трепетомъ восхищенія прекрасныя и глубокія творенія юга—старый лавръ Аполлона и грана-

товое дерево Персефоны, покрытое лопающимися багряными и алыми плодами.

Мы вернулись въ сумерки въ уютный французскій *château* Людовика XIII. Закатъ походилъ на золото мозаики или старинной живописи за башнями, колокольнями и группами домовъ маленькаго городка на склонѣ горъ. Затѣмъ показались на нѣсколько минутъ великія отдѣльныя вершины Альпъ: Монте Роза, Маттерхорнъ, Монвизо, голубыя на блѣдномъ вечернемъ небѣ. И въ темнотѣ вмѣстѣ съ запахомъ свѣжей травы и листьевъ тополя невидимой струей изъ долины подымался трескъ цикадъ. Конечно, это Италія!

V.

Озера Мантуи.

Именно озера, прелесть водъ и осоки, видимыхъ съ желѣзной дороги въ жаркѣй іюньскѣй день, заставили меня остановиться въ Мантуѣ въ первый разъ; и воспоминаніе о нихъ привлекло меня въ Мантую опять этимъ лѣтомъ. Они окружаютъ городъ съ трехъ сторонъ, образовавшись изъ рѣки Минчіо по ея пути отъ озера Гарда къ По. Это мелкія водныя пространства, разлившіяся по великой равнинѣ Ломбардіи, свѣтлыя, поросшія водяными лиліями, среди которыхъ колеблется высокая, зеленоватая осока. Кое гдѣ виднѣется красный парусъ лодки, идущей изъ Венеціи; дѣти купаются подъ башнями Каstellо; въ самомъ узкомъ мѣстѣ выстроены длинный каменный мостъ, гдѣ шумятъ мельницы и гдѣ можно заглянуть въ ихъ прохладныя темныя помѣщенія, пахнушія зерномъ.

Самъ городъ носитъ много слѣдовъ былого

великолѣпія, хотя изъ него и было вывезено больше картинъ, чѣмъ изъ всѣхъ другихъ городовъ; ими украшены всѣ галлерей Европы съ тѣхъ поръ, какъ у великолѣпныхъ Гонзага герцогство было конфисковано Австріей. Здѣсь много изысканныхъ по архитектурѣ зданій поздняго Ренессанса, съ прекрасными колоннами, съ очаровательными хрупкими терракотовыми украшениями на окнахъ. На пьядца Эрбе, надъ ея фруктовыми палатками, торгомъ деревянныхъ ведеръ, глиняныхъ горшковъ, и рыболовныхъ снарядовъ и сѣтей (напоминающихъ всякому объ озерахъ), очень живописна часовая башня съ сидящей Мадонной. На пьядца Вирджиліо стоятъ два благородно выстроенныхъ дворца съ красивыми смѣлыми гибеллинскими зубцами въ видѣ ласточкиныхъ хвостовъ. Всѣ зданія слегка поблѣбли отъ сырости, а крыши и башни окрашены въ блѣдный, почти выцвѣтшій красный цвѣтъ подъ всегда влажнымъ голубымъ небомъ.

Но что ведетъ больше всего къ пониманію Мантуи, это странное соединеніе двухъ вещей, фантастическій дуэтъ дворца и озера. Прежде всего естественно вступишь въ самую старую часть зданія, въ красно кирпичный замокъ первыхъ маркизовъ, въ одной изъ высокихъ квадратныхъ башенъ котораго находятся въ

самомъ дѣлѣ великолѣпныя фрески Мантеньи: прелестныя амурѣ, похожіе на облака, которыя обратились въ дѣтей, играющихъ на чудесно голубомъ небѣ среди гирляндъ зелени, апельсиновъ и лимоновъ, сплетенныхъ въ видѣ триумфальныхъ арокъ надъ самимъ Мантуанскимъ маркизомъ и всѣми молодыми Гонзага.

Эта живопись съ преобладающимъ голубымъ и эмалево-бѣлымъ и зеленымъ цвѣтомъ нѣжна и свѣжа въ своемъ великолѣпіи и заслуживаетъ большаго восхищенія, чѣмъ какое-либо другое произведеніе Мантеньи. Но окна башни смотрятъ на нѣчто еще болѣе дивное и пріятное—на одно изъ озеръ! Блѣдно-голубая вода окружена зеленымъ камышемъ, сзади видны тополя и ивы на зеленомъ лугу, и голубыя смутныя Альпы, и соединяющій все это длинный замковый мостъ съ башнями изъ блѣдныхъ кирпичей цвѣта герани.

Нужно пройти черезъ колоссальныя дворы, чтобы попасть изъ старинной укрѣпленной части въ остальной дворецъ, такъ называемый Кортѣ Нуово. Теперь эти дворы превращены въ городскую площадь, и въ послѣдній разъ я видѣла, какъ въ базарный день ее загромождали телѣжки, разгружающія корзины съ шелковымъ сырцемъ, и какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ портики были завалены блѣдно-жел-

тыми и зеленоватыми коконами шелка. Зданіе напитано запахомъ шелковичнаго червя, какъ-то странно совпадающимъ съ вѣковымъ его тлѣніемъ и разрушеніемъ. Изъ всѣхъ разрушающихся дворцовъ, которые я когда-либо видѣла въ Италіи, мантуанскій дворецъ выражаетъ наиболѣе полное разрушеніе. Сначала вы испытываете одно только это впечатлѣніе. Но мало-по-малу, послѣ того, какъ вы побродите по тому, что вамъ кажется сначала только торжественной пустыней, вы вдругъ начнете чувствовать, что этотъ дворецъ болѣе, чѣмъ всѣ другіе подобные ему, вошелъ въ вашу душу. Ибо эти безконечныя залы и комнаты, иныя, какъ апартаменты Изабеллы д'Есте (въ нихъ висѣли нѣкогда аллегоріи Мантеньи, Перуджино и Косты, Триумфъ цѣломудрія и проч., теперь находящіяся въ Луврѣ) уютныя и красивыя даже въ своемъ запустѣніи, иныя слегка подновленныя Маріей Терезой для вечернихъ баловъ и пріемовъ, иныя совсѣмъ обвалившіяся, погибшія, наполненныя заплеснѣвѣлыми архивами или недавно служившія складами съѣстныхъ припасовъ и казармами—весь этотъ колоссальный лабиринтъ, странно согласующійся съ золотымъ и голубымъ лабиринтомъ на потолкѣ одной изъ комнатъ, есть, въ цѣломъ, самая великолѣпная, самая фантастическая вещь, оставленная намъ Италіей Шекспира.

Искусство здѣсь (между прочимъ, въ одной осыпавшейся залѣ я видѣла пустую гипсовую раму отъ нашего Триумфа Юлія Цезаря!), часто не тонко и не драгоцѣнно—медальоны и потолки Джуліо Романо и Приматиччіо; но чувствуется, что когда-то оно вдохновляло миеологическіе романы въ духѣ Аріосто-Тассо, и теперь какъ романъ дѣйствуетъ на насъ мысль объ этомъ забвеніи.

Забвеніе, забвеніе! А повсюду изъ залъ съ лѣпными знаками зодіака, любвями боговъ, танцами музъ и сквозь висячіе сады, заросшіе сорной травой и сравненные съ землей временемъ, видны голубыя воды озеръ и ихъ зеленыя далекія отмели, превращающія все въ страну сказки. Недалеко отъ комнатъ Изабеллы д'Есте есть длинный, длинный портикъ, окаймляющій большую зеленую лужайку, засаженную тутювыми деревьями, и отдѣляющій ее съ одной стороны отъ ряда серебристыхъ ивъ, растущихъ прямо въ покрытой лиліями водѣ. Здѣсь герцоги со своими придворными дышали воздухомъ, когда Альпы медленно открывались надъ равниной при закатѣ солнца; отсюда, несомнѣнно, они слѣдили за играми и турнирами по одну сторону портика и за гонками на лодкахъ и всякаго рода зрѣлищами на водѣ, по другую. Мы знаемъ объ этомъ теперь только изъ книгъ о благородномъ искусствѣ верховой

ѣзды (перья и локоны развѣвались надъ скачущимъ испанскими конями) и изъ рѣдкихъ писанныхъ комедій и старыхъ оперъ шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтій, гдѣ Аріонъ появляется на своемъ колоссальномъ дельфинѣ съ тiorбой или віола д'аморе въ рукѣ, съ пѣніемъ сложной аріи Качини или Монтеверде, полной жалобныхъ переливовъ и неожиданныхъ минорныхъ нотъ. Мы угадываемъ это: классическая пастораль, все еще окрашенная средневѣковымъ романтизмомъ Тассо и Гварини—нѣтъ, даже Флетчера и Мильтона. Въ довершеніе картины самъ рыцарственный герцогъ Гонзага, можетъ быть, именно тотъ Винченцо, который устроилъ голубой съ золотомъ потолокъ по образцу лабиринта, въ которомъ онъ былъ заключенъ турками, и рядомъ съ нимъ еще не впавшая въ печаль леди Оливія и, можетъ быть, еще управляющій концертомъ любимый пажъ и пѣвецъ Чезаріо... Вообразите пастораль на водѣ, съ ролями подобными роли Сабрины въ „Соттис“, на которую смотрѣли съ этихъ портиковъ. Нимфа Манто, основательница Мантуи, подымается изъ озера; въ картонной ли раковинѣ или настоящей? Пастухи дѣда Виргилія пытаются изловить Протея; всѣ они въ лентахъ и кружевахъ, всѣ декламируютъ стихи въ духѣ „Amyntras“ или „Pastor Fido“. Те-

перь только кваканье лягушекъ подымается изъ подъ осоки и ивъ, гдѣ зубчатая стѣны замка погружаютъ свои контрфорсы въ воду.

Есть еще другая сторона этого шекспировскаго замка, не романтическая, но гротескная, приближающаяся даже къ чему-то страшному. Это комнаты карликовъ! Представьте себѣ цѣлую часть зданія, со своей особой, ужасной жизнью,—кроличій садокъ крошечныхъ комнатъ, въ томъ числѣ капелла, о сводъ которой вы упираетесь головой, и большая лѣстница съ отвратительно частыми ступенями. Странныя конуры для людей или полулюдей—нельзя повѣрить, что въ нихъ возможно жить—выстроенныя просто ради жестокой потѣхи герцога мантуанскаго, вдохновленной какимъ-нибудь страшнымъ маленькимъ уродцемъ, въ родѣ того, который стоитъ у колѣнъ Гонзага на фрескѣ Мантеньи.

Осмотрѣвъ замокъ и Корте Нуово, каждый считаетъ своей обязанностью осмотрѣть маленькій палаццо-дель-Те, какъ разъ на противоположномъ концѣ города. Невѣроятныя фрески колоссальныхъ опрокинутыхъ боговъ и богинь, покрытыя мѣловой и кирпичной пылью, достаточно ужасны, чтобы заставить Рафаэля, который былъ отвѣтственъ за своихъ отчаянныхъ учениковъ, перевернуться въ гробу. Покрытыя сырыми пятнами гипсовыя

украшенія и заросшіе травой дворы, и ни звука, кромѣ стука дятла, долбящаго платань.

Какъ совершенно забыто богами и людьми все это великолѣпіе Гонзага! А кругомъ роскошная зеленая трава и похожіе на англійскіе ручьи свѣжо журчащіе потоки среди высокихъ ивъ. Мы скоро вышли изъ палаццо-дель-Те и рѣшили направиться къ Пьеттола, родинѣ Виргилія. Но волшебство озеръ околдовало насъ. Мы сѣли на чудесной зеленой плотинѣ,—преждемъ австрійскомъ укрѣпленіи съ погружившими въ воду свои вѣтви деревьями и пріятнымъ свѣжимъ запахомъ листьевевъ и согрѣтыхъ солнцемъ цвѣтовъ,—и стали слѣдить за большими рыбами, ходившими въ зеленой тѣни желѣзнодорожнаго моста. Напротивъ, подъ красноватыми городскими стѣнами тянулось огромное пространство бѣлыхъ отмелей, а дальше за голубой, подернутой рябью водой подымались башни, купола и бастіоны дворца Гонзага—блѣдно-розоваго, не реального, совсѣмъ несуществующаго въ колеблющемся зноѣ полудня.

VI.

Ю г ъ.

О Генуѣ и окружающихъ ее мѣстностяхъ думалъ Гёте, когда писалъ пѣсню Миньоны—ту часть ея, гдѣ говорится о сверкающихъ мраморныхъ полахъ дворцовъ и статуяхъ въ апельсиновыхъ рощахъ. Ибо Генуя—дверь во вторую, въ Южную Италію. Многіе думаютъ, что они уже на югѣ въ Ломбардіи или на озерахъ (на Гардѣ, въ особенности), въ Венеціи или Веронѣ; но вотъ они переѣзжаютъ эти Лигурійскія горы и, вдругъ!.. О этотъ берегъ!

Я вспоминаю, что моя мать, которая такъ долго жила въ Италіи, любила рассказывать о мѣсяцахъ, проведенныхъ въ Генуѣ ровно пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, какъ о чемъ-то безусловно исключительномъ, о какой-то фантастической сказкѣ: о колоссальныхъ дворцахъ, объ узкихъ, узкихъ улицахъ, о расписанныхъ краснымъ и зеленымъ высокихъ какъ башни домахъ, о букетахъ сильно пахнущихъ цвѣтовъ,

которые здѣсь вѣшаютъ надъ входными дверями, и объ осликахъ, карабкающихся по каменнымъ горамъ, нагруженныхъ корзинами съ ягодами. Я часто думала, какъ пріятно было бы возстановить,—если можно на дѣлѣ, если нѣтъ на бумагѣ,—итальянское путешествіе дѣдовъ: рядъ неожиданностей, невиданныхъ во снѣ чудесь, какъ Альпы, Аппенины, проходящихъ одно за другимъ, и, какъ я уже сказала, Генуя—одинъ изъ этихъ главныхъ *coups de théâtre*.

Желѣзныя дороги сразу положили конецъ всему этому; переѣздъ сталъ слишкомъ быстръ, и слишкомъ многое стало проноситься мимо ночью; кромѣ того, чувство трудности путешествія и благополучнаго его окончанія, разница между подъемомъ и спускомъ съ горъ, все это сильно сгладилось. Однако, если кто-нибудь еще способенъ любить такія вещи, они и теперь еще могутъ заставить биться сердце.

Я вернулась въ Италію послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ на сѣверѣ и ужасной лондонской зимы, прямо изъ Парижа въ Нерви, куда я пріѣхала при наступленіи ночи. Италія встрѣтила меня уже въ Альпахъ, хотя склоны горъ, покрытые лѣсами, еще багровѣли сквозь дымку совершенно яснаго утра, и свѣжій снѣгъ искрился подъ блестящимъ голубымъ небомъ. Разочарованіе (ибо это было такъ) охватывало

меня все больше и больше, по мѣрѣ того, какъ мы спускались въ равнину, гдѣ голые тополя, какъ нѣжный розоватый туманъ, виднѣлись на яркой зелени молодой пшеницы, а солнце медленно садилось въ янтарномъ и бронзовомъ небѣ. Я мечтала о югѣ, но это была только Италія.

Я пріѣхала въ Нерви въ темнотѣ и на слѣдующій день была рано разбужена колокольчиками муловъ, привезшихъ вязанки хворосту (единственное топливо) къ дому моихъ генуэзскихъ друзей. Я знала, что хворостъ состоялъ изъ лентиска и миртъ и длиннаго вереска средиземнаго побережья, и мнѣ захотѣлось увидѣть снова всѣ эти милыя южныя вещи и красныя попоны муловъ. И когда я открыла ставни, ко мнѣ ворвался Югъ. Ибо напротивъ меня былъ огромный скалистый мысъ въ формѣ дельфина, мысъ Портофино, цвѣта пармской фіалки, лежащій въ морѣ, не столько въ морѣ воды, сколько въ морѣ блѣднаго лилово-голубого свѣта; внизу цвѣли бѣлыя и красныя розы между апельсиновыми и лимонными деревьями, какъ будто былъ июнь, а не декабрь.

Ощущеніе того, что находишься на настоящемъ Югѣ, составляется изъ многихъ и различныхъ ощущеній: изъ ощущенія благородства превосходнаго климата, какой то чистоты и силы жизни, обязанной этимъ изобилію

воздуха и солнечнаго свѣта, въ противоположность напоминающимъ о смерти несчастнымъ англійскимъ полямъ, которыя я оставила погруженными въ холодъ или дымящимися тепловатыми парами. Затѣмъ еще изъ страннаго качества драгоцѣнности вещества (я наблюдала это въ южной Италіи и Танжерѣ), придаваемой дивнымъ климатомъ всякому самому дешевому матеріалу—обыкновенному кирпичу или штукатуркѣ, напримѣръ, превращаемымъ свѣтомъ въ нѣчто драгоцѣнное, какъ дорогой мраморъ; наконецъ, изъ нѣжныхъ оттѣнковъ краски, на которую дѣйствуетъ этотъ щедрый солнечный свѣтъ, этотъ мягкій морской вѣтеръ, обращающій естественно рѣзкіе цвѣта въ нѣчто болѣе изысканное. Здѣшніе дома на склонахъ горъ, простыя крестьянскія хижины, грубо выкрашенные въ красное или бѣлое, въ своей бѣлизнѣ кажутся сдѣланными изъ алебаstra, изъ оливковыхъ листьевъ, изъ живыхъ розъ или поблѣднѣвшихъ персидскихъ ковровъ, внушая чувство нездѣшной красоты. Почти напротивъ моего окна виденъ тривіальный современный домъ, выкрашенный въ густой палевый и блѣдно розовый цвѣтъ, съ выцвѣтшими зелеными ставнями и террасой, выложенной блестящей черепицей; и все это вмѣстѣ взятое напоминаетъ мнѣ больше, чѣмъ что либо другое, драгоцѣнностью цвѣтныхъ

пятень живопись Тернера и Барбизонцевъ. Можетъ быть, мое воображеніе настроено въ этомъ направленіи и подготовлено къ пониманію несказаннаго великолѣпія крышъ и стѣнъ юга недавнимъ подаркомъ—этюдомъ моего друга S., изображающимъ бѣлый дворъ въ Севильѣ съ кускомъ блѣднаго неба наверху, обладающимъ очарованіемъ луннаго камня. На ряду съ этимъ начинаешь понимать, что жизнь на нашемъ сѣверѣ есть только собираніе жалкихъ крохъ красоты. Усердіе, съ которымъ мы отмѣчаемъ привлекательность неопредѣленныхъ линій деревьевъ, стоящихъ въ полѣ, лиловыхъ городскихъ тумановъ, пронизанныхъ оранжевыми огнями, отраженій въ рѣкѣ и на влажной мостовой—всѣ эти мимолетныя видѣнія, на мигъ искупающія безобразіе окружающей насъ на сѣверѣ жизни, только доказываетъ остроту эстетической воспримчивости, нашъ смертельный эстетическій голодъ.

Понятно, что всѣ искусства и всѣ цивилизаціи, въ которыхъ есть красота, родились первоначально въ такихъ счастливыхъ климатахъ, какъ Греція, Сирія, южная Италія, гдѣ зима только звукъ пустой и гдѣ самые обыкновенные предметы столь же очаровательны, какъ самые рѣдкостные. Увы! эти генуэзскія мѣста, созданныя, можно было бы думать, для греческихъ боговъ или, по крайней мѣрѣ, для ихъ

почитателей, отданы теперь существамъ совсѣмъ иного рода. Я не говорю впрочемъ о несчастныхъ, прїѣзжающихъ сюда умирать. Встрѣчая ихъ среди скалъ, чувствуешь иногда ужасъ почти языческаго суевѣрія: чувствуешь трагическую иронію всѣхъ вещей, лицемѣрную ложь, скрывающуюся за всѣмъ, что показываетъ красивое улыбающееся лицо. Къ чему вся эта красота жизни, когда среди нея надо умирать мало по малу? Въ другія минуты—и онѣ могли бы быть менѣе рѣдкими,—чувство смерти здѣсь бываетъ совсѣмъ по-язычески благодарнымъ. Ибо эти маленькіе генуэзскіе города, — эти солнечныя террасы скалъ, свѣшивающихся надъ моремъ,— правда, это только госпитали, часто даже кладбища, мѣста, какъ уже я сказала, гдѣ умираютъ. Но море и небо и сады Гесперидъ не обращаютъ на это вниманія, процвѣтаютъ, живутъ и хвалятъ благодать жизни. И развѣ не было бы благоразумно для насъ также склонить на минуту голову, при проходѣ смерти, но принять смерть—смерть другихъ людей или нашу собственную — вѣющую здѣсь каждую минуту, преходящей, въ ея вѣяніи, въ то время, какъ жизнь истинно обитаетъ здѣсь и продолжаетъ быть вѣчной?

Я имѣла въ виду не путешественниковъ, переправляющихся черезъ Харонъ,—когда го-

ворила о существахъ, мало приличествующихъ такимъ мѣстамъ. Эти существа менѣе трагичны, чѣмъ смерть, но однако гораздо болѣе тягостны даже, чѣмъ смерть, и жизнь проходить у нихъ безъ всякой охоты жить. Фальшивая нота южныхъ мѣстъ такъ естественно классическихъ въ лучшемъ смыслѣ слова—это международная праздность. Не отрицаю, что она можетъ имѣть иногда какую то грацію и даже извращенную живописность. Большой современный художникъ могъ бы сдѣлать нѣчто изъ этого, въ родѣ того, что сдѣлалъ Дегазъ изъ газовыхъ юбокъ балеринъ и шелковыхъ жокейскихъ камзоловъ. Но это сдѣлалъ бы только большой художникъ; и удивляешься всетаки, зачѣмъ,—если только не на пари,—большой художникъ сталъ бы дѣлать это. Удивляешься еще больше здѣсь, гдѣ все такъ естественно, даже пятна старыхъ стѣнъ и заплаты старой одежды, гдѣ все поетъ о превосходствѣ открытаго воздуха и рабочаго дня надъ тѣмъ, что дѣлается нарочно.

Несообразности эти падаютъ особеннымъ упрекомъ на низменный вкусъ къ роскоши, который, увы! таится во всей корыстной современности: ибо какая въ самомъ дѣлѣ утонченность можетъ быть достигнута существами, столь нелѣпо занявшими не свое мѣсто? И это заставляетъ меня отмѣтить, что

возможность бывать въ такихъ благодѣтельныхъ южныхъ мѣстахъ приносить душѣ спасительное здоровье въ видѣ признанія скудости нашей запутанной и питающейся чужимъ добромъ жизни. Здѣсь начинаешь мечтать о какомъ то строѣ существованія, доступномъ воздуху и солнцу, о формахъ жизни, драгоценныхъ по окраскѣ и похожихъ на цвѣты по очертаніямъ, подобно домикамъ и колокольнямъ, стоящимъ среди этихъ апельсиновыхъ и оливковыхъ рошъ; но такъ же, какъ и они, состоящимъ изъ простого вещества, изъ простой штукатурки и крѣпкаго кирпича, равно хорошаго здѣсь для богатыхъ и бѣдныхъ.

ОЧАРОВАННЫЕ ЛѢСА

I.

Очарованные лѣса.

Не стану говорить вамъ—это было бы нескромностью и не входило бы въ мои намѣренія—въ какой части земной поверхности находятся Очарованные Лѣса. Когда бываешь въ нихъ, то кажется, что ихъ не существуетъ въ дѣйствительности, и когда выходишь изъ нихъ, пытаешься отрицать ихъ существованіе. Они полны всякихъ чудесъ, они открыты безконечнымъ приключеніямъ, влекущимъ насъ вдоль темной скользящей рѣки къ ихъ скрытому сердцу. Земля, въ которую ихъ тысячелѣтніе дубы пустили свои узловатые корни—эта земля самой сказки. Ринальдо или Серъ Гвидонъ плыли по этимъ прозрачнымъ темнымъ водамъ подъ тѣнью этихъ вѣтвей, и волшебницы управляли ихъ веслами. Цапля, съ шумомъ поднявшаяся изъ тростника,—двоюродная сестра дивной Синей Птицы; источникъ Мерлина скрывается гдѣ то между

переплетеннымъ боярышникомъ, можетъ быть, тамъ скрывается даже самъ Мерлинъ. Здѣсь бродишь, вспоминая отрывки стиховъ или, — какъ случилось со мной, — повторяя фразу речитатива, журчащей отрывокъ аккомпанимента къ пѣснѣ о любвяхъ Амадиса. Здѣсь бродишь, блуждаешь наугадъ сквозь заросли и болота безъ конца, безъ цѣли, долго, такъ же долго, какъ когда читаешь, небрежно перевертывая страницы и лишь внезапно останавливаясь, повѣствованія Аріосто или Тассо или Спенсера. Воображеніе течетъ, летитъ, мѣняетъ образы, подобно покорнымъ жертвамъ великихъ визирей и фей. Кто же плылъ когда то, углубляясь въ лѣса, вверхъ по рѣкѣ сквозь такія заросли, какъ эти, по водѣ, подобной этой? Рѣка течетъ быстро, поросшая травой, красновато-коричневая вблизи и свѣтлая, золотисто-зеленая вдали, но всегда удивительно глубокая и темная, покрываясь рябью, играя водоворотами, перекатывая камни съ рокотаньемъ и шумомъ по спускающимся къ самой водѣ вѣткамъ дубовъ. Закатъ солнца обозначенъ маленькими пятнами, разсыпанными какъ звѣзды въ листьѣ. Едва шелохнетъ листь, едва долетитъ далекое щебетаніе и воркованіе птицы; всякій звукъ поглощается лепетаньемъ этого ручья въ глубокомъ молчаніи лѣса.

Я стою лицомъ къ солнцу на широкой по-

лянѣ зеленой и темнѣющей кустарниками; между вѣтками огромныхъ деревьевъ и въ промежуткахъ между стволами виденъ ярко-алый закатъ съ блѣдно-голубыми полосами. Сзади въ чащѣ—темнота; я потеряла дорогу и счастлива, что потеряла ее; хрустѣ вѣтки, внезапный шумъ крыльевъ—то дикій филинъ рѣзко взлетѣлъ изъ болота—заставляютъ остановиться мое сердце отъ страха, и я пою про себя, чтобы составить себѣ компанію. Потомъ я внезапно умолкаю. Ибо я встрѣчаю еще разъ эту странную рѣку, текущую чрезвычайно быстро, ровно, чернѣющую между деревьями. Дубы и буки видны въ темнотѣ, какъ призраки, огромные, протягивающіе съ угрожающимъ видомъ свои блѣдныя вѣтви, похожія на хоботы слонівъ или на извивающихся змѣй. Формы еще существуютъ, но цвѣтъ исчезъ, а съ нимъ исчезла и вся жизнь, въ этомъ красноватомъ полумракѣ. Такими, несомнѣнно, могли быть воды, деревья и заросли Элизіума, гдѣ Орфей, ища Эвредікуи, увидѣлъ ее лишь какъ тѣнь среди тѣней.

Вотъ мостъ, я перехожу черезъ него, выбираюсь изъ волшебной темноты и иду теперь по густой травѣ подъ открытымъ яснымъ небомъ. Вотъ! какъ разъ напротивъ—длинный домъ съ террасами, съ открытыми окнами въ нижнемъ этажѣ, горящими оранжевыми

огнями въ ясномъ голубомъ свѣтѣ вечера. И мое сердце радуется близости любезныхъ и гостепріимныхъ обитателей дома, нисколько не колдуновъ и не волшебницъ, но существъ, въ десять тысячъ разъ болѣе пріятныхъ.

Очарованные Лѣса рѣдки. Но я подозреваю, что даже тамъ, гдѣ они водятся и являются, столь глубоко ихъ волшебство, что кажется, будто ихъ нѣтъ въ дѣйствительности. Они часто находятся на разстояніи брошеннаго камня отъ жилища нашего каждаго дня, и вовсе не слѣдуетъ ѣздить очень далеко, чтобы найти ихъ.

Это убѣжденіе давно начало рождаться во мнѣ, и оно исцѣлило меня отъ склонности къ новымъ и далекимъ мѣстамъ. Ибо, хотя удовольствія путешествія, поиски милаго генія мѣсть были, можетъ быть, величайшемъ благословеніемъ моей жизни, я нахожу, подводя итоги, что въ общемъ я путешествовала меньше, чѣмъ мои сосѣди, и гораздо меньше, чѣмъ они, я путешествовала ради путешествія. Были, конечно, минуты, когда я чувствовала даже небольшую грусть, зная что другіе живутъ безъ меня въ удивительныхъ мѣстахъ—въ Египтѣ, Италіи, Греціи, куда я не попаду никогда; иныя названія, случайно напоминавшія о разныхъ странахъ, укалывали тогда мое сердце странной маленькой иглой, легкой и все таки очень острой,

иглой страстнаго желанія — мечты о холмахъ и улицахъ, которыхъ никогда не увидишь собственными глазами.

Но развѣ эта маленькая боль не есть ожиданіе счастья и его спутница? И развѣ нѣтъ въ нашихъ тончайшихъ удовольствіяхъ чего то аналогичнаго прекрасному чувству, что нечѣмъ дышать, съ которымъ мы взбираемся на гору или съ которымъ мы боремся противъ морского вѣтра? Развѣ совершенное обладаніе чѣмъ нибудь не требуетъ расширенія предѣловъ того, что намъ не принадлежитъ, и развѣ воздержанность и отсутствіе излишества, — на примѣръ воздержанность и отсутствіе излишества монашескаго стола и монастырскихъ келій, — не есть идеаль всѣхъ истинныхъ цѣнителей наслажденія? Значить надо сидѣть дома и изслѣдовать окрестности на десять миль кругомъ (удовольствіе же отъ путешествія не острѣе, чѣмъ удовольствіе отъ первыхъ пройденныхъ ста ярдовъ одиннадцатый мили отъ дома), надо дѣлать прогулки вокругъ своего сада или своей спальни, подобно де Местру, и такимъ образомъ приготовлять аппетитъ къ далекимъ поѣздкамъ, въ Китай или Перу? Храни Богъ! Нѣтъ глупости болѣе явной, чѣмъ устраиваніе своего собственнаго счастья!

Во мнѣ крѣпнетъ вѣра, что самая прекрас-

ныя и пріятныя въ воспоминаніяхъ путешествія это тѣ, которыя предприняты случайно или въ силу необходимости; самыя интересныя мѣста — это тѣ, въ которыя мы попадаемъ случайно или даже забредаемъ, сбившись съ пути, когда путешествуемъ ради другихъ мѣстъ или по дѣлу, или даже въ скромныхъ поискахъ за дешевизной жизни или сбереженіемъ здоровья. Мое убѣжденіе, что лучшее путешествіе не есть путешествіе ради путешествія, идетъ рука объ руку съ нѣкоторой философіей жизни, весьма смутной и трудно опредѣлимой, но, можетъ быть, очень глубоко сидящей внутри насъ и неизбежно захватывающей человѣка съ каждымъ прибавляющимся годомъ жизненнаго опыта. По мѣрѣ того, какъ мы живемъ изъ года въ годъ и видимъ нашу собственную жизнь и жизнь другихъ людей около насъ, возникаетъ смутная догадка о нѣкоторыхъ таинственныхъ законахъ, по которымъ все хорошее въ жизни, всякое счастье ея, — нѣтъ, даже самая способность быть счастливымъ, — есть не цѣль существованія, но только прибавка къ существованію, а истинное обладаніе счастьемъ зависитъ лишь отъ добровольнаго и безкорыстнаго подчиненія разнообразнымъ, мѣняющимся указаніямъ и велѣніямъ жизни. Сама жизнь есть всегда путешествіе отъ не-

извѣстной отправной точки къ неизвѣстной цѣли. Мы, движущіеся по ея путямъ, не въ силахъ предвидѣть всѣ дороги, которыя пере-сѣкаются и перекрещиваются въ безконечной сложности; планы, которые мы рисуемъ себѣ, это просто каракули мечтательныхъ дѣтей. Все, что мы можемъ сдѣлать во время такого путешествія неизвѣстно куда и неизвѣстно откуда, это смотрѣть ясно, ступать легко, отказаться отъ всякаго бесполезнаго багажа, насколько только возможно, и наполнять пригоршни плодами и сладкими и цѣлебными травами, растущими по краямъ дороги. Если же мы вообразимъ, что можемъ сами направить свой путь къ таинственному храму Саиса, къ садамъ Армиды, къ святому граду Іерусалиму—что же, нѣтъ грѣха въ надеждѣ! Мнѣ кажется только, что насъ будетъ ждать тогда разочарованіе, ибо мудрость, красота и даже святость—это не особыя области, не царства, ждущія завоевателя, но скорѣе, по моему преходящія состоянія души во время назначеннаго ей таинственнаго путешествія. Что же касается боговъ, то намъ не нужны паломничества къ нимъ: они сами величаво шествуютъ сквозь вселенную, и если душа наша смиренна и радостна, они берутъ насъ за руку и ведутъ нѣсколько ярдовъ за собой, — да, именно ведутъ насъ, бѣдныхъ, съ рыбой въ рукѣ и со-

бакой, слѣдующей за нами по пятамъ, какъ архангелы ведутъ маленькаго Товія на итальянскихъ картинкахъ.

И если такъ, какъ я думаю, поступаютъ архангелы и великія божества, то насколько еще болѣе вѣроятно такое отношеніе къ намъ со стороны столь скромныхъ и дружественныхъ человѣку боговъ, какъ геніи мѣсть! Намъ не надо предпринимать путешествія или дѣлать открытія, чтобы найти Genius Loci. Душа ореады есть въ каждомъ почтенномъ хорошо растущемъ деревѣ, возвышающемся надъ лѣсомъ или уединенно стоящемъ на распаханной вершинѣ; наяда живетъ въ каждомъ родникѣ между осѣкой и мшистыми камнями, нѣтъ, даже въ каждомъ водоемѣ изъ благороднаго камня, съ чистой берилловой водой открытой небу, гдѣ по вечерамъ женщины наполняютъ свои кувшины. А что касается Очарованныхъ Лѣсовъ, то они встрѣчаются во многихъ паркахъ и опоясываютъ многіе города,—надо только признать ихъ и съ охотой подчиниться ихъ благодатному очарованію. Такимъ образомъ, мы обогатимъ нашу жизнь не какими-либо далекими планами, не поисками перемѣны и выгоды, но вѣрнымъ достиженіемъ того, что у насъ подъ рукой.

Во имя чего, о великодушное божество мѣсть, даруй намъ такіе глаза, такое сердце,

чтобы мы скорѣе могли узнать твои тайные храмы, разсѣянные по всему свѣту, на поворотѣ каждой тропинки. Даруй намъ, какъ высочайшее благо, способность странствовать въ Очарованныхъ Лѣсахъ въ короткій промежутокъ времени между тѣмъ часомъ, когда мы встаемъ отъ уединенной работы и тѣмъ, когда садимся ужинать съ дорогими друзьями!

II.

Пиза и Кампо Санто.

Отъ Пизы получается смѣшанное впечатлѣніе, ибо исторически и топографически она вынесла миллионъ измѣненій; ея прошлое смыто или покрыто иломъ приливавшихъ и отливавшихъ волнь Средиземья. Только соборъ и его старыя стѣны стоятъ на берегу; всякаго же рода жизнь убывала съ каждымъ проходившимъ столѣтіемъ, пока городъ не сдѣлался мѣстомъ тихой смерти для чахоточныхъ и мѣстомъ остановки для путешественниковъ, направляющихся въ менѣе глубоко уснувшіе города и пережидającychъ часъ или два между поѣздами на кладбищѣ Пизы.

Кромѣ удивительнаго собора (последняго, въ сущности, памятника эллинистическаго и римскаго искусства, чудесной матеріальной и эстетической реконструкціи античныхъ обломковъ) и родственныхъ ему башни и баптистерія, ничего не осталось отъ ранней сред-

невѣковой Пизы, за исключеніемъ немногихъ еще маленькихъ церковныхъ фасадовъ, вдѣланныхъ въ позднѣйшіе дома. И очень мало осталось слѣдовъ болѣе поздней Пизы, Пизы времени Кампо Санто. Городъ, взятый въ цѣломъ, едва-едва восходитъ къ семнадцатому столѣтію: повсюду медицейскіе герцогскіе гербы; скорѣе это даже ранній девятнадцатый вѣкъ—домъ Байрона и Шелли; для меня, по крайней мѣрѣ, Пиза полна воспоминаніями о нихъ.

Но издали, въ воображеніи, Пиза существуетъ только въ своихъ немногихъ монументахъ, изолированныхъ во времени и пространствѣ, и въ этомъ ея великое очарованіе. Когда плывешь по рѣкѣ, какъ это было со мной однажды, въ день сильнаго и крѣпкаго морского вѣтра, Пиза скоро остается позади, и весь городъ превращается въ одни только купола собора и баптистерія, и наконецъ въ одну колокольню, поднимающуюся изъ равнины на фонѣ коническихъ холмовъ и грозныхъ тучъ. А когда выѣзжаешь на велосипедѣ, что я часто дѣлала, за разныя ворота Пизы, то даже прелесть рощъ пиній у моря, оливковыхъ садовъ по дорогѣ къ Луккѣ, далекихъ огромныхъ горъ Каррары, поднимающихся, какъ тѣни, голубыя и дымчатыя,—прелесть всей этой широкой равнины, открытаго

хлѣбнаго поля и луга, уступаетъ прелести возвращенія, радости при видѣ чудесной соборной группы, поднимающейся надъ стѣнами. И, въѣхавъ въ ворота, сразу оказываешься у этихъ зданій, какъ разъ подѣ ихъ стѣнами; ничего не видно, кромѣ нихъ однихъ, на лугу зеленой травы и сладкаго бѣлаго клевера.

Если смотрѣть издали, въ особенности изъза стѣнъ города, куполь собора, безъ единого дерева вокругъ (благодареніе Богу!), съ которымъ можно было бы его сравнить, кажется незначительнымъ, совершенно утопая, чторѣдко бываетъ съ куполами, въ массѣ зданія. И это зданіе въ формѣ точнаго креста, покрытое вездѣ на два ската, когда смотришь на него черезъ лугъ и равнину, имѣетъ видъ какого то очень примитивнаго храма и напоминаетъ мнѣ по странной ассоціаціи церковь въ Тинтажелѣ. Церковь, во всякомъ случаѣ, безконечно отдаленнаго времени и безконечной уединенности—вокругъ ни одного города—оторванная вещь другой эпохи. Такая мысль для меня еще болѣе увеличиваетъ необыкновенное фантастическое очарованіе этого чудеснаго ларца изъ слоновой кости, этого совершенства линий, цвѣта, рѣзьбы повсюду, начиная отъ трехъ абсидъ, отъ плоскихъ арокъ и пилястровъ на стѣнахъ и кончая вѣнчающими крестами и гирляндами высокихъ боковыхъ фронтоновъ.

Эти подобные отдѣльнымъ храмамъ боковые фронтоны — самая красивая часть прекраснаго зданія — доказываютъ, какъ я уже раньше говорила, что пизанскій соборъ, выстроенный греками или учениками грековъ, есть одно изъ послѣднихъ созданій античнаго искусства. Колонны изъ giallo antico и изъ мрамора персиковаго цвѣта, плиты изъ порфира и серпентина, разнообразныя въ оттѣнкахъ, придающія стѣнамъ цвѣтъ чайной розы, — все это столь же несомнѣнные остатки древнихъ храмовъ въ Греціи и Малой Азіи, привезенные галерами пизанцевъ, сколь несомнѣнно римское происхожденіе архитектурныхъ формъ, капителей, профилей и превосходной рѣзьбы. Нѣкоторые орнаменты кажутся почти скопированными съ гробницы Мавзола, съ какимъ то лишь новымъ оттѣнкомъ, съ заостреніемъ угловъ и кривыхъ, принадлежащимъ средневѣковью и говорящимъ о пришествіи готическаго искусства. Что за покоряющее очарованіе этихъ зданій, всѣхъ цѣликомъ одной эпохи и такъ тѣсно сгруппированныхъ — соборъ, баптистерій и башня — на полѣ душистаго бѣлаго клевера какъ разъ подлѣ городскихъ стѣнъ!

Чувство внушаемое Кампо Санто, конечно, совсѣмъ иное, и въ его стѣнахъ скрытъ міръ совсѣмъ иного характера. И въ немалой сте-

пени это оттого, что подъ полуобвалившимися фресками средневѣковыхъ поученій и легендъ, и вдоль изуродованныхъ античныхъ саркофаговъ, здѣсь, въ убѣжищѣ коренныхъ пизанцевъ („покажите мнѣ могилы крестоносцевъ“, повторялъ здѣсь однажды при мнѣ упрямо по-англійски надутый пасторъ)—покоятся всякаго рода современныя существа. Здѣсь покоятся всѣ мѣстныя знаменитости съ косами восемнадцатаго вѣка или съ прическами à la Brutus, въ складчатыхъ туникахъ и тогахъ, писавшіе о юриспруденціи, о канарейкахъ красивыхъ дамъ или, подобно знаменитому но позабытому Марулли, „О нищенствѣ“; геній, исполненный Кановой, вѣнчаетъ теперь съ величайшей заботливостью этотъ трудъ. „О нищенствѣ“! Средніе вѣка на другомъ концѣ кіостро оставили иной взглядъ на этотъ предметъ, выраженный группой калѣкъ, слѣпыхъ и хромыхъ, бесѣдующихъ о Смерти на большой фрескѣ Триумфа Смерти. Можетъ быть, въ этомъ они хотѣли оставить намекъ, что нѣкоторые изъ такихъ несчастныхъ людей будутъ взяты на небо ангелами Страшнаго Суда,—указаніе гораздо болѣе утѣшительное для нищихъ, чѣмъ книга знаменитаго Марулли, увѣнчанная геніемъ Кановы. Подлѣ цѣпей отъ воротъ Пизы, висящихъ на стѣнѣ, нашель себѣ мѣсто другъ Вольтера и Фридриха Великаго, Альгаротти — Algarottus,

sed pop omnis — какъ онъ позаботился самъ сообщить намъ. Хочется думать, что нѣкоторая частица его вознеслась въ болѣе соответствующія сферы, ибо модникъ восемнадцатаго столѣтія долженъ былъ не мало страдать отъ „готическаго“ дурного вкуса и суевѣрія окружающихъ фресокъ. Здѣсь погребены вообще всякія знаменитости: мадамъ Каталани рядомъ съ графами Доноратико, потомками Уголино и рядомъ съ матерью графини Матильды. И усиливаютъ смѣшеніе еще бѣдные сѣверные люди, поляки, напимѣръ, которые очевидно пріѣзжали въ Пизу умирать отъ чохотки, что такъ легко могло случиться съ Китсомъ и что произошло бы съ Шелли, если бы вмѣсто того его не унесло пизанское море.

Что до меня, то, сознаюсь, я рада этому смѣшенію; оно смягчаетъ это мѣсто, отнимаетъ его немного отъ прошлаго, которое такъ давно перестало жить, что подобно людямъ написаннымъ на стѣнахъ и изваяннымъ на саркофагахъ оно, кажется, едва даже прошло сквозь горечь и торжественность смерти.

Такое, какъ оно есть, Кампо Санто очарованное мѣсто, въ которомъ хочется долго оставаться, особенно въ прекрасное майское утро. Не можетъ быть ничего плѣнительнѣе, какъ пробѣгать глазами фрески, которыя благодаря своимъ пестрымъ краскамъ, иногда

очень яркимъ, иногда совсѣмъ выцвѣтшимъ, въ самомъ дѣлѣ похожи на цвѣтникъ. Можно еще сойти на траву освѣщеннаго солнцемъ кюстро, чтобы насладиться контрастомъ и увидѣть фрески съ другой стороны въ рамѣ бѣлыхъ вырѣзанныхъ арокъ, синія и лилово-розовыя съ только кое гдѣ выступающими фигурами.

Вдругъ начинаешь думать, но не критически впрочемъ, былъ ли бы доволенъ или недоволенъ Данте иллюстраціей его „Inferno“ этими фресками; одобрилъ ли бы онъ этихъ лукавыхъ веселыхъ гигантскихъ дьяволовъ, пожирающихъ измѣнниковъ, зеленыхъ и желтыхъ, подхватывающихъ иныхъ грѣшниковъ, чтобы проглотить ихъ, подобно людоеду изъ дѣтской сказки? Были ли у него такія видѣнія этихъ грѣшниковъ, надѣтыхъ на вертель, вычищенныхъ, выпотрошенныхъ (какъ дичь) злыми дьяволами-поварами; видѣнія змѣй, вьющихся какъ веревки? Кто знаетъ! Кто знаетъ! Развѣ каждое поколѣніе читателей не переписываетъ по своему всѣхъ безсмертныхъ поэтовъ?

Здѣсь можно, напримѣръ, читать на свой ладъ хотя бы эту нарисованную на стѣнѣ легенду Санъ Раніеро—приключенія на сушѣ и на морѣ, охоту, бури съ дьяволами воюющими въ снастяхъ, искушенія эремитовъ въ пустынѣ и ужасныя битвы съ Гогомъ и Маго-

гомъ, воображая все это въ духѣ *Legenda Aurea* Якопо Воражина и немного разукрашивая все на манеръ Анатоля Франса... Вдругъ среди этого празднаго занятія нашъ взглядъ падаетъ на барельефъ—скажемъ, на барельефъ, изображающій колесницу несчастнаго молодого Ипполита — иныхъ языческихъ саркофаговъ или останавливается на ясности красивой одѣтой въ шлемъ головы Ареса... Арки кіостро обрамляютъ ихъ, а на противоположной сторонѣ, надъ мраморомъ цвѣта слоновой кости, поднимаются куполь собора, подобный сухой головкѣ мака, и похожій на гранатовый плодъ куполь баптистерія — пурпуровый, красноватый съ бѣлыми полосами; надъ ними блѣдно-голубое небо, недавно омытое дождемъ, съ однимъ только перистымъ облачкомъ. Солнечный свѣтъ падаетъ мягко и блѣдно на мраморные могильные камни, взлетаютъ ласточки, и свѣжій вѣтерокъ приноситъ запахъ бѣлаго клевера въ кіостро кладбища.

III.

Тосканскія церкви лѣтомъ.

Вчера, вмѣсто того, чтобы ѣхать черезъ Пистойю, которая была по дорогѣ на мою виллу, я рѣшила, что будетъ пріятнѣе заглянуть опять въ нѣкоторыя изъ здѣшнихъ маленькихъ романскихъ церквей, и начала съ Санъ Джованни fuor civitas. Я люблю ея названіе, заключающее въ себѣ образъ маленькаго города, образъ тополей и травы у подножія его стѣнъ, и открытой равнины кругомъ. Церковь, какъ всегда, была заперта, и я потратила немало времени, пока ждала когда ее откроютъ. Мнѣ нравилась она все больше и больше. Ибо, несмотря на внезапное очарованіе испытываемое при входѣ въ итальянскую церковь сквозь открытый главный порталъ, гдѣ виситъ лишь занавѣсъ, допускающей внутрь отблески солнца, а наружу запахъ ладона, несмотря на это обычное очарованіе перехода отъ наружнаго яркаго свѣта къ темнотѣ и прохладѣ

церкви, столь же полного перехода, какъ съ земли въ воду,—несмотря на все это, я предпочитаю запирающіяся церкви, такъ какъ есть своя совсѣмъ особенная прелесть въ трудности проникновенія въ такія покинутыя зданія. Это ожиданіе въ переулкѣ у *Campanello della Cuga* или въ сводчатомъ проходѣ, гдѣ передъ вами открывается за рѣшеткой перспектива выбѣленныхъ стѣнъ съ распятіемъ или маленькій замкнутый садикъ и, можетъ быть, даже апельсинное дерево у его стѣны. Затѣмъ проходишь черезъ разныя пустынные комнаты, сакристіи, съ ихъ старосвѣтскимъ, обветшалымъ убранствомъ, и вступаешь въ церковь неожиданно, черезъ какую-то скрытую дверь. Церковь—въ особенности, одна изъ этихъ базиликъ Пистойи—постоянно закрытая и въ которую такъ таинственно приходишь, кажется въ своей заброшенности еще болѣе созданіемъ сновъ и вѣковъ.

Живопись на золотомъ фонѣ, торжественные лъвы, изваянные на каедрѣ, и птицы на капителяхъ; аллегорическія женщины со стертymi, отъ прикосновенія многихъ рукъ, чертами на чашахъ со святой водой—все это какъ-то больше принадлежитъ себѣ, все это даетъ входящему то, чего не можетъ дать открытая церковь: покой и утѣшеніе удаленности отъ дѣйствительности, отъ настоящаго, отъ преходящаго.

И разъ я заговорила объ этомъ, позвольте мнѣ сказать также одно слово въ похвалу сакристій. Сакристія вмѣщаетъ гораздо болѣе интимный духъ прошлаго, духъ посвященности, чѣмъ очень часто сама даже церковь. Она находится въ безопасности отъ нечестія и отъ того, что есть только видъ нечестія — отъ нынѣшней нескромной вѣры, которая точно знаетъ все о божественныхъ предметахъ, какъ будто она постигаетъ ихъ! Въ сакристіи даже болтовня канониковъ, нюхающихъ табакъ, принимаетъ какой-то сакраментальный характеръ, а если при этомъ они облачаются или снимаютъ облаченіе, или покрываютъ и раскрываютъ чашу, то это становится частью нѣкоего длиннаго и торжественнаго обряда. Сакристіи обладаютъ гораздо больше, чѣмъ церкви (и даже исключительно, ибо церковь должна быть открыта каждому, всѣмъ жалкимъ лохмотьямъ и грѣхамъ входящихъ въ нее) этимъ свойствомъ прибранности и украшенности, которое является вѣчной равноцѣнностью святости и главнымъ мотивомъ такой необходимой и цѣлительной отъединенности отъ жизни святыхъ мѣстъ и святыхъ душъ.

Сакристіи имѣютъ, кромѣ того, свойство (не суетное, но жертвенное свойство) священническаго великолѣпія и можно ли такъ сказать?—священнической *so quiette rie*. Не для

блага или тщеславія отдѣльной личности (личность священника бываетъ въ Италіи весьма часто неприглядной и жалкой личностью) существуютъ эти тщательно сложенные облаченія, этотъ благородный воздухъ, висящій какъ слабый фиміамъ надъ бѣлыми и алыми одеждами, эти скатерти и кружевные пелерины, разостланныя на дубовыхъ столахъ. Въ Посту, особенно, сакристіи внушаютъ подобныя мысли, отъ преобладанія прекраснаго винно-лиловаго цвѣта, повсюду выражающаго траурное великолѣпіе церкви; частью же оттого, что сама церковь тогда скромнѣе и таинственнѣе, завѣшанная покрывалами; распятія едва намѣчаются тогда сквозь темный шелкъ. И кромѣ того, есть очарованіе не совсемъ христіанское, но съ отгѣнкомъ классичности, съ олимпійскими воспоминаніями, въ обрядныхъ трофеяхъ пальмовыхъ вѣтвей, приготовляемыхъ для церемоніи въ этихъ же сакристіяхъ.

Но вернемся къ нашимъ тосканскимъ церквамъ лѣтомъ. Возвращаясь съ виллы въ прошлое воскресенье, полная впечатлѣній отъ ея нѣжной прелести, я почувствовала, что не могу проѣхать прямо домой распечатывать и читать письма; и такъ какъ бываетъ долго свѣтло въ эти длинные іюньскіе вечера, я остановилась по дорогѣ у Санта Марія Но-

велла. Церковь была переполнена народомъ, готовымъ къ процессіи (я забыла, что былъ день *Congrus Domini*), но воздуха въ ней было много, (всѣ двери и кіостро Испанской капеллы были открыты настежь) и только нѣжный запахъ ладана и свѣжихъ цвѣтовъ шелъ изъ темноты, гдѣ свѣтился, какъ серебряный павлинь, главный алтарь, уставленный свѣчами въ сумракѣ занавѣсей и густо окрашенныхъ цвѣтныхъ стеколъ. Разныя группы людей готовились къ процессіи: стройныя молодыя женщины, мальчики и толпы маленькихъ дѣтей: крохотныя дѣвочки въ большихъ бѣлыхъ шляпахъ съ перьями; одна малютка съ блѣдными, тѣлеснаго цвѣта, позолоченными крыльями, изображала купидона, съ рогомъ изобилія, полнымъ цвѣтовъ,—совершенно ренессансная фантазія! Всѣ эти дѣти толпились вокругъ красивыхъ доминиканцевъ въ кружевныхъ пелеринахъ поверхъ бѣлыхъ одеждъ и другихъ бѣлыхъ монаховъ какого-то ордена съ откинутыми назадъ капюшонами. Этотъ праздникъ дѣтей, въ самомъ дѣлѣ восхитительный и очаровательный, какъ праздникъ цвѣтовъ, заставляеть понять совсѣмъ языческую сторону нашей старой вѣры, которая призываетъ къ себѣ маленькихъ дѣтей не только для благословенія и наставленія, но и для наряжанія ихъ въ сакристіи.

Отсюда очень странно и какимъ-то образомъ даже поучительно перейти въ пустую Испанскую капеллу. Здѣсь маленькое собраніе у алтаря,—нѣсколько соломенныхъ стульевъ вокругъ одной единственной красной каеэдры съ золотомъ; на нихъ пять или шесть набожныхъ дамъ,—такъ ихъ называетъ одинъ изъ моихъ итальянскихъ друзей,—съ покрытыми сѣткой волосами, въ старомодныхъ платьяхъ, съ четками въ рукахъ, ловящихъ на лету довольно незамысловатыя шутки проповѣдника. Небольшой этотъ праздникъ клерикальнаго остроумія и краснорѣчія могъ показаться чѣмъ-то весьма жалкимъ этимъ красивымъ Добродѣтелямъ и Искусствамъ въ ихъ элегантныхъ нарядахъ, этимъ великолѣпнымъ царямъ Давидамъ и Птоломеямъ, нарисованнымъ здѣсь на стѣнахъ. Но праздникъ дѣтей, хотя уже и не каноническій, происходилъ также и въ сосѣднемъ большомъ кіостро. Здѣсь дѣти не столь возлюбленные судьбой, тѣ, которыхъ Церковь за неимѣніемъ страусовыхъ перьевъ и бѣлыхъ башмаковъ не призвала на великій праздникъ, проводили не менѣе хорошо время—катаясь по травѣ и дѣлая изъ песку пироги подъ защитой колоннъ и въ тѣни колокольні въ то время, какъ звонъ колоколовъ и звуки органа долетали изъ церкви даже сюда.

IV.

Нимфы и рѣчной богъ.

Близорукіе люди жалуются, что мало воды въ итальянскомъ пейзажѣ, очевидно, цѣня рѣки по числу тѣхъ лодокъ, которыя можно на нихъ спустить, или на фунты рыбы, которую можно въ нихъ выловить, а не по прелести живущихъ въ нихъ нимфъ или по священному и чудесному характеру ихъ рѣчного бога. Ибо Италія знаетъ нимфъ и рѣчныхъ боговъ, которые мнѣ, по крайней мѣрѣ, кажутся не менѣе желанными, чѣмъ плоты на поверхности рѣки или форели въ ея глубинѣ; повсюду въ холмистыхъ областяхъ Италіи воды достаточно, чтобы освѣжить душу, хотя, можетъ быть, и не всегда достаточно, я допускаю это, чтобы омыть тѣло. Тѣмъ, кого это не удовлетворяетъ, лучше не пріѣзжать въ Италію и лучше пропустить эти страницы.

Я не совсѣмъ представляю, что значило у древнихъ *Nymphon*, и боюсь, что это

было только какой-то частью ихъ общественныхъ бань. Но мнѣ вспомнилось это слово въ связи съ нѣкоторыми, совсѣмъ особенными, уголками, которые встрѣчаются довольно часто на здѣшнихъ холмахъ. Я какъ разъ нашла одно совершенно безукоризненное мѣсто такого рода, когда ѣхала верхомъ по дорогѣ изъ долины Муньоне къ амфитеатру Фьезоле. Здѣсь, на крутомъ поворотѣ тропинки и въ небольшой впадинѣ склона между оливковой рощей и тростникомъ я увидѣла полукругъ кустарника, лужайку сырой травы и маленькій ручей, изгибающійся и бѣгушій внизъ, падающій далѣе черезъ запруду гладкой скатертью бѣлой прозрачной воды; снова теряющійся въ травѣ и бѣгушій опять далѣе, журча и звеня сквозь узкое ущелье, съ кипарисами и высокими лаврами, отмѣчающими его путь, и пламенно красными безлистными ивами у его истока.

Это *Nymphoet*, домъ нимфъ, и я убѣдилась немедленно въ этомъ. Но что я хочу этимъ сказать? Вообразила ли я дѣвическія формы невѣсть и подругъ деревенскаго бога сихъ мѣсть? Конечно, нѣтъ; ни одной человѣческой тѣни, кромѣ случайнаго поселянина, пахавшаго землю въ оливковой рощѣ. Но я знаю, что это мѣсто нимфъ, я чувствую ихъ присутствіе, хотя нимфы—всего только бѣлая, поющая вода и шепчущія кисти тростника.

Нимфы не только присутствуютъ во всемъ этомъ, но все это и есть нимфы. Конечно, не просто же это камни, вода, трава или деревья! И когда, что часто случается, пони останавливается въ такомъ мѣстѣ, чтобы напиться изъ неглубокаго ручья, пересѣкающаго дорогу, у меня бываетъ совсѣмъ особенное чувство, какъ будто я стою въ капеллѣ подъ открытымъ небомъ, въ священномъ мѣстѣ; и все это выражается столь явно невѣрно принимаемымъ мною словомъ *Nymphomani*.

Я вспомнила это чувство, ибо оно объясняетъ, что было нѣчто болѣе сильное, чѣмъ даже три безсмертныхъ гекзаметра *Виргилія*, съ прибавленными къ нему четырема или пятью прекрасными строфами *Кардуччи*, что заставило меня не побояться снѣжнаго вѣтра и нѣсколькихъ миль пути въ умбрійской долинѣ для исполненія долгожданнаго паломничества къ священнымъ источникамъ *Клитумна*. Было прекрасное прохладное мартовское утро; нѣсколько круглыхъ облаковъ поднялись и скользили вдоль снѣжныхъ горъ. Суровая и природно зимняя мѣстность, эта обширная, высоко лежащая овальная долина, это древнее озерное дно *Умбріи*: кругомъ горы, толпящіяся безъ особой граціи, но торжественныя въ своей глубокой голубизнѣ, опорошенной снѣгомъ; города, появляющіеся

и скрывающіеся вмѣстѣ съ мерцающимъ свѣтомъ надъ ихъ вершинами; запоздалые всходы, безлиственные изгороди и голыя, отдѣльныя деревья; дубы, всегда одни только дубы, кромѣ очень жидкихъ оливокъ, кое-гдѣ на сѣромъ каменистомъ склонѣ холмовъ. Очень торжественно; не трагично, но болѣе чѣмъ сурово. Мѣстность, кромѣ того, очень мало населена; немного фермъ и только одна настоящая деревня встрѣчается по дорогѣ на разстояніи нѣсколькихъ миль; приличная, но бѣдная деревня, съ большимъ замкомъ и башнями въ центрѣ, превращенными въ хлѣбныя амбары; рядомъ церковь съ фресками надъ входомъ, окруженными прошлогодними увядшими гирляндами. Люди здѣсь тоже лишены тосканской легкости или римской словоохотливости, они молчаливы и серьезны; мужчины проѣзжаютъ верхомъ на выючныхъ лошадахъ или тянутъ за веревку ряды муловъ; женщины прядутъ, въ то время, какъ овцы и черныя свиньи пасутся на сухой, побитой морозомъ травѣ, и время отъ времени съ горнаго склона спускаются огромные потоки щебня, разливы каменныхъ рѣкъ, и среди нихъ подымаются дѣвственные, растушіе безъ призора, огромные голыя дубы. Было солнечно, но очень холодно. Что за торжественная страна это широкое, плоское, овальное поле зеленого

хлѣба, выметенное вѣтромъ и снѣгомъ съ горъ, сожженное солнцемъ и опустошенное потоками; и всетаки плодородное, человѣческое и ясное!

Я часто видала и прежде маленькій храмъ Клитумна, стоящій подъ скалистымъ, остроконечнымъ холмомъ и надъ полной рѣкой, я видала его изъ поѣзда, проходившаго мимо, не останавливаясь. Случайное распредѣленіе этихъ формъ и линій такъ совершенно, что оно будетъ годами сниться во снѣ даже тому, кто не знаетъ имени храма и посвященныхъ ему стиховъ. Теперь, наконецъ, я стояла возлѣ него. Храмикъ расположенъ на скалѣ надъ мельницей, которую вертитъ Клитумнъ. Если смотрѣть снизу, то ясно становится, что онъ составленъ изъ остатковъ гораздо большаго зданія и притомъ въ византійскія времена; кресты и виноградныя лозы вырѣзаны на его стѣнахъ; это въ сущности христіанская церковь. Да, но построенная изъ римскихъ фрагментовъ съ античнымъ фронтономъ и антаблементомъ, съ колоннами въ канелюрахъ и маленькимъ вестюбилемъ между ними, и въ такомъ видѣ это самое классическое и самое языческое зданіе, какое я когда-либо видѣла. Всякій невольно удивится, найдя внутри маленькой *cella* храма на алтарѣ обычную надпись „*Sacerdos quum lavat manus*“ и т. д.

и всякій невольно переведетъ христіанскій обрядъ въ античное возліаніе. Голуби живутъ надъ храмомъ, а между его двумя колоннами я нашла тѣло зяблика, съ тѣмъ невиннымъ взглядомъ, какой бываетъ у мертвыхъ птицъ. Подъ храмомъ, какъ я уже сказала, пробѣгая сквозь мельницу, течетъ Клитумнъ: не загрязненный женщинами, моющими бѣлье, мелкій прозрачный потокъ съ высокими водяными травами, колеблющимися въ его бѣлизнѣ, подобно волосамъ наядъ. На зеленыхъ отмеляхъ его кое-гдѣ растутъ блѣдныя плакучія ивы, и одно розовое персиковое дерево оказываетъ ему особую честь въ этой не цвѣтущей странѣ. Надпись указываетъ, что мѣсто посвящено Юпитеру Клитумнскому, или Юпитеру, какъ Клитумну—*Jovi Clitumno*. Латинскій языкъ здѣсь оставляетъ, какъ бы умышленно, оба смысла.

Надо было бы сдѣлать такъ, какъ сдѣлалъ Тернеръ: перенести на картину облюбованный воображеніемъ маленькій храмъ, но унести его далеко отъ этой мельницы и на цѣлую милю въ сторону, вдоль той же самой дороги къ истоку рѣки. Надо мечтать о немъ, какъ о хранителѣ чистоты и достоинства этой восхитительной воды, какъ о ея чудесномъ колодцѣ. Тамъ у дороги, подъ голой скалой, среди разбросанно растушихъ сухихъ дубовъ

находится озеро, окруженное строеніями и маленькимъ садомъ фермы, заросшее зеленой водяной травой, скрытое отъ равнины высокимъ заборомъ и стѣной распускающихся весеннихъ тополей. Маленькій островокъ, тоже зеленый, со свѣжими плакучими ивами, лежитъ въ срединѣ озера. Это озеро и есть источникъ Клитумна. Изъ - подъ скалы, невидимо, Богъ знаетъ откуда, бѣгутъ быстрые ключи чистѣйшей прозрачной воды, сливающіеся въ ручьи среди зеленыхъ травъ. Изъ глубокой ямы (изъ которой какъ будто было выкорчевано дерево) бьетъ еще одинъ ключъ, прозрачный, свѣтлый, бериллового цвѣта; и тамъ гдѣ воды уже много, она нѣжно-голубая между волнистыми стеблями травы, плавающей на ея поверхности. Никогда, ни въ какомъ другомъ мѣстѣ не увидѣтъ такой воды! Прямо изъ скрытыхъ урнъ наядъ она выбивается кверху сквозь траву, среди камышей и деревьевъ, подъ этой каменистой горой. Женщина, наполнявшая водой свой кувшинъ и давшая мнѣ напитокъ, рассказала мнѣ, что источникъ не убавляется даже въ самыя большія лѣтнія засухи, скорѣе напротивъ. Нѣсколько крестьянъ подковывали красиваго мула у кузницы на склонѣ холма; а два славныхъ быка чистѣйшей бѣлой породы Вальдикьяна, достойные Вергилія и римскихъ триумфовъ на Капи-

толїи, ждали, когда впрягутъ ихъ въ ярмо. Я думала, когда сидѣла на солнцѣ тамъ, у храма, что онъ, и источникъ, и темно голубая долина были священны для меня, благодаря строкамъ Георгикъ. Но теперь, близко глядя на источникъ, я поняла, что есть нѣчто болѣе удивительное и достойное почтенія, чѣмъ вся поэзія Виргилія, въ мѣстахъ, которыя вдохновили ее, и что я была въ домѣ Бога, въ настоящемъ присутствіи Бога.

V.

Тріентъ.

Какъ странно показалось, и какъ очаровательно было очутиться этимъ раннимъ утромъ еще разъ на Югѣ, ѣхать не въ гостиницу и не въ омнибусъ, но трястись въ дребезжащей и грохочущей почтовой каретѣ на пути къ нѣкому гостепріимному дому! Какой изящный и милый былъ Тріентъ, когда мы проѣзжали сквозь него; не живописный только, какъ старыя германскіе города, которые остались позади меня, но гораздо лучше того — красивый со своими прекрасными венеціанскими окнами пятнадцатаго и шестнадцатаго вѣка, съ остатками фресокъ, съ ломбардскимъ соборомъ въ колоннахъ; со своими портиками и площадями, заваленными корзинами съ виноградомъ, со стѣнами и башнями, увѣнчанными гибеллинскими зубцами въ видѣ ласточкиныхъ хвостовъ, съ Адиджемъ, стремящимся мимо нихъ къ Веронѣ. И какъ пріятно было встрѣтить,

выѣхавъ за городъ, на пыльной дорогѣ, подымавшейся къ нашему замку, бѣлыхъ быковъ, впряженныхъ въ повозки съ новымъ виномъ, не фуры, какъ въ южной Германіи и Швейцаріи, но повозки, похожія на старинные артиллерійскіе лафеты, съ кузовомъ, сбитымъ большими гвоздями, и колесами почти вовсе безъ спиць, свойственныя всей Ломбардіи и говорящія о томъ, что Альпы уже позади, а впереди только широкія, плавно спускающіяся долины и великая равнина По, простирающаяся до самыхъ Апеннинъ.

Сколько удовольствія доставила мнѣ только что Германія, думала я, когда мы тряслись по этой пограничной землѣ, гдѣ чиновники говорятъ по-нѣмецки, а природа по-итальянски, но сколько радости дастъ мнѣ Италія еще разъ!

Надо быть благодарнымъ и признательнымъ за самое разнообразіе удовольствій, за разнообразіе того, какъ они достаются въ различныхъ странахъ! Такъ, въ Германіи (оставляю въ сторонѣ большіе международные города, лишенные всякаго характера) я чужая, не знающая ни единого человѣка и переѣзжающая изъ гостиницы въ гостиницу, не въ полномъ одиночествѣ, впрочемъ, (далеко отъ этого), но въ сопровожденіи лишь изображеній рыцарей Гець фонъ - Берлингена изъ

франконскихъ церквей, невинныхъ авантюристовъ, чувствительныхъ эксцентричныхъ красивыхъ дамъ, минезингеровъ, „адвокатовъ бѣдныхъ“, таинственныхъ аббатовъ и прекрасныхъ душъ изъ повѣстей Гёте и Жанъ Поля и автобіографіи Штиллинга, въ обществѣ моихъ нянекъ также и учителей, увы,— умершихъ и только воспоминаемыхъ, въ сопровожденіи товарищей по охотѣ моего отца и товарищей моего собственнаго дѣтства, сопровождаемая, кромѣ всего этого, безсмертной музыкой. И безъ всякаго неуваженія къ какимъ бы то ни было моимъ дорогимъ, реально существующимъ, нѣмецкимъ друзьямъ, которыхъ судьба еще только собирается послать мнѣ въ будущемъ (ихъ смутные образы, угадываемые въ окнахъ неровно мощеныхъ городскихъ улицъ или за рѣшетками осѣненныхъ липами деревенскихъ домовъ съ крутыми крышами, были, можетъ быть, самыми нереальными существами въ моей воображаемой свитѣ), а также, конечно, безъ всякаго неуваженія къ будущему Германіи, я должна сказать, что такого рода одиночество или такого рода общество (здѣсь вѣдь сразу и то и другое) есть, быть можетъ, нѣчто, больше всего соответствующее Германіи и чувству Германіи. Совсѣмъ другое дѣло Италія. Это страна друзей реальныхъ, живыхъ и несравненныхъ; и ихъ простота и важность,

пылкая ласковость и грація, неопредѣлимое свойство ихъ древней расы и ихъ особеннаго воспитанія, необходимы для полной оцѣнки величія ея національной исторіи, геніальности и очарованія ея національнаго искусства такъ же, какъ ихъ нерушимыя самобытныя традиціи, ихъ любовь къ своему городу и своей области, которая открывается въ повседневныхъ разговорахъ.

Пребываніе въ гостиницѣ, такое умѣстное въ Германіи, кажется мнѣ скорѣе противостественнымъ въ Италіи. Какимъ-то недостаткомъ, какимъ-то разочарованіемъ оно кажется мнѣ здѣсь, и поэтому вполне справедливымъ мнѣ показалось, что чисто итальянскій Триентъ могъ сдѣлать меня счастливой чисто итальянскимъ образомъ. Здѣсь, наверху, въ замкѣ, возвышающемся среди смѣшаннаго лѣса сѣверныхъ буковъ и южныхъ сосенъ, въ его огромныхъ комнатахъ, покрытыхъ фресками созданными заботою Фуггеровъ о пребываніи Карла V, а теперь населенномъ болѣе достойно ребятами, куклами и игрушечными лошадками, здѣсь наверху, такъ же какъ въ прошломъ году внизу, во дворцѣ, стоящемъ на улицѣ Триента, я почувствовала себя вдругъ сразу въ соприкосновеніи съ прошлымъ черезъ это милое настоящее. Въ полчаса за обѣдомъ, среди семейныхъ портретовъ—одинъ Тиціанъ и одинъ

Морони въ томъ числѣ—кажется, узнаешь не только все о современномъ Тріентѣ съ его итальянскими жителями и австрійскими солдатами и чиновниками, но также и все о феодальномъ Тріентѣ времянь Собора и еще болѣе древнихъ. Фамилія Мадруццо, къ которой принадлежали принцы-епископы въ продолженіи цѣлаго столѣтія, и которая захватила себѣ такъ много помѣстій и замковъ, стала для меня реальной и близкой.

Заговоривъ о возможности горныхъ экскурсій (справляясь съ расписаніемъ желѣзныхъ дорогъ и озерныхъ пароходовъ), мы перешли вдругъ совсѣмъ естественно къ исчисленію того, сколько перемѣнъ лошадей было потребно для передачи новостей о Соборѣ въ Римъ, предполагая, конечно, что посланцы Карла V и папы Фарнезе скакали денно и ночью.

Въ прошломъ году я останавливалась у моихъ друзей въ самомъ Тріентѣ. Была середина лѣта, перерывъ въ серіи грозъ, которыя обнаружили альпійскій характеръ этого мѣста. Въ хорошую погоду города, расположенные подобно Тріенту, а также Беллинцонѣ и Инсбруку, то-есть въ долинѣ, окруженной высокими горными стѣнами, заключаютъ въ себѣ что то такое, что мнѣ невыносимо напоминаетъ тюрьму. Но когда облака закрываютъ эти преграды, отдѣляющія остальной

міръ, такія мѣста приобрѣтають величіе и даже особую прелесть въ своемъ очевидномъ единеніи со стихіями. Скалы, лѣса и высокія пастбища глядятъ на нихъ сверху, бури и снѣга свободно играютъ въ этихъ закрытыхъ убѣжищахъ. Въ Тріентѣ есть даже маленькій водопадъ, играющій такъ же привольно на виду у всего города, какъ струи воды среди статуй и каменныхъ узоровъ большого фонтана подлѣ собора. Забавно видѣть этотъ альпійскій характеръ запечатлѣннымъ во фрескѣ на наружной стѣнѣ одного изъ красивыхъ венеціанскихъ домовъ пятнадцатаго столѣтія: семья сидитъ въ комнатѣ, покрытой восточными коврами, передъ широкимъ окномъ, выходящимъ на закатъ и на горы, и сближающимъ ее съ этими горами.

Въ первый вечеръ, который я провела въ самомъ Тріентѣ (такъ ясно видно изъ этого замка, стоящаго надъ нимъ), Альпы, какъ будто, сомкнулись надъ городомъ со всѣми своими грозами; и удивительнымъ казалось, почему Адижъ, такой широкій отъ таянія снѣговъ, не присоединится, какъ онъ часто это дѣлаетъ, къ такому слишкомъ вольному обращенію стихій съ городомъ.

Мы отправились въ путь по темнымъ улицамъ, покрытымъ водой, подъ водопадами, стекавшими съ крышъ, къ церкви, гдѣ былъ знаменитый органъ семнадцатаго столѣтія, о

которомъ любилъ мнѣ рассказывать органистъ Латерана нѣсколько лѣтъ тому назадъ.

Шла какая то служба, связанная съ Сердцемъ Христовымъ; церковь была вся завѣшана красной парчей, и великолѣпный алтарь сіялъ въ темнотѣ, какъ рождественская елка. Было очень много народа, несмотря на ужасную погоду; всѣ явились закутанные въ плащи и шали, и люди были едва видны въ темнотѣ нефа. Короткое пѣснопѣніе исполнялось попеременно то на органѣ, то всѣми присутствующими безъ аккомпанимента. Голоса, главнымъ образомъ женскіе и дѣтскіе, имѣли тотъ глубокой гортанный звукъ, который учишься знать и любить въ итальянскихъ поляхъ, звукъ торжественный и выражающій паѳосъ, удивляющій своей дѣвственностью. Маленькій органъ былъ безконечно мягокъ по тону, какъ небольшой оркестръ старинныхъ струнныхъ инструментовъ — какая то „Кремона“ среди органовъ. Мы пробыли тамъ, пока пѣснопѣніе не повторилось въ послѣдній разъ, и вышли на улицу, когда началась проповѣдь, прямо въ яростную горную бурю. Было курьезно вспомнить, что это была какъ разъ та церковь, гдѣ великій Соборъ засѣдалъ нѣкогда, чтобы передѣлать или переиначивать католицизмъ, гдѣ тянулись ряды за рядами серебряныхъ митръ, написанные Тиціаномъ или однимъ изъ его учениковъ.

VI.

Вѣчно-зеленые дубы и анахореты.

Я поняла наконецъ въ этихъ умбрійскихъ лѣсахъ вѣчно-зеленыхъ дубовъ, почему всю зиму я ни разу не могла видѣть снѣжныхъ бурь, проносящихся надъ Валломброзой, голубыхъ горныхъ глубинъ, бѣлыхъ далекихъ снѣговъ, торжественныхъ нависшихъ облаковъ, безъ мысли о пустынникахъ, анахоретахъ. Это слово непременно приходило мнѣ на умъ каждый разъ. Я замѣчала это и возвращалась домой, чтобы забыть его до слѣдующей зимней поѣздки верхомъ въ горахъ надъ моимъ домомъ.

Умбрійскіе лѣса вѣчно-зеленыхъ дубовъ, такіе черные, густые, таинственные, всегда привлекали меня и во время прежнихъ переѣздовъ (черезъ Перуджію и долину Неры) изъ Флоренціи въ Римъ; я еще могу вспомнить какой то пріятный страхъ, который наполнял меня когда во время такихъ путе-

шествѣй моего дѣтства мы останавливались безъ всякой видимой причины въ одномъ изъ этихъ обрывистыхъ ущелій. Но я никогда прежде не бывала среди вѣчно-зеленыхъ дубовъ и только нѣсколько лѣтъ назадъ, когда я жила въ Фолиньо, они встрѣтились мнѣ тамъ, и потомъ, почти такъ же неожиданно, ранней весной въ Сполето.

Вѣчно зеленые лѣса надъ Фолиньо—это тѣ лѣса, которые окружаютъ старинное аббатство Сассовиво. Вы взбираетесь по холмамъ, состоящимъ изъ этого красиваго рыжеватого-краснаго известняка, окрашеннаго кое гдѣ въ чисто алый цвѣтъ, изъ котораго выстроены умбрійскіе города, Ассизи, Спелло, Фолиньо, Треви; суровые холмы эти рѣдко поросли голыми дубами и кустами сухого вереска, изъ котораго жители лѣса дѣлаютъ связки, сбрасывая ихъ внизъ по русламъ потоковъ. Вы продолжаете подыматься въ гору; начинаются лѣса вѣчно-зеленыхъ дубовъ, и сквозь нихъ вы внезапно добираетесь до полуразрушеннаго монастыря цистерціанцевъ съ его укрѣпленными стѣнами, башнями и колончатымъ кіостро, и колокольной въ трещинахъ съ кустами можжевельника, растущими на ея флюгерѣ. Нѣсколько муловъ, нагруженныхъ углемъ, паслись вмѣстѣ съ овцами подъ порѣдѣвшими деревьями, жуя тминъ и душистыя сѣрыя травы

среди разбросанныхъ розовыхъ камней. Вѣтеръ рѣзко свистѣлъ, и бѣлые клубы облаковъ двигались надъ долиной и далекими голубыми холмами; то было поистинѣ суровое дикое мѣсто, странно первобытное, которое заставляло чувствовать даже у монастырскихъ башенъ, что это старая Умбрія доримскихъ дней, со своими лѣсами, срубленными до корней, но выпускающими побѣги изъ старыхъ пней. Я сорвала вѣтку дуба, чтобы взять домой, и держала ее нѣсколько мѣсяцевъ у себя въ комнатѣ; листья превратились въ хрупкое черное серебро. Таково было мое первое близкое знакомство съ умбрійскими дубовыми лѣсами.

Не знаю, живали ли когда-нибудь эремиты въ этихъ лѣсахъ Сассовиво, хотя мнѣ хочется думать, что они жили здѣсь, прежде чѣмъ явились монахи; но я знаю упоминаніе св. Іеронима, что „Гора“ Сполето была полна ими. Мѣсто, „полное“ эремитовъ, — это звучитъ почти противорѣчиво. Но не въ томъ дѣло. Самое забавное это то, что мои анахореты были дѣйствительно совсѣмъ одни — реально одни, какъ представилъ бы себѣ ихъ одиночество ребенокъ — и въ то же самое время они не были въ полномъ уединеніи. Вы найдете доказательство этого на очень многихъ старинныхъ фрескахъ и на поучитель-

ныхъ картинахъ, изображающихъ еивайдскихъ эремитовъ у одного изъ Лоренцетти. Здѣсь они всѣ изображены на разстояніи брошеннаго камня одинъ отъ другого, каждый въ своемъ собственномъ маленькомъ розовомъ домѣ, со своей собственной колокольней, со своимъ колодцемъ, садомъ, со своими скалами и своими собственными, своими совсѣмъ, совсѣмъ собственными демонами, явившимися искушать ихъ. Это идеальнаго настоящаго уединенія, ибо иначе почти всегда есть кто то, кому вы можете показать, какъ вы одиноки.

То же самое впечатлѣніе производятъ „Жизнеописанія отцовъ пустыни“ фра Доменико Кавалька. Я приписываю ихъ Кавалькѣ, потому что не могу сомнѣваться, что этотъ милый монахъ четырнадцатаго столѣтія позволилъ себѣ большія вольности при переводѣ св. Іеронима, св. Аѳанасія и особенно ихъ латинскаго переводчика Евагрія, антиохійскаго писца, у котораго все написанное звучитъ довольно глухо. Эремиты Кавальки были въ самомъ дѣлѣ удивительно общественны. Правда одинъ изъ нихъ жилъ на вершинѣ неприступной скалы и въ продолженіе пятидесяти лѣтъ не пускалъ никого въ свое убѣжище. Но даже у него были назначенные дни, когда онъ могъ разговаривать изъ своего оконца со всѣми

приходившими къ нему людьми, которые ждали отъ него наставленія или утѣшенія. Сушествоваль еще другой пустынный, о которомъ идетъ споръ, было ли мѣсто, гдѣ онъ жилъ, высохшимъ водоемомъ или выдолбленной тыквенной бутылю, въ зависимости отъ того, слѣдуетъ ли читать „Syricumbam vocant“ или „Syri gumbam vocant“, но даже это приспособлявшееся ко всему существо, кажется, имѣло дѣло съ большимъ обществомъ. Ибо такова ужъ особенность анахорета, что даже когда онъ селится на разстояніи добрыхъ трехъ дней пути отъ всякаго жилья, въ глуши, въ какойнибудь „Syricumba или gumba“, все население большихъ городовъ стекается навѣщать его. Я пропускаю умышленно компаніи дамъ съ лютнями и тамбуринами, которыхъ намъ показываютъ позднія фрески, какъ пріятное вторженіе въ досугъ эремитовъ, я не упоминаю ни о ручныхъ львахъ и волчицахъ, ни о кентаврахъ и фавнахъ, съ которыми эти святые люди сводили знакомство мимоходомъ. Фактъ тотъ, что жизнь анахоретовъ Кавальки прямо испещрена примѣрами самой очаровательной сантиментальной общительности. Половина легендъ рассказываетъ о романтическихъ дружбахъ, путешествіяхъ, предпринятыхъ, чтобы встрѣтить „неизвѣстныхъ друзей“ съ чувствительностью гораздо болѣе

изящной у этихъ сѣдыхъ старцевъ, чѣмъ все, что мы прочли о „прекрасныхъ душахъ“ восемнадцатаго вѣка. Возьмемъ, на примѣръ, случай со св. Павломъ, прото-эремитомъ, или, можно сказать, премьеръ-эремитомъ, которому посвящены капелла и маленькій домикъ въ дубовыхъ лѣсахъ Сполето. То былъ какой то монашествующій Робинзонъ Крузо: убѣжавъ отъ преслѣдованій, онъ нашель совсѣмъ готовую, прекрасную пещеру у подножья чрезвычайно красивой горы, съ пальмой и родникомъ подъ бокомъ, съ наковальней, молотами и другими инструментами, оставленными здѣсь шайкой монетчиковъ, скрывавшейся въ пустынь „въ дни Антонія и Клеопатры“. И вотъ случилось, что св. Антоній (тотъ, у котораго было столько искушеній), достигшій девяностолѣтняго возраста и считавшій себя старѣйшимъ эремитомъ изъ всѣхъ, какіе существовали, получилъ возвѣщеніе во снѣ, что въ дѣйствительности это право принадлежитъ св. Павлу, тогда ста тридцати. лѣтъ отъ роду, жившему въ мѣстѣ, описанномъ нами выше. Св. Антоній всетаки нѣсколько огорчился, узнавъ что его опередили, но отнесся къ этому совсѣмъ мило, и мгновенно почувствовалъ непреодолимое желаніе пойти навѣстить св. Павла. Во время этихъ то поисковъ ему пришлось спросить дорогу у кен-

тавра и его вела волчица — маленькій эпизодъ, очаровательный по своей трогательности. Но ничто не можетъ сравниться съ трогательностью прибытія этого добраго святого старца къ пещерѣ другого святого старца, — какъ онъ лежалъ всю ночь у дверей пещеры безъ сна, слѣдя за свѣтомъ сквозь трещины скалы, — ихъ встрѣча, ихъ объятія, и еще, какъ они, не зная другъ друга, назвали другъ друга по имени, и какъ старшій эремитъ, возрадовавшись при видѣ младшаго, умеръ и былъ погребенъ имъ въ пустынѣ.... Кромѣ того анахореты часто выступали въ большемъ количествѣ, цѣлыми компаніями друзей, рассыпаясь по всей странѣ, строя себѣ каждый маленькое убѣжище, въ виду такихъ же сосѣдей — прекрасныхъ людей, о которыхъ я не желаю слушать ни одной изъ тѣхъ ужасныхъ исторій, которыя историки, писатели по аскетизму и профессиональные стилисты, въ родѣ Флобера, имѣютъ дурной вкусъ рассказывать.

Они жили такъ, говорить намъ св. Іеронимъ, въ лѣсахъ вѣчно-зеленыхъ дубовъ надъ Сполето. Лѣса становятся гуще и гуще, по мѣрѣ того, какъ вы поднимаетесь на „Гору“ надъ этимъ каменистымъ городомъ, такъ что окружающій васъ горизонтъ становится постепенно все меньше и меньше; вмѣсто вида

на великую умбрійскую долину, блѣдную, покрытую молодымъ хлѣбомъ, съ Апеннинами за ней, дымящимися отъ растаявшихъ снѣговъ, передъ вами только черные сучковатые стволы и черныя вѣтви надъ коврами густого мха. Но тамъ и сямъ, въ самыхъ неожиданныхъ мѣстахъ, на поворотахъ дороги показывается вдругъ розовый или бѣлый домикъ, капелла съ куполомъ и рѣшеткой, „обитель св. Іеронима“, „обитель св. Павла, называемаго просто-пустынникомъ“, и тому подобное, съ кусочкомъ террасы, откуда открывается видъ. И ни разу ни единой души! Во время подъема, занявшаго около полутора часовъ, и затѣмъ во время спуска я не встрѣтила ни одного живого существа, кромѣ человѣка съ собакой и исхудалаго священника въ грубомъ плащѣ съ капюшономъ, верхомъ на навьюченномъ мулѣ.

Я пріѣхала въ Сполето изъ упрямства въ эти ужасные запоздалые весенніе холода и пожалѣла теперь о моемъ безуміи. Но какъ я была всетаки права! Я поняла это, какъ только поднялась въ верхнюю часть города, къ обрывистымъ скаламъ надъ замкомъ, и почувствовала холодный влажный вѣтеръ, поднявшійся изъ ущелій, горный воздухъ, провѣявшій надъ скалами, лѣсами и далекими снѣгами, растаявшими на высокихъ голубыхъ Апеннинахъ! Я поняла, что окрылило меня летѣть изъ Рима:

дома, улицы, разговоры. Анахореты чувствовали, несомнѣнно, въ свое время почти то же самое, когда они также убѣгали отъ нѣжности милѣйшихъ и занимательнѣйшихъ друзей на эту гору... Между тѣмъ лѣса сомкнулись опять, съ фіалками во влажной травѣ и птицами, поющими въ тѣни вѣтокъ. И когда дорога стала отвѣснѣе, а лѣсъ темнѣе, я начала замѣчать остатки талаго снѣга; а затѣмъ ихъ стало все больше и больше, и наконецъ на томъ мѣстѣ, которое казалось вершиной, снѣгъ лежалъ толстымъ слоемъ подъ вѣчно-зелеными дубами. Я продолжала идти. Дубы, становившіеся все болѣе высокими, внезапно разступились, и открылась поляна, цѣлое поле чистѣйшаго снѣга съ однимъ только чернымъ крестомъ въ серединѣ, окруженное лѣсомъ, а въ сторонѣ—крошечный домикъ съ часовней, колокольной и маленькимъ садикомъ, по глубокому снѣгу котораго шла свѣже протоптанная тропинка. Я сѣла подъ портикомъ. Вдругъ изъ лѣса показался францисканецъ; онъ перешелъ снѣжную поляну, дернулъ за веревку; зазвонилъ колоколъ, и минуту спустя послышалось пѣніе вечерни. Я подняла щеколду у часовни; у алтаря три монаха, двое служекъ, два крестьянина на колѣняхъ; темноту нарушали только свѣчи на алтарѣ и передъ раскрашенными картинами Голгоѣы.

Когда я вышла, птицы пѣли въ чашѣ вѣчно-зеленыхъ дубовъ; колоколъ маленькой часовни продолжалъ звонить, и тихо началъ падать снѣгъ. Мелкіе хлопья вмѣстѣ съ дождемъ все еще падали, когда я спустилась въ скалистое ущелье, полное шума и воя вѣтра, когда я уже оставила дубовые лѣса позади.

Я продолжала мечтать о маленькомъ снѣжномъ полѣ наверху, рядомъ съ часовней, и я поняла, что было нѣкоторое предсказаніе всего этого въ томъ, что я никогда не могла зимой видѣть снѣжныя бури, проносящіяся надъ Валломброзой, чтобы не подумать объ эремитахъ, объ анахоретахъ.

VII.

Прогулка въ Мареммѣ.

Только въ такой странѣ, какъ эта Маремма, гдѣ живешь цѣлый день въ сѣдлѣ, можно понять полный смыслъ, полное значеніе одинокой прогулки пѣшкомъ. Когда ѣдешь верхомъ, очаровательные пейзажи развертываются и исчезаютъ впереди и сзади; они мучительно недосыгаемы. Для страстнаго желанія ближе узнать ихъ есть препятствіе въ томъ, что, только идя пѣшкомъ, можно близко почувствовать всякую страну. Только во время пѣшихъ прогулокъ и прогулокъ одинокихъ—перифразируя Свинберна— касаешься земли, вкушаешь и вдыхаешь ее, и живешь съ ней ея жизнью.

Шелъ мелкій дождь—этотъ дождь и помѣшалъ нашимъ обычнымъ поѣздкамъ—во время моей вчерашней прогулки, моей единственной пѣшей прогулки за всѣ эти дни верховой ѣзды. И я не отходила далеко, держась все время

въ виду замка, высоко стоящаго на скалѣ, надъ слияніемъ двухъ потоковъ. Я карабкалась по склонамъ,—а карабканье по горѣ—это самая интимная форма прогулки, приводящая къ самому лучшему знакомству съ землей,—съ откосами холма между безлистными вязами, осинами съ надувающимися розовыми почками, сухимъ терновикомъ, клематисъ и тростникомъ. То были какъ бы вѣнки безумной Офеліи подъ настоящими вѣнками изъ плюща, покрывавшаго верхушки деревьевъ,— сухія гнѣзда какихъ то фантастическихъ птицъ, больше ростомъ, чѣмъ та цапля, пролетѣвшая надъ нами, какъ птица изъ страны фей. Что за радость чувствовать мягкій песокъ подъ ногами, мочить руки, собирая подснежники во влажномъ мхѣ и сухихъ листьяхъ, стоять, прислушиваясь къ шуму потоковъ, журчащихъ надъ самымъ ухомъ, лежать на большихъ камняхъ у ихъ бѣлыхъ водъ!

Во время ѣзды, даже во время ѣзды шагомъ, ни о чемъ не думаешь; или думаешь о постороннихъ вещахъ; но, когда гуляешь одна въ не совсѣмъ знакомой мѣстности, думаешь о ней—о ней одной только,—и открываешь разныя малыя причины, заставляющія любить ее.

Такимъ образомъ, только во время моего вчерашняго лазанія по рѣчнымъ берегамъ око-

ло замка я поняла, что именно таится въ основѣ большей части очарованія Мареммы для меня и особенной прелести ея рѣчныхъ пейзажей и ея развертывающихся луговъ. Эта страна осуществляетъ то, что я, такъ сказать, угадывала годами и о чемъ мечтала, не только когда римскій экспрессъ мчалъ меня сквозь узкія сабинскія долины, но много, много раньше, во время прогулокъ по римскимъ вилламъ. Я такъ хорошо помню, какъ, когда я была ребенкомъ, чувство почти заключенія въ этомъ окруженномъ стѣнами, опустошенномъ Римѣ перевѣшивало всѣ мои чувства, и какъ я научилась ощущать, не умѣя еще думать, что иные повороты дорожекъ на виллѣ Боргезе, иныя травянистыя лошки, пересѣкаемыя извилистыми рядами дубовъ, иныя широко раскинувшіяся лужайки на солнцѣ могутъ быть прообразомъ (даже иныя деревянныя изгороди и почернѣвшія отъ дождя стѣны на этой виллѣ) чего-то — какъ мнѣ выразить это? — чего то совсѣмъ настоящаго, что существуетъ гдѣ то за стѣнами Рима и за пространствами пустынной Кампаньи.

Это значеніе прообраза вообще присуще великому зрѣлищу, созданному столѣтіями и называемому Римомъ, гдѣ видимое рѣдко не бываетъ иллюзіей, не тѣмъ, чѣмъ оно оказывается, когда вы попытаетесь приблизиться къ нему.

Но это чувство можетъ появиться и въ другихъ мѣстахъ, и оно есть одинъ изъ случаевъ, одна изъ перипетій вѣры въ *Genius Loci*; одна изъ маленькихъ жестокостей, которыми, подобно всѣмъ другимъ божествамъ, онъ волнуется, очищаетъ и уготовляетъ души своихъ почитателей. При повтореніи такихъ минутъ обманутаго ожиданія, топографическое воображеніе пріобрѣтаетъ особенно сильную власть. Оно даетъ силу летѣть надъ холмомъ и лѣсомъ подобными тѣмъ, которые тянутся передо мной, когда я сижу здѣсь на солнцѣ около пекарни замка, гдѣ разгружаютъ муловъ съ пахучими связками вѣчно-зеленыхъ вѣтокъ, оно позволяетъ проникать въ скрытые изгибы рѣчныхъ долинъ. Оно велитъ грезить и мысленно парить даже надъ точками и линіями географической картины и заставляеть мечтать о названіяхъ мѣстъ, которыхъ никогда не увидишь.

При осуществленіи же такихъ давно желанныхъ возможностей приходитъ совсѣмъ другая, но тѣсно связанная съ первой, радость каждаго празднаго любителя новыхъ мѣстъ. Тогда понимаешь смутно, но съ глубокимъ и проникновеннымъ удовлетвореніемъ, что разъ это существуетъ въ дѣйствительности, то значитъ этого много, очень много на свѣтѣ, и значитъ эта прелесть есть, по всей вѣроятности

сти, одна изъ важнѣйшихъ чертъ міра. Я остро ощутила это на берегу маленькой рѣки въ Мареммѣ, глядя на кусты лентиска и мирты, разросшіеся въ цѣлыя деревья на красноватой землѣ подъ террасами замка. Лѣса изъ лентиска и мирты, подобные этимъ, могутъ быть гдѣ-нибудь и въ другомъ мѣстѣ. Такія зеленыя и кристальныя рѣки подъ обвитыми плющемъ вязами могутъ протекать гдѣ-то въ безчисленномъ множествѣ. Такія широкія пространства плоскихъ долинъ, окруженныхъ лиловыми безлистными лѣсами и перистыми вѣчно зелеными кустарниками, могутъ тянуться на цѣлыя мили. Страна эта, этотъ великій морской берегъ между Арно и Тибромъ, эта древняя Этрурія, — все это живая правда, и есть гдѣ то еще такіе берега во владѣніяхъ боговъ Греціи и Италіи.

Пока я поднималась вчера вдоль рѣки, гдѣ прошлогодніе листья были усѣяны бѣлыми каплями растаявшаго снѣга, вода покрылась розовыми и красными пятнами, раскинулось грозное небо, голубое и туманное, окаймленное бѣлыми, алыми и чернильными облаками. А когда я взошла на холмъ замка и обернулась, я увидѣла большую темную тучу, вставшую изъ моря и наполняющую водяными парами равнину. Гремѣлъ громъ, короткія бѣлыя молніи танцевали надъ лѣсами, и толь-

ко одно кроваво - красное пятно указывало мѣсто, гдѣ сѣло солнце...

„Снѣгъ въ Апеннинахъ“, сказалъ нашъ первый егеръ. И въ самомъ дѣлѣ, сегодня уже безоблачно, и Маремма лежитъ блѣдно-сиреневая и рыжевато-бурая со своими блестящими лазурными рѣками подъ яснымъ зимнимъ небомъ.

Я сижу, какъ уже сказала, съ записной книжкой въ рукахъ около пекарни замка; запахъ свѣжаго хлѣба, сладкій запахъ пригорѣвшаго оливковаго масла исходитъ изъ нея; первое щебетаніе птицъ смѣшивается съ шумомъ рѣки, текущей далеко внизу. Вчерашнія мысли вернулись ко мнѣ; я чувствовала удовольствіе отъ того, что очутилась наконецъ въ такомъ мѣстѣ, о которомъ такъ давно уже догадывалась и которое такъ давно хотѣла видѣть. Но думая обо всемъ этомъ и пытаюсь понять эту фазу нашихъ сентиментальныхъ отношеній съ мѣстами, я начала видѣть здѣсь нѣчто большее. Развѣ нѣтъ въ основѣ всего этого тайнаго сознанія, что дѣйствительность, которую мы наконецъ обрѣтаемъ и которой такъ радуемся, вовсе не существуетъ? Не мы ли создали ее изъ вещества нашей души, изъ нашихъ собственныхъ мечтаній и желаній, подобно тому же, какъ мы тайно творимъ все на свѣтѣ, что больше всего любимъ?

VIII.

На Еванейскихъ холмахъ.

Было совсѣмъ темно, когда мы выѣхали изъ Падуи; большіе, влажные круги отъ фонарей экипажа освѣщали только безконечную аллею платановъ и узкую кайму канавъ вдоль дороги. И только на слѣдующій день я поняла, въ дѣйствительности, когда разошлись туманы подъ моимъ окномъ, что домъ, куда я пріѣхала, стоялъ на Еванейскихъ холмахъ. Было превосходное, мягкое, матовое и однако сіяющее осеннее утро; небо было слегка завуалировано облаками. Въ глубокой тишинѣ медленное паденіе желтыхъ листьевъ и дубовыхъ жолудей пріобрѣтало какое то особенно важное значеніе; человѣческіе голоса, пѣніе пѣтуховъ, кудахтанье куръ, звонъ изъ кузницы раздавались ясно, но какъ будто доходили изъ какого то скрытаго мѣста. Осень и Италія таинственно создаютъ вмѣстѣ одно изъ прекрасныхъ дѣлъ волшебства: смягчая

все на свѣтѣ, кромѣ нѣжныхъ контуровъ, превращая холмы въ блестящую, легкую, серебристую голубую атмосферу, сглаживая все, кромѣ ближайшихъ деталей, и дѣлая все невѣрнымъ или двойственнымъ—долина и озеро, дома или кипарисы? Это все особенно подходитъ къ Еванейскимъ горамъ, всегда фантастическимъ съ ихъ курьезной формой, съ ихъ совершенной изолированностью и неожиданностью среди этого бывшего морского дна, Еванейскіе холмы можно принять за какой то миражъ въ Венеціи; большей частью они не видны даже въ самую ясную погоду и лишь изрѣдка поднимаются гіацинтово-голубыми конусами на янтарномъ или пурпуровомъ фонѣ заката, какъ нѣкіе призрачные острова Цирцеи или Армиды.

Есть, по-моему, совсѣмъ особенное удовольствіе—родственное удовольствію плыть по рѣкѣ отъ ея истока къ морю—въ знакомствѣ съ различными фізіономіями, различными состояніями разныхъ горъ или горныхъ областей. Гуляя по террасѣ виллы съ однимъ африканскимъ путешественникомъ (который презрительно отказывался принимать участіе въ нашихъ прогулкахъ), я имѣла возможность убѣдиться, какъ много личнаго можетъ дать знаніе біографіи, генеалогіи и исторіи земли. Однимъ какимъ-нибудь словомъ, сопровож-

даемымъ кивкомъ по направленію окружающихъ холмовъ, или долины внизу, или туманныхъ пространствъ, гдѣ должны быть Альпы, мой собесѣдникъ сумѣлъ заставить меня почувствовать, что геологъ и географъ испытываютъ тѣ же волненія, что и историки. Эти холмы имѣли для него особый, безсознательно усиленный фантазіей интересъ, похожій на ту игру воображенія, которую я сама испытывала, сидя здѣсь за столомъ съ моими друзьями и внезапно сознавая, что эти милые современные люди — этотъ славный старикъ хозяинъ и очаровательная молодая хозяйка, этотъ вовсе не средневѣковый кавалеръ мальтійскаго ордена, этотъ путешественникъ, и даже этотъ мой превосходный другъ Франческо, радикальный экономистъ — всѣ они потомки альпійскихъ феодаловъ, славныхъ умбрійскихъ кондотьеровъ и самыхъ трагическихъ жертвъ Венеціанскаго государства.

Но даже совсѣмъ безъ точнаго научнаго, такъ сказать, генеалогическаго знанія холмовъ и горъ можно питать къ нимъ интересъ, подобный интересу къ человѣческимъ типамъ, семьямъ или индивидуальностямъ. Замѣчаешь различіе не только въ ихъ контурѣ, но и въ ихъ обрывистости или пологости, въ ихъ травахъ и мхахъ, въ бѣгущихъ съ нихъ потокахъ, въ глубинѣ и тѣниности

ихъ долинъ, въ извилинахъ ихъ лабиринта. Эти Еванеи, на примѣръ, заставляють всякаго понять, гдѣ Мантеня, живя въ Падуѣ, находилъ свои фантастическія перспективы рѣкъ и дорогъ, извивающихся подобно драконовымъ хвостамъ вокругъ большихъ чешуйчатыхъ скалъ.

Мы кружились и взбирались какъ разъ по такимъ извилистымъ дорогамъ — такимъ укрытымъ и уединеннымъ среди этихъ столь странно отрѣзанныхъ ото всего холмовъ — всякій разъ, когда ѣздили куда-нибудь въ экипажѣ. Первый разъ мы ѣздили къ развалинамъ замка, которыхъ почти нельзя было отличить отъ скалъ, принадлежавшаго тѣмъ самымъ тиранамъ Падуи, которыхъ прямымъ потомкомъ былъ мой хозяинъ. Въ концѣ извилистой долины показалось что то бѣлое на голубой равнинѣ—Падуя; дальше длинная свѣтлая линія—Адріатика; у нашихъ ногъ въ глуби рыжеватой пропасти кружились два большихъ ястреба. Яснѣйшая республика, предавшая проклятію самое имя Каррара, позаботилась, чтобы ничего не осталось отъ гонимой фамиліи.

На другой день меня возили смотрѣть прежній бенедиктинскій монастырь въ Пральѣ. Было такъ до странности неожиданно встрѣтить въ одномъ изъ закоулковъ этой деревенской до-

лины большую крестообразную ренессансную церковь съ колоссальной лѣстницей, подобной лѣстницѣ Тиціанова Введенія во храмъ. Въ огромномъ нефѣ только нѣсколько крестьянъ пѣли вечернія молитвы — преимущественно женщины — тѣмъ гортаннымъ *mezza-voce*, безполымъ, но естественнымъ, который имѣетъ пріятную горечь горныхъ травъ. Съ маленькой лоджіи въ колоннахъ опустѣлаго монастыря открывается видъ изысканной и торжественной нѣжности: рыжіе и блѣдножелтые склоны холмовъ, линіи виноградниковъ, стелющихся свои идеальныя гирлянды розовыхъ осеннихъ листьевъ, зеленые луга осенняго сѣнокоса съ пасущимися на нихъ молодыми сѣрыми телятами и выводками индюшекъ. Надъ этимъ крыши хозяйственныхъ строеній, жидкая рошица оливокъ и кое-гдѣ кипарисы среди красныхъ и оранжевыхъ осеннихъ кустовъ на скалахъ. Эти узкія Еванейскія долины усыяны виллами характернаго венеціанскаго типа восемнадцатаго столѣтія, подобными вилламъ на Джудеккѣ и Лидо; то тамъ, то сямъ, среди скалъ показываются ихъ бѣлые изящные фронтоны. Было воскресенье, и въ одной изъ маленькихъ деревень подъ винограднымъ трельяжемъ играли музыканты, мужчины и дѣвушки танцевали: бѣдные итальянскіе крестьяне, обложенные тяжкими нало-

гами, хранять удивительное солнце и кислородъ въ душахъ, что помогаетъ имъ веселиться, даже когда они умирають съ голода.

Мы всегда немало говорили о крестьянахъ, о хлѣбныхъ законахъ и милитаризмѣ съ моимъ милымъ Франческо. Но я совершенно забыла, о чемъ мы съ нимъ говорили въ одинъ вечеръ, когда онъ везъ меня въ тряской телѣжкѣ. Мы остановились на какой то фермѣ и медленно стали подниматься по заросшей травой дорогѣ на самый низкій и самый уединенный изъ этихъ Еванейскихъ холмовъ—простой бугорокъ среди равнины. Но на поворотѣ дороги мой интересъ къ политикѣ и экономіи внезапно исчезъ: мы оказались въ сказочной, въ волшебной странѣ итальянской поэзіи. Представьте себѣ (мнѣ казалось, я скорѣе грежу, чѣмъ двигаюсь въ дѣйствительности) средневѣковый замокъ Скалигеровъ, прекрасный со своими укрѣпленными стѣнами, круглый, какъ скала, на которой онъ стоитъ; однако замокъ, магически превращенный въ виллу, въ такую, какую д'Аннунціо сдѣлалъ безсмертной своими стихами. Высокіе кипарисы обозначали рвы и крутые спуски въ долину; въ правильно разбитый садъ можно было войти только по висячему мосту; лѣстницы и баллюстрады виднѣлись во всѣхъ углахъ этой крѣпости, тре-

ляжи изъ лимоновъ гнѣздились подъ ея стѣнами, и цѣлое племя статуй выдѣлялось на фонѣ ея силуэтомъ. Все это такъ и просится на картину: башни, бастіоны, кипарисы, статуи—все это открываетъ перспективу не столько глазу сколько воображенію, соединяя всѣ линіи въ одномъ заколдованномъ кругѣ, такъ что впечатлѣнія садовъ Армиды перемѣшиваются, переплетаются подобно темамъ сложной музыкальной пьесы, покоряя душу и увлекая ее въ лабиринтъ фантазіи и красоты.

Быль туманный вечеръ; Евганейскія вершины и маленькіе холмы Виченцы были едва очерчены; кольца дыма лежали въ смутной осенней желтой долинѣ; блѣдная дождевая пелена заволокла небо; все казалось неопредѣленнымъ, все внушало мысль о нигдѣ и изъ этого нигдѣ возникали замокъ, сады, башни, гибеллинскіе зубцы стѣнъ, статуи, лимонныя деревья и высокіе кипарисы, овладѣвавшіе зрѣніемъ и фантазіей.

Появились летучія мыши; подъемный мостъ, по которому мы прошли, поднялся за нами легкимъ движеніемъ, подобно крылу птицы. Наступили сумерки, и минуты двѣ спустя замокъ исчезъ.

„Вы опоздали къ чаю“, сказала моя прелестная молодая хозяйка, „и я думаю тамъ васъ не угостили чаемъ?“

„Тамъ?“ спросила я неопредѣленно.

„Въ замкѣ, конечно. Вы не хотите же сказать, что не видали тамъ никого? развѣ Франческо не рассказаль вамъ, что онъ принадлежитъ родственникамъ вашего друга Теодоры М.?“

Я подошла къ огню съ чашкой чаю въ рукахъ. Легкая дрожь, но не отъ холода, пробѣжала по мнѣ.

„Замка, милая моя Марія, въ дѣйствительности не существуетъ“, отвѣтила я, „и слѣдовательно не можетъ принадлежать ничьимъ родственникамъ тотъ замокъ, гдѣ я только что побывала“.

IX.

Вилла кардинала.

Я убѣдилась еще по дорогѣ изъ Витербо въ Баньяйю и задолго прежде, чѣмъ увидѣла самую виллу, что все здѣсь принадлежитъ Риму. Нельзя не быть пораженнымъ здѣсь той странной выдержанностью, которую обнаруживаютъ только вѣчные актеры, привыкшіе играть живыми символами въ *mise en scène* длинной и удивительной пьесы—героической, трагической, идиллической въ началѣ и не лишенной буффонады въ концѣ—называемой исторіей Рима. Здѣсь нѣтъ медленнаго ниспаденія великихъ первичныхъ горъ въ маленькіе холмы предгорій, нѣтъ постепеннаго движенія ледниковъ, ползущихъ въ долины, нѣтъ долгихъ отложеній морского ила или осадковъ рѣчного песку. Все здѣсь—относительно новыя кулисы нѣкой единственной драмы нѣсколькихъ столѣтій, нѣсколькихъ минутъ въ рукѣ Божьей. Вулканическіе конусы поднимаются

изъ земли внезапно; о подземномъ огнѣ еще свѣжа память въ исторіи Какуса; потоки лавы отвердѣваютъ слоями на глазахъ людей, и кратеры наполняются неожиданными озерами. Вода бьетъ повсюду торжествующими фонтанами, и у самой почвы такой видъ, какъ будто она образовалась изъ сожженныхъ городовъ и рассыпавшихся человѣческихъ костей.

И этотъ составъ земли рассказалъ мнѣ, даже скорѣе, чѣмъ форма холмовъ и домовъ, что я опять на римской территоріи; эта странная легкая земля, лиловая, рыхлая, похожая на химическое удобрение и столь не похожая на честный черноземъ нашихъ садовъ, всегда безпокоила меня, всегда не нравилась мнѣ даже еще въ дѣтствѣ. Я признала сразу и характерную пыль, блестящую крупинками песку, вулканическими камешками, когда весенній вѣтеръ подымалъ вихри ея мнѣ въ лицо по дорогѣ въ Баньяю. Деревья, кромѣ цвѣтущихъ фруктовыхъ, также возвѣщали римское нежеланіе роста на ровномъ мѣстѣ; только вдали поднимались огромные одинокіе кипарисы, вѣчно-зеленые дубы и зонтичныя пиніи. Деревья охотно уступали мѣсто буйной травѣ, розмарину, дикому укропу, желтофіолямъ и волнистому дикому овсу, пророставшему повсюду изъ стѣнь и скаль,—стѣнь и скаль, которыя трудно отличить другъ отъ друга и которыя

имѣютъ видъ разрытыхъ могилъ или пещеръ эремитовъ. А обиліе воды! Безчисленны фонтаны Витербо; а на окружающихъ его холмахъ всюду ручьи и источники, и маленькія *Acqua Paola* шумятъ здѣсь на каждомъ шагу. Но развѣ Римъ не начинается съ первыми вулканическими холмами отъ южныхъ воротъ Сіены?

Сколько мѣстъ повторяютъ одни и тѣ же мотивы, подобно аріямъ одного композитора! Эта дорога изъ Витербо въ Баньяйо теперь такова, какою могла быть когда-то *Via Flaminia* за Порта дель Пополо; она лежитъ прямо какъ стрѣла между виноградниками и цвѣтущими садами вишень и персиковъ, въ глубокихъ выемкахъ, проложенныхъ въ желтомъ туфѣ, и безъ одинаго человѣческаго жилища, кромѣ красивыхъ *casini* семнадцатаго вѣка, разбросанныхъ на далекихъ разстояніяхъ другъ отъ друга со ступенями и фронтонами, надписями и гербами, и никуда не ведущими воротами. Также вполнѣ римскіе здѣсь люди въ высокихъ сапогахъ, въ зеленыхъ холщевыхъ курткахъ, лѣнливо бредущіе куда-то или стоящіе на ступеняхъ, сидя верхомъ на своихъ навьюченныхъ лошадахъ. Затѣмъ, въ концѣ длинной пустынной пустынной дороги — віадукъ, похожій на віадукъ Ариччіи, только въ маленькомъ видѣ, а дальше — крѣпостной городокъ съ башнями, весь черный, съ большимъ дворцомъ съ лод-

жіей, испещреннымъ пятнами времени, источеннымъ сыростью; а затѣмъ, на склонѣ Монте Чимино торжественная вилла Ланте, восходящая ярусъ за ярусомъ, терраса за террасой со своимъ паркомъ и великолѣпными лѣстницами, высѣченными въ скалѣ надъ грязнымъ феодальнымъ городкомъ.

Представляешь, что должны были чувствовать эти кардиналы, когда катились въ своихъ экипажахъ или подымались на носилкахъ, несомыхъ мулами, къ своему мѣсту утѣхъ сквозь такіе черные и грязные городки, тѣснившіеся точно мусорныя кучи подъ самой оградой ихъ виллы. Можетъ быть, то было необходимою, живымъ *sine qua non*, а не только выраженіемъ распредѣленія богатствъ. Для великолѣпныхъ особъ, преданныхъ скорѣе толстокожему, чѣмъ тонкому эстетизму, это являлось даже желаннымъ контрастомъ. Ибо это были люди колоссальнаго прочнаго себялюбія, непревосходимой грубости желаній и суетности, жадные до всего, интеллектуально и тѣлесно. Неразборчивые, способные только переваривать свои безграничныя богатства и свою славу, они не могли чувствовать горошины, камни и грязь въ постеляхъ своихъ крестьянъ, пока были свѣжи лепестки розъ въ ихъ собственныхъ пуховикахъ подъ балдахинами. Они были подобны этому *Io: Fгапс:*

Card: Gamba, который такимъ образомъ расписывался въ колоссальныхъ надписяхъ на виллѣ Баньяйя, и тщеславіе котораго было такъ глубоко и спокойно, что онъ всюду разбросалъ здѣсь на камняхъ и газонахъ свои огромные гербы, не замѣчая ихъ вульгарности.

Повтореніе такого типа стало невозможною въ наши дни. Наши милліонеры такъ же не умѣютъ дѣлать такихъ вещей, какъ не умѣютъ наши архитекторы рисовать волюты и триумфальныя арки, а наши скульпторы лѣпить фонтанныхъ боговъ. Эстетическія формы будущаго стремятся къ извѣстной моральной сдержанности. Алчное, самоувѣренное человѣческое существо и все, имѣющее къ нему отношеніе, становится отнынѣ нисколько не великолѣпнымъ, но только ничтожнымъ, какимъ ему и слѣдуетъ быть.

„Великолѣпные!“ Истинный смыслъ бытія такихъ „великолѣпныхъ“, какъ этотъ *rograto*, открывается въ этомъ волшебномъ мѣстѣ. Даже работа времени, — разросшіяся деревья, мохъ на парапетѣ лѣстницъ, водяныя травы въ фонтанахъ, цвѣты, пробившіеся сквозь почернѣвшій камень, кажутся здѣсь намѣреннымъ добавленіемъ къ роскоши, прихотью великаго прелата, который громоздилъ здѣсь сады, изсѣкалъ воды и приказывалъ рощамъ быть густыми и тѣнистыми. И понемногу на-

чинаешь проникаться волей и величіемъ этого кардинала Io: Franc: Gambara или какъ его еще тамъ звали — его легкомысленнымъ безсердечнымъ расточеніемъ благосостоянія, награбленнаго въ цѣлыхъ провинціяхъ феодальнаго труда и суевѣрія, ради того, чтобы создать мѣсто подобное этому.

Удивительныя возможности есть въ чело-вѣкѣ. Мнѣ уже кажется, что я знаю этого кардинала. Годы за годами я носила алый шелкъ и алмазы, и у меня былъ парикъ. Я была хозяиномъ такой виллы... Я, можетъ быть, была этимъ самымъ кардиналомъ. Можетъ быть, мы всѣ были имъ; и я и тотъ сутулый пыльный американскій студентъ, шагающій по дорогѣ къ Витербо, могли быть имъ. Можетъ быть, это было даже совсѣмъ просто! Но бродя по рошѣ выше террасъ, и мечтая выбраться за разрушенную стѣну, мечтая подняться по каменистой тропинкѣ между безлиственными каштанами къ перистой розовой вершинѣ Монте Чимино, я почувствовала вдругъ, что я переросла такія возможности, и я оставила Io: Franc: Card: Gambara прошлому.

Возвращаясь черезъ садъ, я увидѣла ребенка въ бѣломъ пальто и капорѣ, играющаго на солнцѣ между подрѣзанной живой изгородью и фонтанами. А изъ оконъ одного

изъ двухъ павильоновъ доносились звуки дѣтскихъ экзерсисовъ, урокъ на фортепіано. Нѣчто совсѣмъ, совсѣмъ другое, чѣмъ кардиналъ съ его пѣвцами и скрипачами Веронеза и Бонифацио, которыхъ онъ слушалъ, сидя за обѣдомъ среди дамъ, поэтовъ, ученыхъ и разноцвѣтныхъ шутовъ своего двора. Теперь, здѣсь только одни дѣти, сказалъ мнѣ садовникъ, дѣти съ гувернанткой. Конечно, только дѣтямъ хорошо жить въ наши дни въ этомъ мѣстѣ пышнаго и великолѣпнаго прошлаго, среди покрытыхъ тиной бородатыхъ рѣчныхъ боговъ и заросшихъ мхомъ крылатыхъ геральдическихъ драконовъ. Они одни могутъ превратить здѣсь все въ милую, легкую страну сказки, и все очистится, искупится тѣмъ, что они играютъ здѣсь.

Х.

Et in Arcadia...

Снѣгъ въ Апеннинахъ принесъ холодную, солнечную погоду, и во всемъ была суровая бодрость. Я взобралась, слѣдуя за моими собаками, на каменистые холмы съ той маленькой трудностью дыханія, которую такъ непріятно, но вмѣстѣ съ тѣмъ весело ощущать. Внезапно, на одномъ поворотѣ я почувствовала сладкій, особенный запахъ горящихъ оливковыхъ вѣтвей, и вмѣстѣ съ нимъ почувствовала въ душѣ тоску, мечту о Сициліи, Греціи—настоящемъ югѣ, куда я не попаду никогда.

Тоска по мѣстамъ, въ которыхъ я никогда не бывала, такъ обыкновенна для меня въ это время года и въ день, какъ сегодняшній. Она заставила меня увидѣть, неожиданно, какія то воображаемые сходства, и придала подробностямъ родного тосканскаго пейзажа чуждый смыслъ и остроту того, что мы рѣдко

видимъ. Югъ! нѣчто восклицало во мнѣ. И у меня возникали смутныя воспоминанія объ Одиссеѣ и Теокритѣ.

То, что вызываетъ у меня подобное состояніе духа, можетъ быть стѣной, на которой сидишь, глядя внизъ на зеленую траву сквозь оливки (первая птичка этого года поетъ въ ихъ вѣтвяхъ), или вьющейся сучковатой розой или еще апельсиновымъ деревомъ у самаго дома, который кажется бѣлѣе, чѣмъ всегда. Эти мѣста становятся, такъ сказать, прообразомъ иной части свѣта. Море какъ будто должно быть въ концѣ нашего каменстаго маленькаго ущелья, по которому бѣжитъ зеленый берилловый ручей отъ одной лужицы къ другой; да, море, а вовсе не туманная равнина съ безлистными тополями и тонкими тростниками, Средиземное море. И по этому морю мои мысли направляютъ свой путь къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ я никогда не буду—къ югу, къ античности!

Это часто бываетъ со мной въ такое время года. Можетъ быть, ароматныя нѣжныя подробности лучше открывающихся прекрасныхъ линій горъ превращаютъ тогда уголокъ Тосканы въ воображаемую Элладу. Или, быть можетъ, простая солнечная суровость этихъ скалистыхъ, сухихъ мѣстъ, щебетаніе птицъ, говорящее о возрождающейся жизни, намекаютъ

на то, что намъ кажется отечествомъ счастливой юности міра. Какъ бы то ни было, такое чувство является, и оно становится почти обманомъ зрѣнія, какъ, напримѣръ, вчера, когда каменистый склонъ холма Фіезоле, весь изрытый каменоломнями, внезапно сдѣлался, я ужъ не знаю какимъ именно, греческимъ мѣстомъ, и овцы среди рѣдкихъ оливокъ шипали траву на развалинахъ какого-то гомерическаго города.

Однако, въ тоскѣ, которая пришла вмѣстѣ съ внезапнымъ дымомъ горящихъ оливокъ, несомнѣнно, была также и зависть. Я знала, что нѣкоторые мои друзья направились на югъ, черезъ Террачину, мысь Цирцеи (который я только видѣла изъ-за моря то появляющимся, то исчезающимъ) въ Великую Грецію и Сицилію. А другіе друзья, несомнѣнно, уже плыли теперь къ Сиріи, къ Архипелагу, гдѣ мраморныя богини, Афродита Милосская и Деметра Книдская, были нѣкогда погребены подъ миртами, и къ берегамъ (если только они существуютъ!) романтической маленькой земли, гдѣ жизнь была когда то такъ сладка, что даже могильныя плиты ея обитателей возвѣщали: „и я также въ Аркадіи...“

Чѣмъ старше я становлюсь, тѣмъ болѣе философски принимаю свой жребій, и тѣмъ увеличивается мое отвращеніе къ такимъ деше-

вымъ формамъ утѣшенія, какъ презрѣніе къ тому хорошему, что находится внѣ нашего достиженія. Это философія лисицы, лукаваго звѣря, способнаго только воровать потихоньку случайные кусочки сыра, звѣря, чьи не очень рыцарскіе поступки рассказываетъ Эзопъ! Кромѣ того, во мнѣ все болѣе и болѣе утверждается убѣжденіе, что мы должны относиться съ уваженіемъ къ нашимъ желаніямъ и очень бережно должны обращаться съ самой нашей способностью желать. Это, повѣрьте мнѣ, истинное сокровище души и источникъ ея богатства. Не такова точка зрѣнія великихъ моралистовъ—Эпиктета или Будды, или Толстаго. Но я склонна думать, что когда они проповѣдуютъ ученіе о подавленіи желаній, они бывають введены въ заблужденіе тѣмъ разрядомъ людей, у котораго есть желаніе только безъ конца копить собственность и безгранично множить возможности наслажденія. Мое возраженіе состоитъ въ томъ, что именно у такихъ людей, у людей жадныхъ, грубо скупыхъ или лукаво ищущихъ наслажденій, и нѣтъ никакихъ настоящихъ желаній. На самомъ дѣлѣ они не желаютъ чего-нибудь одного особенно остро и поэтому, подобно людямъ, потерявшимъ аппетитъ къ ѣдѣ, всегда ждуть новаго—ждутъ только ради простого ожиданія; ихъ жажда, подобно большей части

моральныхъ золь, относится къ тому разряду моральныхъ химеръ, который Рабле называлъ „*bombinans in vacuo*“. Въ то же время, подлинныя желанія, исходящія изъ самой сущности индивидуальности, ведутъ человѣка къ его цѣли, и онъ никогда не оставитъ предметъ своихъ желаній, пока не на радуется на него полностью. Онъ возвращается къ нему опять и опять, и собираетъ всѣ крохи своей радости; и его пиръ длится безъ конца, для глазъ другихъ на пустомъ мѣстѣ. Любовь Антонія, повѣрьте мнѣ, сдѣлала Клеопатру такой, когда она была уже бабушкой, что возрастъ не могъ побѣдить ее, и даже привычка не могла уничтожить ея безконечнаго разнообразія.

Кромѣ того, и это еще болѣе важно и достойно вниманія моралистовъ, желаніе, или позвольте мнѣ назвать его иначе, сила потребности есть также сила творчества „Если тебѣ не нужно желтое платье, не нуженъ соломенный коверъ для лежанія, не нуженъ маленькій инкрустированный ящикъ, въ которомъ спрятаны орѣшки бетеля“, говоритъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ буддистскихъ проповѣдниковъ (я цитирую на память), „ты, очевидно, не приложишь никакого усилія, чтобы овладѣть какимъ-нибудь изъ этихъ соблазновъ ни другимъ подобнымъ имъ; но

ты уйдешь въ сѣнь древа высшей мудрости или повиснешь на его вѣтвяхъ внизъ головой въ совершенно единомъ созерцаніи вещи вообще и съ самымъ вѣрнымъ предчувствіемъ небытія“.

Итакъ, если бы мнѣ ничего не было нужно—теперь ужъ говоритъ скромный писатель и поклонникъ *Genius Loci*—если мнѣ не надо было бы Юга, Сициліи, Греціи, Аркадіи, то возможно, что я не почувствовала бы этого маленькаго укола зависти и печали, когда до меня донесся запахъ горящаго оливковаго дерева съ холмовъ. Но несомнѣнно также, что я тогда не пересоздала бы этихъ мѣстъ по моему желанію, не превратила бы въ нѣчто иное окружающую меня Тоскану. Тогда былъ бы одинъ югъ, одна Сицилія, Греція или Аркадія. Теперь ихъ двѣ..

Но не только новыя мѣста мы пересоздаемъ такимъ образомъ, удваивая существующее, или возводя его въ болѣе совершенный типъ. Этому процессу подвержены наши друзья, тѣ кого мы любимъ и, наконецъ, мы сами. Острый взоръ души ищетъ кусочки слоновой кости и крошки золота повсюду въ дѣйствительно существующихъ вещахъ; разбрасывая глину наше желаніе доставляетъ замѣнъ драгоцѣнный матеріаль, котораго такъ мало на свѣтѣ, и такимъ то образомъ, создаются драгоцѣнные

образы, заключенные въ нашихъ сердцахъ. И въ нашихъ сердцахъ эти кумиры, которые мы сами создали, становятся, можетъ быть, нашими святыми, покровителями, богами, именно вслѣдствіе благоговѣйнаго служенія воздаемаго имъ. Эти образы—кто знаетъ!—быть можетъ поднимаютъ до сходства съ собой ихъ бѣдные живые оригиналы, пристыженные и божественно укрѣпленные такимъ признаніемъ. Кто изъ насъ стоитъ чего-нибудь, тотъ непремѣнно творилъ въ своемъ сердцѣ такіе образы, и его образъ творили въ своемъ сердцѣ люди, болѣе его достойные щедраго дара вѣрности и любви.

Мечты, все это... Быть можетъ. И мы, мечтатели, испытываемъ время отъ времени грубое пробужденіе. Но мы пытаемся снова мечтать, и наши мечтанія болѣе продолжительны, болѣе нѣжны, благородны—и, позвольте мнѣ сказать, болѣе дѣйственны даже и болѣе плодотворны, чѣмъ опытъ иныхъ бодрствующихъ разсудкомъ людей. Ибо жизнь есть только смѣна того, чего мы хотимъ, и того, что у насъ есть, вѣчно обильная сокровищница дѣйственности и сновъ.

Возвратимся же на склонъ холма позади моего дома, подымаясь на который я почувствовала струю дыма горящихъ оливокъ. На полдорогѣ тамъ есть скрытый оврагъ, каме-

нистый, дикій и странно уединенный, носящій у меня особое таинственное имя. Онъ сжать скалами до самыхъ краевъ узенькаго ручья съ зарослями миртъ и дикой лаванды на одной сторонѣ; на другомъ берегу растутъ оливки и дубовые лѣса, обнаженные и блѣдно-розовые въ это время года.

Прозрачный ручей течетъ сначала въ кустарникахъ и въ заросляхъ тростника, похожаго на рядъ копій съ флажками, и затѣмъ падаетъ внизъ, образуя рядъ маленькихъ естественныхъ запрудъ. Эти запруды мѣняютъ свой зеленый берилловый цвѣтъ въ зависимости отъ глубины скалистаго дна, и форма струи, падающей въ нихъ, мѣняется, какъ волосы разныхъ нимфъ, то гладко расчесанные широкимъ гребнемъ, то заплетенные въ маленькія косы и локоны. Надъ ними свѣшиваются темныя вѣтви вѣчно зеленыхъ дубовъ, длинныя и опущенныя, похожія на гирлянды; вдали, гдѣ ручей образуетъ мель, подымается группа молодыхъ лавровъ, гибкихъ, прямыхъ и остролистныхъ на фонѣ яснаго зимняго неба. Благодаря току воды въ ручѣ и пустынности скалистыхъ холмовъ, въ воздухѣ здѣсь есть вкусъ настоящаго горнаго воздуха, а бляеніе невидимыхъ овецъ, слабый гулъ каменоломень вверху, увеличиваютъ чувство уединенности, болѣе покойной, чѣмъ сама тишина,

внушаемое рѣчью воды и первымъ щебетаніемъ птицъ.

Оврагъ носить у меня, какъ я уже сказала, тайное названіе. Это впрочемъ не совсѣмъ истина, или вѣрнѣе истина менѣе опредѣлена. Я не называю этого мѣста, но я чувствую, что это Аркадія. Здѣсь, менѣе, чѣмъ въ часъ ходьбы отъ моего дома, находится Аркадія, и въ то же самое время, такъ мучительно и волшебно то, что это не Аркадія, не Греція, не Сицилія, не югъ Одиссея и Теокрита. На югѣ я не побываю никогда.

Скромный *Genius Loci*, какъ и великіе боги Олимпа, — только неосязаемый образъ, созданный изъ того, что есть, и того, чего мы желаемъ.

ДУХЪ РИМА

ОБЪЯСНЕНИЕ И ОПРАВДАНИЕ.

Я росла въ Римѣ съ двѣнадцати лѣтъ до семнадцати, но не возвращалась туда послѣ того долгіе годы. Онъ открылся для меня снова, хотя я и знала его уже со всѣхъ сторонъ и во всѣхъ подробностяхъ — открылся, такъ сказать, смыслъ его моимъ чувствамъ и мыслямъ. Отсюда во всѣхъ моихъ впечатлѣніяхъ — смѣсь привычки и удивленія. Отсюда ощущеніе, можетъ быть, отвѣчающее дѣйствительности, что Римъ — это давно сказано — совершенно отличается отъ всего другого на свѣтѣ, и что поэтому мы должны особеннымъ образомъ относиться къ нему.

Можетъ быть, на этомъ то основаніи я и не нахожу возможнымъ включить въ то, что я написала о разныхъ мѣстахъ и ихъ геніяхъ, эти замѣтки о Римѣ. Я не могу поставить Римъ въ фокусъ одной опредѣленной перспективы или увидѣть его окрашеннымъ однимъ какимъ-нибудь настроеніемъ. Все, случившееся тамъ съ моей маленькой особой, не оставило

никакого слѣда въ написанномъ здѣсь. Я встрѣтила вновь въ Римѣ самый Римъ. Римъ живъ (и только еще болѣе живъ отъ его случайнаго вида смерти), и мы слишкомъ бываемъ поглощены любовью и ненавистью къ нему, слишкомъ возмущаемся имъ и слишкомъ умиляемся, слишкомъ задумываемся надъ его противорѣчїями, чтобы много вспоминать о терзанїяхъ и радостяхъ, которыя простые смертные могутъ доставить намъ въ его присутствїи.

Подобная же причина препятствуетъ всякой попыткѣ переписать или передѣлать эти замѣтки. Никто не въ силахъ сѣсть къ столу и написать вѣрный портретъ Рима: конечно, не могу сдѣлать этого и я. Цѣнность этихъ записокъ для того, кто любитъ Римъ или способенъ его полюбить, заключается въ томъ, что онѣ повторяютъ, хотя и въ несвязной формѣ, сказанное мною когда то самой себѣ о Римѣ; или, можетъ быть, если только эта форма не покажется слишкомъ самонадѣянной, повторяютъ сказанное мнѣ Римомъ изо дня въ день и изъ года въ годъ.

Осень 1903.

ПЕРВОЕ ВОЗВРАЩЕНІЕ ВЪ РИМЪ.

Удивительно, что въ ряду впечатлѣній не совершенно новыхъ, но странно ожившихъ

(тѣ же самыя вещи, перестроенныя временемъ на новый ладъ) мое самое яркое впечатлѣніе проистекаетъ отъ чего то столь неличнаго, столь незначительнаго, какъ античный саркофагъ, служащій базой средневѣковой гробницы. Впечатлѣніе? Едва ли это, впрочемъ, впечатлѣніе. Моя душа похожа на старую записную книжку, заполненную обрывками фразъ и отдѣльными словами, напоминающими о чемъ то, которая отказывается принять новую каплю чернилъ.

Какъ я забыла и какъ хорошо я знаю теперь эти маленькія подробности изъ прошлаго! Потемнѣвшій, весь въ дырочкахъ, какъ губка, травертинъ, перевернутая капитель на ступеняхъ Тринита деи Монти, каріатиды въ Станца дель Инчендіо, нахмуренныя и улыбающіяся лица императоровъ и философовъ въ Капитоліи, тысяча всякихъ пустяковъ. Мнѣ кажется, что я не видѣла ничего другого въ эти пятнадцать лѣтъ, въ продолженіи которыхъ все это было совершенно забыто.

Настоящая Кампанья открылась, когда мы выѣхали за Цецилію Метеллу. Кампанья, которую я такъ мала знала прежде, кажется теперь совершенно знакомой и не оставляетъ никакого впечатлѣнія. Да, изгороди, сплетенныя, какъ эти, изъ камыша, и вѣтви бузины надъ ними, жирная поросль на стѣнахъ и

гробницахъ, волны увядшей зеленой равнины, плывущія бѣлыя снѣжныя массы на лазури неба; бѣгущія арки акведуковъ, груды камня. Неужели я совершенно и навсегда оторвана отъ этого? Неужели это уже дало мнѣ столько, что никогда не дастъ большаго? Видь Ареццо съ его башнями подъ небесной голубизной и снѣжной бѣлизной Фальтероны, зеленая болотистая долина съ полнымъ Тибромъ, вытекающимъ изъ послѣднихъ умбрійскихъ горъ— неужели это стало больше пронзать меня? Возможно ли, что Римъ за три дня не могъ внушить мнѣ ничего болѣе яркаго и сильнаго, чѣмъ мысль о саркофагѣ, стоящемъ въ стѣнѣ Арачели, съ его сатирами и купидонами, виноградомъ и павлинами, увѣнчанными мозаичными крестами и средневѣковой надписью: Dominus Pandulphus Sabelli?

Римъ, февраль 1888.

ВТОРОЕ ВОЗВРАЩЕНИЕ ВЪ РИМЪ.

Я сильно чувствую величіе Рима; не героическое или трагическое величіе, но величіе великолѣпной риторики. Огромные размѣры всего: колоссальные пилястры, колонны, церкви, гигантскія протяженія дворцовъ, обиліе воды, высокій ростъ народа, большія бороды и волосатыя головы, лѣнивое протяжное про-

изношеніе,—все это стремится къ большому, выразительному. Это не грандіозность порыва и широкаго размаха, какъ въ іезуитской Испаніи, и еще менѣе величіе достижений и сдержанной силы, какъ въ Тосканѣ. Это—великолѣпная громогласная риторика, имѣющая, конечно, какое то значеніе, но выходящая за предѣлы истиннаго размѣра вещей.

Человѣкомъ, лучше всего понявшимъ Римъ въ этомъ смыслѣ, былъ Пиранези. Его зданія всегда слишкомъ безмѣрно-огромны, его растительность слишкомъ необычайно-роскошна; они никогда не перестанутъ передавать Римъ. И также—его пруды черной краски и безконечныя озера туши.

Римъ, 20 февраля 1889.

АРА СОЕЛІ.

Я закончила утро очень характерно въ Ага Соелі, въ одной изъ церквей, которую я люблю здѣсь больше всего, или, вѣрнѣе, одной изъ немногихъ, которыя я вообще здѣсь люблю. Я нахожу, что удовольствіе, которое мнѣ доставляютъ церкви, проистекаетъ главнымъ образомъ изъ того, что церкви—это самыя обитаемыя мѣста въ мірѣ, мѣста обжитыя поколѣніями и поколѣніями, при чемъ каждое приносило сюда нѣчто свое, великое или малое,

соотвѣтственно своимъ чувствамъ — иногда вещи, только похищенные у предшествующихъ поколѣній, на примѣръ обряды съ ихъ языческой или іудейской окраской; каждое поколѣніе приноситъ сюда что-то, прилѣпляетъ что-то, не обращая вниманія на существующее уже накопленіе (такъ же, какъ одна жизнь никогда не обращаетъ вниманія на другую жизнь) гробницъ, картинъ, серебряныхъ сердецъ и обѣтныхъ изображеній всякихъ бѣдъ и болѣзней, бумажныхъ цвѣтовъ, отполированныхъ временемъ деревянныхъ скамей, занавѣсей. И каждое поколѣніе также что-нибудь разрушаетъ, нарушаетъ порядокъ камней и мраморныхъ круговъ пола, полируетъ колонны, стираетъ своими ногами индивидуальность изображеній на полу, превращая ихъ въ простую волнистую пелену, въ простой контуръ застывшихъ ногъ, положенныхъ на подушки головъ, и рукъ, сложенныхъ столь набожно и трагично.

Церковь Ага Соелі, подобно равеннскимъ церквамъ, имѣетъ такой характеръ, тѣмъ болѣе, что даже ея колонны были похищены у античныхъ зданій; онѣ показываютъ своими неровными канелюрами или изъѣденнымъ гранитомъ, что природа также имѣла какое то къ нимъ отношеніе, что онѣ участвовали не только въ жизни той или другой религіи—въ

язычествѣ ли, христіанствѣ ли, но и въ жизни вѣтровъ и дождей. Такія церкви какъ эта, но только болѣе устроенныя и украшенныя, соотвѣтствуютъ, нѣкоторымъ образомъ, поэзіи Броунинга: здѣсь вы дома среди возвышенной торжественности, не нарушаемой никакими тривіальными подробностями. Здѣсь таинства и чудеса замыкають сводъ надъ реальной жизнью *ex-voto* и обѣтныхъ картинокъ, изображающихъ несущихся лошадей и пылающіе дома; здѣсь жизнь истончена временемъ, подобно порфириновымъ дискамъ пола, драгоцѣннымъ кускамъ, истертымъ до кирпича лежащаго подъ ними; здѣсь настоящее питается прошлымъ, какъ показываютъ колонны языческаго храма, поддерживающія арки, расписанныя святыми семнадцатаго столѣтія.

Органъ игралъ, аккомпанируя пѣнію монаховъ; и, стоя передъ капеллой Св. Бернардина, гдѣ Христось въ золотомъ сіяніи, среди молящихся и поющихъ ангеловъ Пинтуриккіо, подымается изъ голубой темноты за рѣшеткой, я особенно чувствовала эту музыку органа. Звучное гудѣніе басовъ, немного носовой тембръ *vox humana* и гобоя были подлинной музыкой этихъ перевитыхъ лентами умбрійскихъ ангеловъ, окружавшихъ столько лѣтъ тому назадъ въ голубомъ и облачномъ небѣ

благословляющаго, возносящагося Христа въ усѣянномъ херувимами золотомъ сіяніи.

Святая Суббота.

ПАНТЕОНЪ.

Задняя и боковая стороны Пантеона, если смотрѣть со ступеней Минервы, открываютъ великолѣпный полукругъ каменной громады и дугообразные ряды розово-окрашеннаго кирпича, одѣтаго мхомъ, посеребреннаго временемъ и сливащагося въ нѣчто почти подобное естественной скалѣ изъ розоваго известняка. Внизу капители великолѣпныхъ колоннъ и обломки нѣжныхъ фризовъ съ дельфинами.

НА КЛАДБИЩѢ.

Я вновь поражена одной изъ тѣхъ вещей, которыя при моемъ первомъ возвращеніи послѣ столькихъ лѣтъ стали воплощать Римъ въ моемъ представленіи. Авентинъ, гдѣ онъ спускается къ Тибру, бѣлый отъ цвѣтущихъ плодовыхъ садовъ, гдѣ деревья свободно растутъ среди камней и сорныхъ травъ, подъ влажномъ небомъ,—о, эта эфемерная красота цвѣтенія значитъ какъ будто болѣе здѣсь, среди вѣковъ, чѣмъ въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ.

Я была права, думаю, когда писала однажды, что для насъ легче было бы встрѣтить мысль объ опасности, смерти, ломкѣ жизни здѣсь въ Римѣ, чѣмъ гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ. К. говорила мнѣ, что она почувствовала это, когда мы встрѣтились на кладбищѣ у могилы ея бѣдной старой тетки. Смерть здѣсь, думается, болѣе похожа на возвращеніе въ міръ потустороннихъ вещей, возвращеніе, какъ у Эпиктета, туда, гдѣ ждутъ каждыяго изъ насъ. Кипарисы кладбища тамъ, подъ стѣнами города, среди руинъ, кажется, соединяютъ людей не столько въ ужасномъ единеніи Смерти, сколько въ вѣчной жизни столѣтій.

4 марта 1893.

ВЕСНА 1895 г.

ВИЛЛА ЛИВИИ.

Поѣздка вдоль совершенно пустынной дороги въ Чивита Кастеллану. Тибръ вьется между низкихъ, прерывающихся холмовъ, покрытыхъ высокой густой зеленой травой; другіе холмы, образованные изъ коричневаго неестественнаго туфа, подобные развалинамъ каменныхъ зданій или разрытые какъ гроты Синьорелли, поросли густымъ разросшимся багрянникомъ, дрокомъ и рѣдкими асфоделями;

все здѣсь зеленое или коричневое, и все такой формы, что спрашиваешь себя, не есть ли это также, подобно разбросаннымъ здѣсь скаламъ, оказывающимся вблизи развалинами, въ дѣйствительности, руины, чудесно разрушенные города.

Блѣдно рыжій, среди зелени, быстрый Тибръ принимаетъ мелкіе узенькіе притоки, текущіе подъ влажной листвою,—темные неглубокіе ручьи съ песчанымъ, безъ камней, дномъ. Здѣсь воображаешь, что около каждаго изъ нихъ была какая то битва въ тѣ первые римскіе дни. Кампанья—большой блѣдный кругъ зелени, подъ нѣжнымъ тающимъ небомъ съ блѣдными далекими горами на горизонтѣ.

Какъ чувствуется Римъ отдѣленнымъ отъ всей жизни, кромѣ вѣчной и неизмѣнной жизни травы и воды, стадъ и жаворонковъ. Онъ кажется подвѣшеннымъ въ какой то пустотѣ!

Дальше еще — тростниковые шалаши (нѣкоторые забрались въ самыя арки акведуковъ), шалаши въ пещерахъ и жалкія остеріи, въ стѣны которыхъ вставлены капители со средневѣковыми гербами. Нѣсколько конныхъ пастуховъ медленно проѣзжаютъ мимо.

У Прима Порта среди этой пустыни подымается пригорокъ, покрытой травой, проникнувъ въ который, вы находите маленькую ком-

нату, расписанную всю кругомъ какъ фруктовый садъ съ гранатовыми деревьями, яблонями, ежевикой, маленькими соснами и пиніями, съ птицами въ гнѣздахъ, клюющими плоды,— все сдѣлано самымъ любовнымъ и тщательнымъ образомъ,— блестящей энкаустикой, подобной эмали на эмалево-голубомъ небѣ.

Возвращаясь домой подъ дождемъ, узнаешь Римъ, когда появляется куполь Св. Петра и Ватиканскіе сады, расположенные такъ, что это кажется какимъ то единственнымъ колоссальнымъ храмомъ въ пустынѣ.

8 мая.

ВЕСНА 1897 г.

ПРІѢЗДЪ ВЪ ПОЛНОЧЬ.

По дорогѣ со станціи въ полночь видишь огромный масштабъ всего, гигантскія пропорціи молчаливыхъ дворцовъ и закрытыхъ церквей. При проѣздѣ мимо Квиринала видны колоссальные Діоскуры со своими конями, фонтанъ бьющій кверху, между ними, бѣлый отъ электрическаго свѣта въ глубокой голубой темнотѣ.

Вульгарность современныхъ вещей огромна здѣсь также какъ то невѣроятно—объявленія въ цѣлые ярды длиной на углахъ улицъ при

свѣтъ газа, безчисленные ряды наспѣхъ выстроенныхъ домовъ, — все это тоже помогаетъ составить впечатлѣніе о Римѣ, какъ о театрѣ вѣковъ: гигантская вѣчно длящаяся пьеса, великолѣпная и внушительная для глазъ и воображенія, гдѣ Время важно шествуетъ и важно течетъ.

Ночью особенно чувствуется величавость Пиранези, а также живописность Калло, которая есть какъ бы второстепенное качество Рима. Весь городъ цѣликомъ принадлежитъ, въ сущности, скудному и пышному семнадцатому вѣку. Сотни негодныхъ въ архитектурномъ значеніи іезуитскихъ церквей не выражаютъ, какъ мы иногда рѣшаемся говорить, ограниченности; онѣ не бессмысленны не ничтожны, напротивъ, онѣ превосходно подходятъ къ своему мѣсту и назначенію среди руинъ и всяческой путаницы. Нищіе и бездѣльники, постижимая бѣдность и запущенность, все это также имѣетъ здѣсь свое значеніе и свое мѣсто.

24 марта.

ВИЛЛА МАДАМА.

Огромное пустое неоконченное зданіе, очень величественное и украшенное очень тонкими деталями, прилѣпилось къ склону, покрытому зарослями и огородами, какъ ковчегъ къ Ара-

рату; оно, повидимому, повторяетъ, только немного болѣе великолѣпнымъ образомъ, тотъ же рассказъ, который здѣсь слышишь повсюду. Повсюду видны здѣсь большія осыпавшіяся неоконченныя виллы, казино барокко, даже маленькіе дворцы пятнадцатаго столѣтія, затерянные среди полей, повсюду видны монументальныя никуда не ведущія ворота. Ихъ исторія—исторія непрерывной борьбы папы за папой и кардинала за кардиналомъ противъ неумолимаго климата Рима. Каждое краткотечное поколѣніе этихъ старцевъ появлялось въ Римѣ слишкомъ поздно, чтобы учиться у прошлаго, приходя сюда уже привыкшимъ повелѣвать и тщеславиться, не желавшимъ видѣть руины, оставленныя предшественниками. Каждое обращалось по-своему съ этими малярійными холмами и берегами рѣкъ; и все—только для того, чтобы умереть, какъ остальные, оставивъ послѣ себя еще одну заброшенную ограду.

Одно изъ очарованій Рима—это несомнѣнно не столько его умерщвляющее качество само по себѣ, сколько характеръ того, какъ оно дѣйствуетъ; оно достойно живого существа съ непреборимыми привычками и необъяснимыми основаніями, умерщвляющаго понемногу все, что ему попадаетъ на дорогѣ.

Римъ, кромѣ, можетъ быть, только Вене-

ціи,—органическій городъ, почти живое существо; его *genius loci* не аллегорія, но его собственное подлинное я.

Мартъ.

ИЗЪ ВАЛЬМОНТОНЕ ВЪ ОЛЕВАННО.

Вальмонтоне стоитъ на линіи желѣзной дороги, ведущей въ Неаполь; мы пріѣхали туда на велосипедахъ изъ Сеньи. Это дикое селеніе на холмѣ, у подножья котораго роются и грызутся свиньи; на окраинѣ подымается большой покрытый пятнами дворець, подобный палаццо Фарнезе.

Когда мы пересѣкали низкіе пригорки въ широкой долинѣ между Альбанскими и Сабинскими горными цѣпями, намъ открылось великолѣпное зрѣлище лысыхъ горъ, хрустальныхъ, подобныхъ античнымъ геммамъ. Въ долинѣ—дивныя почти сумеречныя краски даже въ полдень: густая зелень и пурпуръ; остроконечные стога соломы замѣняютъ здѣсь наши тосканскіе кипарисы. Множество голубыхъ и бѣлыхъ дикихъ тюльпановъ на холмикахъ и винно-красныхъ анемоновъ подъ густыми оливками, похожими на вѣчно-зеленые дубы; кругомъ чудесныя, блѣдно-голубыя цѣпи зубчатыхъ и коническихъ горъ. Населеніе состоитъ изъ оборванныхъ людей и тощихъ ло-

шадей; во всемъ большая нищета; пейзажъ, какъ умбрійскій, но гораздо болѣе дикій, чѣмъ умбрійскій, и безъ умбрійской ясности; пустынные, пустынные дороги. Я пишу въ оливковомъ саду передъ гостиницей; взъерошенное маленькое Олевано виситъ передо мной, почти соскальзывая внизъ по склону горы, со своими темными домами и желтыми мшистыми крышами.

Олевано, 28 марта.

ИЗЪ ОЛЕВАННО ВЪ СУБІАКО.

Вчера послѣ полудня сдѣлали прогулку на велосипедахъ и пѣшкомъ изъ Олевано въ Субіако. Полторы мили вверхъ по отвѣсу до самаго гребня горъ, а затѣмъ внизъ—нѣсколько острыхъ угловъ и одинъ или два очень обрывистыхъ зигзага, по которымъ мы буквально скатываемся внизъ. Въ первый разъ я испытывала такое чувство, частью страха, частью радости: быстро мѣняющіеся виды впереди, справа и слѣва обрывы, сухіе лѣса, огромныя горы, похожія на яшму или какой-то другой камень, съ жилами аметиста; запахъ свѣжести, внезапно пахнувшій ароматъ фіалокъ, въ одномъ мѣстѣ маленькое зеленое озеро, глубоко, глубоко внизу (Stagno di Rojate)—полное уничтоженіе пространства и времени. Было еще

лучше, когда Ч. Бр. и я слѣзли съ велосипедовъ и пошли внизъ пѣшкомъ. Дорога прорублена въ обрывѣ покрытыхъ лѣсомъ горъ; на тѣнистой сторонѣ струится вода, и восхитительно прячутся во мху буковицы и фіалки среди сухихъ упавшихъ каштановъ. То здѣсь, то тамъ вишневая деревья въ долинѣ глубоко внизу подобныя маленькимъ клубамъ дыма. О сладость этихъ горныхъ лѣсовъ, съ высокими обнаженными сиреневыми горами вокругъ!

Острый зигзагъ, перелетъ черезъ мостъ, гдѣ скорѣе чувствуешь, чѣмъ видишь, паденіе зеленаго Аніо, пѣнящагося въ скалахъ, и какъ разъ къ заходу солнца мы вѣзжаемъ въ Субіако—ползущее высоко, фіолетовое со своимъ большимъ островерхимъ замкомъ, опоясанное зеленой влажной долиной и цвѣтущими тополями на фонѣ пурпурово огненнаго неба. Затѣмъ въ сумеркахъ мы летимъ черезъ маленький городъ, гдѣ уже звонятъ колокола.

Тиволи, 29 марта.

SACRO SPECO.

Sacro Speco было прекрасной неожиданностью. Ряды маленькихъ церквей и капеллъ съ лѣстницами, ведущими вверхъ и внизъ, сводами, расписанными въ готическомъ стилѣ, и

лампадами повсюду передъ алтарями, были совершенно открыты и пусты. Мы вступили въ нихъ или, вѣрнѣе, въ поворачивающійся угломъ вестибюль, покрытый фресками какихъ-то умбрійцевъ, безъ всякаго рѣзкаго перехода отъ великолѣпной рощи вѣчно-зеленыхъ дубовъ съ безмѣрными вѣтвями, подобными балкамъ, надъ головой и отъ склоновъ голубовато-сѣраго туфа, покрытаго только изрѣдка горькой травой. Монастырь Sacro Spesso — похожее на крѣпость небольшое зданіе, куда мы никакъ не могли проникнуть. Мрачный монахъ, котораго мы съ трудомъ отыскали, (другой обходилъ капеллы съ большими связками желтофіюлей и ирисовъ) ввелъ насъ въ микроскопическій садикъ подъ монастырскими строеніями, огороженный цвѣтущимъ розмариномъ, гдѣ росли розы, въ которыхъ катался св. Бенедиктъ, (майскія розы, пока еще выпустившія только одни листья) посаженныя въ видѣ ложа или рѣшетки, рядъ за рядомъ.

Хотя это мѣсто не кажется заброшеннымъ, оно великолѣпно для отшельническаго житья: голубовато-сѣрые склоны, сбѣгающіе внизъ въ зеленый пѣнистый Аніо, высокія, голыя, голубоватыя горы вокругъ, достаточно отступившія, чтобы ихъ можно было видѣть, большое чувство воздуха и пространства изъ до-

лины. Никакой растительности, кромѣ немногихъ оливокъ и тощихъ дубковъ, горькой травы и молочая. Никакихъ душистыхъ кустарниковъ счастливой Тосканы. Глубоко внизу арки виллы Нерона—демоны ея, безъ сомнѣнія, давно укрощены. Эти расписанныя джоттесками капеллы окружаютъ весь увѣшанный лампадами маленькій туфовый гротъ, тотъ самый, въ который, какъ на фрескѣ Содомы, ангелы приносили корзины съ пищей, въ которомъ дьяволы казали рога св. Бенедикту.

Римъ, 30 марта.

ВИЛЛА АДРИАНА.

Мы переѣхали Аніо дважды—первый разъ у Понте Маммоло, гдѣ онъ имѣетъ цвѣтъ Тибра и пробивается сквозь ряды ивъ; второй разъ—передъ тѣмъ, какъ онъ становится отравленнымъ сѣрными водами Аква Альбуле (впрочемъ голубая сѣрная вода сама по себѣ красива), у великолѣпной башни подъ Тиволи, похожей на Цецилію Метеллу. Здѣсь Аніо—зеленый бурный потокъ, какъ въ Субіако, бѣгушій среди тополей, ивъ и зарослей высокаго камыша.

Вилла Адриана. Она открывается издалека у подножья холмовъ Тиволи—склоны съ оливковыми лѣсами и шапки пиній. Какое мѣсто!

Сады Армиды для Фауста-Ринальдо. Античность подобна здѣсь *la belle au bois dormant* въ рощахъ колоссальныхъ вѣчно зеленыхъ дубовъ, среди огромныхъ кипарисовъ; она заворожена магіей этихъ могучихъ старыхъ серебристыхъ, нетронутыхъ уходомъ, оливковыхъ деревьевъ, растущихъ на высокой цвѣтушей травѣ. Остатки портиковъ и куполовъ и гротовъ не слишкомъ красивы архитектурно, и всѣ статуи, всѣ обломки фризовъ безжалостно вывезены отсюда; остались только разбитыя плиты мрамора, штукатурка стѣнъ и нѣсколько кусковъ мозаики,—это единственный садъ подъ Римомъ безъ единой статуи въ немъ! Но, однако, божественная растительность, божественный видъ на ближайшія голубыя горы и голубую равнину, какъ будто, преобразовали весь этотъ кирпичъ и цементы въ нѣчто прекрасное и драгоценное, обратили немногія оставшіяся колонны и срубленныя, разбитыя капители (все остальное: вазы, ванны, полы, мраморъ ушло въ Ватиканъ) въ нѣчто изысканное по красотѣ; можетъ быть, даже полное отсутствіе статуй и заставляетъ думать, какія статуи должны были стоять здѣсь, и дредставлять, будто онѣ еще стоятъ тутъ. Во всякомъ случаѣ, это случайно получившееся мѣсто, этотъ исчезнувшій дворецъ, замѣненный оливковыми

рощами, изгородями изъ буксуса, аллеями кипарисовъ и пастбищами маленькой бѣдной фермы,—гораздо прекраснѣе и удивительнѣе, чѣмъ всѣ искусно устроенныя римскія виллы. Это ихъ, такъ сказать, оригиналь—совсѣмъ такъ же, какъ эти водопады Тиволи кажутся прототипами всѣхъ римскихъ фонтановъ.

Пошелъ дождь, пока мы были тамъ, и громъ гремѣлъ въ огромныхъ пустыхъ залахъ. Затѣмъ, когда прояснилось надъ горами, намъ открылась зеленая, уже туманная равнина, съ темными полосами дождя и угрожающимъ желтымъ небомъ надъ ней.

10 апрѣля.

ВЪ АЛЬБАНСКИХЪ ГОРАХЪ.

Высокія оливки, подрѣзанныя на четыре угла но'со множествомъ густыхъ вѣтокъ, не дымчатая, но цвѣта стараго темнаго серебра; виноградники съ палевыми крестами подпорокъ на лиловой землѣ. Желѣзная дорога вьется вокругъ Альбанскаго озера, отражающаго грозное синее небо и бѣлые клубы облаковъ; просвѣтъ въ облакахъ, когда мѣняется вѣтеръ, показываетъ чудесное гіацинтово-голубое небо. Цвѣтушія маленькія деревья и высокіе блѣдные асфодели окаймляющіе озеро; ихъ запахъ и запахъ свѣжести.

Красивая круглая церковь; ея посеребренный временемъ куполь раскидываетъ два крыла въ Ариччии противъ палаццо Киджи, большого мрачнаго дворца съ рѣдкими окнами, съ посѣрѣвшими отъ сырости и времени камнями, сдавленнаго съ четырехъ сторонъ башнями. Этотъ торжественный типъ напоминающаго о White Devil of Italy ¹⁾ дворца или виллы шестнадцатаго вѣка повторяется много разъ въ окрестностяхъ; эти мѣста служили для того, чтобы хранить тайны; нѣкоторыя виллы какъ будто нарочно расположены на самомъ краю Кампаньи, гдѣ кончаются даже виноградники и оливки. Удивительно хороши лѣса, полные цвѣтовъ, между Альбано и Дженцано. Маленькое круглое озеро Неми разочаровало меня.

Когда мы поднялись на велосипедахъ къ Марино, Альбанское озеро было видно сверху; воды его отражали темныя грозовыя облака, сухіе багровѣющіе дубовыя лѣса Рокка ди Папы и высочайшую латинскую вершину, которая имѣетъ форму жертвенника. Вода отражающая грозовую тучу, становится чернильной, угрожающей, темно-фіолетовой. И на фо-

¹⁾ Намекъ на трагедію Вебстера: Vittoria Accorombona or White Devil—Витторія Акоромбони, или Бѣлая Дьяволица.

нѣ ея, на каменистомъ скатѣ холма—нѣжные, блѣдно-розовые канделябры асфоделей.

По другую сторону склоны, покрытые виноградниками, и блѣдно-голубая Кампанья, и линия слабо сіяющаго моря, бѣловатаго подѣ свѣтлымъ небомъ. Прелестны дубовые лѣса близъ Марино, сквозь которые, увы! мы быстро летимъ спускаясь. Цѣлое стадо недавно остриженныхъ овецъ встрѣчается намъ, и при нихъ, подобные фавнамъ, пастухи, лежащіе въ тѣни.

На виллѣ Торлонія въ Альбано—бассейнъ окруженный масками (откуда бьетъ вода), глубокое зеленое водное пространство, прерывающееся струями фонтановъ, зеленыя тѣнистыя рощи вѣчно зеленыхъ дубовъ кругомъ; каждый камень покрытъ здѣсь нѣжнымъ зеленымъ мхомъ. И въ концѣ перспектива Кампаньи въ зеленыхъ и пурпурно-голубыхъ вечернихъ тонахъ, пригорки, фермы и акведуки, и едва замѣтные стога сѣна и соломы. Еще дальше бѣлое блестящее море. Гроза прошла, осталось только немного облаковъ, окутавшихъ горы Субіако, которыя видны отсюда. Какъ онѣ отличаются отъ этихъ латинскихъ холмовъ!

Со всѣхъ сторонъ на вершинахъ видны обширные, спускающіеся террасами сады, гроздящіеся виллы: Альдобрандини, Фальконьери, Ланчелотти.

Римъ, 13 апрѣля.

СВЯТАЯ ПЯТНИЦА.

Вчера было пасмурно, и солнце садилось, когда мы приблизились къ Анціо; поѣздъ шель сквозь лѣса миртъ и заросли лентиска. Внезапно мы въѣхали въ зеленяя равнины, тянущіяся до самаго горизонта и полныя асфodelей. Блѣдный золотисто-розовый закатъ въ туманѣ, розоватая полная луна, поднимающаяся въ голубой мглѣ на противоположной сторонѣ, и подѣ этимъ блѣднымъ яснымъ небомъ тысячи асфodelей, какъ канделябры, встающіе изъ травы. Я никогда не видѣла раньше такого явленія Елисейскихъ полей!

Здѣсь, въ Анціо, мы встрѣтили процессію *Gesu Morto*, проходившую съ оркестромъ и красными и бѣлыми знаками конфереріи черезъ маленькій рыбацій городокъ. На одну минуту большая черная мадонна показалаь высоко въ свѣтѣ факеловъ на глубоко синемъ небѣ, надъ туманно голубымъ, залитымъ луной, моремъ.

Эта процессія была гораздо менѣ красива, чѣмъ такія же процессіи въ Тосканѣ, но производила бѣльшее впечатлѣніе. Маленькія лодки со сложенными парусами всѣ увѣшаны цвѣтными фонариками отъ мачты до бугшприта. Море играетъ, какъ волнующійся шелкъ.

Анціо, 17 апрѣля.

АСФОДЕЛИ.

Подобно Джонсону, никогда не находившему достаточно своихъ любимыхъ ягодъ, я никогда не видѣла асфоделей столько, сколько мнѣ хотѣлось. Съ тѣхъ самыхъ поръ, когда я увидѣла ихъ впервые, проѣзжая въ поѣздѣ сквозь Маремму, даже съ тѣхъ поръ, какъ увидѣла ихъ на фотографіи одного сицилійскаго храма, нѣтъ! можетъ быть, тайно даже съ тѣхъ поръ, какъ только услышала ихъ названіе, я испытывала тоску по нимъ и скрытое чувство, что мнѣ никогда не удастся увидѣть ихъ столько, сколько я хочу. Здѣсь я ихъ нашла. Вчера утромъ, проѣзжая на велосипедѣ по поднимающейся кверху дорогѣ, вдоль которой смѣнялись зеленыя пастбища, море, лѣса миртъ и заросли лентисковъ, прерываемыя вѣчно-зелеными дубами и пробковыми деревьями, я нашла мѣсто гдѣ было достаточно асфоделей: сплошныя плантаціи, цѣлыя площадки, подобныя площадкамъ садовыхъ нарцисовъ, густыя массы блѣдно-розовыхъ и сѣро-свинцовыхъ цвѣтовъ и сѣровато-зеленыхъ листьевъ или чашечекъ. Каждый цвѣтокъ выдѣлялся отчетливо на фонѣ неба или поля, на выступѣ скалы, на высокому земляному холмикѣ. Эти цвѣты рѣдко бываютъ сохранены; когда вы собираете

ихъ, иныя звѣздочки увяли и вмѣсто нихъ остались только бурья чашечки. Но на разстояніи эта полуиспорченность придаетъ имъ особую прелесть, заставляя свѣтъ падать такъ, что онъ выдѣляетъ розовый цвѣтъ на сѣромъ. Красота этого растенія состоитъ въ томъ, что его вѣтви имѣютъ форму канделябра. Цвѣтокъ обладаетъ слабымъ чесночнымъ запахомъ, свѣжимъ какъ запахъ буксуса.

Анціо. Пасха.

НЕТТУНО.

Неттуно—маленькій укрѣпленный городъ на скалахъ съ зубчатыми стѣнами и башнями, и домами съ рѣшетчатыми окнами—крѣпостца шестнадцатаго столѣтія, очень красивая притомъ. Виноградныя лозы, сорныя травы, сирень растутъ на его стѣнахъ. На улицахъ—люди въ высокихъ сапогахъ и разбойничьихъ шляпахъ, женщины въ корсетахъ. По вечерамъ онѣ доютъ молоко прямо въ стадѣ козъ. Связки муловъ—буквально, связки потому что животныя связаны вмѣстѣ одной веревкой.

Вчера вечеромъ мы ѣздили на велосипедахъ за Неттуно по дорогѣ къ Торре Астура, которая подымается надъ этимъ полукруглымъ заливомъ со смутными высокими горами позади. Гора Цирцеи, которая кажется (и несо-

мнѣнно, должна была быть когда-то) островомъ, слабо вырисовывается къ вечеру; это огромная скала, оканчивающаяся чѣмъ-то похожимъ на замокъ, встающая загадочно изъ моря. Мы доѣзжаемъ по берегу моря до мѣста, заросшаго верескомъ—мѣста съ темной песчаной почвой, папоротникомъ, травой и асфоделями, мѣста невыразимо торжественнаго и дѣвственнаго: маленькій лѣсокъ пробковыхъ деревьевъ вдали, римскія руины, голубые Аппенины, полузакрытыя облаками. Нѣсколько пастуховъ возвращающихся домой; ихъ козы и лошади кажутся огромными на равнинѣ. Пѣніе жаворонка, и внезапный, неожиданный ревъ прибоя. Направляясь на его шумъ по глубокому черному песку, мы доходимъ до моря. Еще болѣе странно около него! Кайма болотной травы, камыша! Дальше Торре Астура и едва видная сквозь туманъ гора Цирцеи. Начинается дождь.

Анціо. Пасха.

ТОРРЕ АСТУРА.

Вчера вечеромъ мы ѣздили на велосипедахъ еще дальше по направленію къ Торре Астура, которая казалась совсѣмъ близко въ своемъ одиночествѣ. Дюны были покрыты густыми зарослями лентиска, миртъ и другими кустар-

никами, съ каждымъ шагомъ можно было наступить на какое-нибудь душистое растение. Вдоль песковъ, черныхъ твердыхъ и усѣянныхъ цвѣтными раковинами, тянулась полоса тростниковъ. Море, укрощенное въ искусственной бухтѣ, огражденной моломъ Анціо, здѣсь было безпокойно и взволновано; вѣтеръ гналъ коричневый темный песокъ, какъ дымъ по землѣ.

Monte Circeo была видна совсѣмъ ясно, ея голубая съ бѣлымъ вершина, нависшая скала и никакого замка. Внутрь страны тянутся поля асфodelей и сплошные лѣса.

Мы нашли утромъ тропинку или дорогу почти заброшенную, высоко поднимающуюся между Анціо и Неттуно и совершенно скрытую великолѣпными сводами вѣчно-зеленыхъ дубовъ, заглохшую тропинку съ просвѣчивающимъ кое-гдѣ сквозь вѣчно-зеленяя вѣтви голубымъ моремъ.

Анціо, 19 апрѣля.

ВЕСНА 1899.

ПАЛАЦЦО ЧЕНЧИ.

Сегодня утромъ я бродила по неоконченной набережной Тибра среди наполовину скрытыхъ домовъ стараго еврейскаго квартала, привлеченная, можетъ быть, названіемъ „Виколо Чен-

чи“. Я сама позволила пристать ко мнѣ рыжеволосой привратницѣ у входа въ домъ Батриче Ченчи,—мрачный, запущенный дворецъ среди грудъ мусора.

Далѣе меня провели по цѣлому ряду темныхъ лѣстницъ въ чью то маленькую грязную кухню и затѣмъ заставили поглядѣть сквозь таинственное окно въ запертую капеллу Ченчи. Я заглянула съ любопытствомъ внизъ, въ темный заплеснѣвшій дворъ, и видѣла нѣчто неопредѣленное, что было, какъ мнѣ сказали, гробницей Ченчи.

Впечатлѣніе ужаса и вмѣстѣ съ тѣмъ жалкости, и, о небо, что за наскучившая исторія! Однако какой властью одарили ее народный романтизмъ и поэзія. Исторія, которую стыдно было бы дочитать до конца въ дешевой газетѣ... и однако!..

24 марта.

МОНТЕ КАВО.

Вчера ѣздила съ Маріей, Антоніей и поэтомъ Паскарелли въ Рокка ди Папа.

Трава Кампаньи за акведуками усыпана маргаритками, какъ торгъ сахаромъ. Дальше, гдѣ начинаются холмы, дивное розовое сверканіе цвѣтушаго персиковаго дерева на фонѣ блѣдно-желтыхъ камышевыхъ крестовъ въ сухихъ виноградникахъ.

Я еще разъ была поражена величественнымъ видомъ открытой площади во Фраскати, съ ея поднимающимися террасами и вѣчно-зелеными дубами, обставленной кругомъ всякими зданіями съ волютами и обелисками, въ родѣ виллы Альдобрандини.

Мы ѣхали сквозь засохшіе каштановые лѣса, гдѣ анемоны и голубые колокольчики вставали на каждомъ шагу изъ-подъ пожелтѣвшихъ листьевъ. Внезапно, въ просвѣтѣ, рядъ бѣлыхъ стволовъ, лиловая сухая листва деревьевъ, а выше мерцающая туманная скала Рокка ди Папа съ прилѣпленными къ ней домами.

Затѣмъ снова сквозь лѣса, пѣшкомъ по тропинкѣ, сперва глубоко утопающей въ сухихъ листьяхъ, затѣмъ выложенной твердыми вулканическими плитами, и все это каштановые лѣса, частью вырубленные на древесный уголь (дымъ отъ обжиганія поднимается снизу). Эти каштаны такъ не похожи на наши аппенинскіе, что ихъ можно принять за буки, и, только набравъ сухихъ опавшихъ листьевъ, мы могли увидѣть разницу. Ниже на спускѣ къ Неми буки сами свидѣтельствуютъ о себѣ своими сережками.

Сейчасъ же надъ городкомъ Рокка ди Папа, прежде чѣмъ начинается подъемъ по лѣсамъ Монте Каво, простирается „Лагерь Ган-

нибала“—бывшій кратеръ вулкана Mons Laticalis—зеленое поле, легенду котораго намъ разсказалъ Паскарелли: когда Ганнибалъ разбилъ здѣсь лагерь, римляне добыли необходимые деньги, объявивъ торги на землю, занятую вражескимъ лагеремъ! Странное и неожиданное мѣсто; огромный зеленый бассейнъ, мрачный и пустынный, отмѣченный только изгородами, напоминающій какія то сѣверныя горы; на такомъ же дикомъ мѣстѣ были римскіе лагери надъ Тайномъ и Твидомъ.

Мы поднимались сквозь лѣса, Антонія и я, слѣдуя за сторожемъ въ высокихъ сапогахъ, молчаливо или, самое большее, обмѣниваясь изрѣдка словами о цвѣтахъ: барвинкахъ, лютикахъ и лѣсныхъ фіалкахъ, мелькавшихъ среди опавшихъ листьевъ. И мало по малу далеко подъ нами стала развертываться смутная зеленая равнина съ бѣлой точкой, которой былъ Св. Петръ; а затѣмъ открылась неожиданно блѣдная синева одного озера и затѣмъ другого. Потомъ съ вершины горы они оба превратились въ стальные зеркала, потускнѣвшія, какъ отъ дыханья, отъ быстро проносящихся надъ ними облаковъ. Безлистные прозрачные и розовые лѣса простирались къ далекимъ городамъ и селеніямъ. Мы все поднимались, встрѣчая поднявшійся на высотѣ вѣтеръ, по мягко изгибающейся дорогѣ къ

вершинѣ латинскихъ горъ. Большой бѣлый покинутый домъ, кругъ старой заросшей мхомъ стѣны, кругъ старыхъ согнутыхъ вѣтромъ голыхъ буковъ и цѣлый міръ первобытнаго Рима въ туманѣ внизу, и рѣдкія облака, быстро несущіяся надъ головой. Вотъ тотъ природный алтарь, видимый даже съ улицъ Рима, жертвенникъ латинскаго Юпитера, который, когда мы видимъ его въ послѣдствіи снова съ вершины горы у Капель Гандольфо, надъ глубокимъ круглымъ проваломъ озера (усѣяннымъ по краямъ асфоделями), кажется, дымится еще отъ сверхчеловѣческой жертвы.

Какъ Ренанъ въ *Région de Nemi* передалъ безъ всякаго описанія очарованіе вида на Римъ съ этой нижней части латинскихъ горъ! Онѣ занимаютъ очень маленькую область, вулканическую и изолированную; онѣ составляютъ свой особенный міръ съ этими городками, лѣсами, этими двумя глубокими озерами, укрытыми такъ прочно отъ взоровъ. Это самая живительная цѣпь горъ, ибо изъ нея распространилась величайшая жизнь, обширнѣйшее, быть можетъ въ мірѣ явленіе жизни! Сверху отсюда смотришь не просто въ безграничное пространство, но въ безграничное время. Что за странная земля, эта земля Рима, какъ отлична она отъ остальной Италіи своими огромными равнинами, отдѣльными группами

холмовъ, своимъ презрѣніемъ къ рѣчнымъ долинамъ и ущельямъ—земля особенная и особаго предназначенья.

И, однако, признаюсь, эти историческіе холмы заставляютъ меня сильнѣе всего чувствовать лишь остроту воздуха, нѣжность прямыхъ розоватыхъ безлистныхъ лѣсовъ, свѣжесть новой травы и весеннихъ цвѣтовъ.

20 марта.

РѢЧНОЙ БОГЪ.

Мы ѣздили на велосипедахъ въ Кампанью эти два дня—два солнечныхъ, вѣтреныхъ дня, когда холмы слабо видны въ общей голубизнѣ. Проѣхавъ около трехъ миль по *Via Ardeatina*, мы слѣзли съ велосипедовъ и сѣли на травѣ въ маленькой долинѣ. Маленькая долина между двумя пологими зелеными склонами; ручеекъ, немного тростника, два или три тонкихъ дерева, покрытыхъ почками, и обычная изгородь, ведущая въ гору, вычерчивающая бѣлые города на зеленыхъ склонахъ. Трава еще коротка и суха; поютъ невидимые жаворонки; стада овецъ проходятъ мимо съ пастухами, останавливающимися, чтобы поставить новорожденныхъ, сосущихъ молоко ягнятъ на ихъ слабыя ноги.

У входа въ долину, надъ большой колодой для водопоя лошадей, гдѣ какъ разъ поили

осла, запряженнаго въ телѣжку, — маленькій склоненный рѣчной богъ, грубо высѣченный и потемнѣвшій отъ времени.

16 марта.

ПАНТЕОНЪ.

Ясный день ледяной трамонтаны, которая разрѣзаетъ васъ на двое на площади, подъ колоннадой и въ узкой щели огромныхъ зеленыхъ бронзовыхъ дверей.

Колоссальное круглое зданіе, свѣтъ и холодъ наполняютъ его сѣрый куполь. У главнаго алтаря нѣсколько священниковъ въ пурпуровыхъ одеждахъ. Распятія и картины завѣшаны лиловымъ шелкомъ. И наверху, въ органной ложѣ, пять жалкихъ музыкантовъ въ застегнутыхъ пальто, какъ бы въ клѣткѣ, подвѣшенной у алтаря. Что за пѣніе! Одинъ только контральто, два тенора и одинъ басъ, какъ въ псалмахъ Марчелло. И хотя исполненіе было ужасно, я была очарована этимъ пѣніемъ безъ аккомпанимента: какіе то долгіе неопредѣленные пассажи и прерывистыя каденціи, согласовались въ этой смѣси сложности и примитивности, въ неумѣлости и варварствѣ исполненія съ этимъ огромнымъ круглымъ и хмурымъ храмомъ, холоднымъ вѣтренымъ небомъ, глядящимъ внизъ сквозь отверстіе въ крышѣ.

Все уныніе окружающаго міра какъ бы сосредоточено сейчасъ въ этомъ кругломъ странствѣ.

Вербное Воскресенье 1899.

SANTI QUATTRO CORONATI.

Я заходила въ нѣкоторыя маленькія церкви, посмотрѣть *sepolti*, столь непохожіе на наши тосканскіе, по большей части, жалкіе, украшенные мишурой и оборванной ветошью.

Въ Санта Приска мы прошли въ плодовый садъ: чуть зеленые миндальныя деревья, артишоки, кучи мусора. Сзади—колокольни Авентина; спереди колонны лоджии Санъ Саба и колоссальныя глыбы термъ Каракаллы. Церковь, закрытая въ обычные дни, была совершенно пуста, только десятокъ францисканцевъ на службѣ, на колѣняхъ у подножья рамы изъ горящихъ свѣчей, одна изъ которыхъ погасала съ каждымъ стихомъ литургіи хриплаго монаха, стоявшаго въ сторонѣ также на колѣняхъ.

Послѣ Санта Приска, Санъ Клементе—настоящая византійская и прекрасная во мракѣ церковь, а затѣмъ моя милая церковка Санти Кватро Коронати, которая влечетъ меня къ себѣ съ самаго дѣтства и которая, со своей

абсидой въ видѣ крѣпости, своимъ дворомъ и башней надъ входомъ, имѣетъ видъ далекаго стариннаго помѣстья, куда можно уѣхать, гдѣ можно скрыться, исчезнуть и быть забытымъ на многіе часы. „Мы увеземъ васъ туда то и туда то“, скажетъ вдругъ нѣкій гостепріимный хозяинъ, а вы никогда до тѣхъ поръ даже не слышали названія той мѣстности... И вотъ она среди современнѣйшихъ трущобъ современнаго Рима!

Церковь темновата, слабый свѣтъ заката какъ разъ освѣтилъ зелень и пурпуръ разбитаго пола; восковыя свѣчи убранной къ празднику капеллы и свѣчи передъ *serolsco* широко льютъ слабый желтый свѣтъ на сводчатый трифорій, на рѣшетки галлерей, откуда слышатся голоса монахинь, поющихъ плачь надъ тѣломъ Христовымъ.

Отъ освѣщеннаго краснаго *serolsco*, подобно стаѣ птицъ, подымается при нашемъ входѣ группа колѣнопреклоненныхъ монахинь въ плащахъ и чепцахъ. Въ абсидѣ передъ главнымъ алтаремъ, протянувшись на плитахъ, съ лампадами на каждомъ изъ угловъ, покоилось что то темное и таинственное: смутная форма распятія, окутаннаго лиловымъ.

Когда монахини удалились, толпа дѣтей, крошечныхъ, крошечныхъ дѣвочекъ вошла и расположилась на колѣняхъ вокругъ этого таин-

ственного окутаннаго предмета; грудной младенецъ на рукахъ матери замыкаль процессю. Одна изъ маленькихъ дѣвочекъ не могла удержаться и приподняла уголокъ лиловаго шелка. Но ея старшая сестра быстро ударила ее, поправила ей платокъ, и все опять пришло въ благочестивый порядокъ.

Милая церковка, совсѣмъ пустынная, если не считать этихъ дѣтей, была полна запахомъ свѣжихъ цвѣтовъ вокругъ serotino. Святая, благоуханная, почтенная, милая церковь, такъ хорошо укрытая за колоннымъ атриумомъ и воротной башней, и издалека похожая на крѣпость на склонѣ горы среди наскоро выстроенныхъ современныхъ улицъ.

Святой Четвергъ 1899.

ЗА ПОНТЕ МОЛЛЕ.

Равнина у Тибра, трава, маргаритки и кусты желтосердечнаго жонкиля. Жаворонки и солнце, и вѣтеръ надъ головой; вдали блѣдныя горы, мѣстами покрытыя снѣгомъ. Кругомъ блѣдныя, зеленые, круглящіяся холмы мягкаго туфа. Если умбрійцы выказываютъ любовь къ круглымъ линіямъ горъ у себя дома, то Римъ научилъ ихъ видѣть зеленыя долины и холмы безъ всякихъ насажденій, подобные холмамъ на Распятіи Перуджино и Музахъ Спанья.

Когда я сижу здѣсь, кругомъ сухіе прошлогодніе стебли танцуютъ отъ вѣтра среди новой травы и цвѣтовъ. О, Пасха, Воскресенье, обновленіе!

Жаворонки возвѣщаютъ объ этомъ.

Пасха 1899.

ВЕСНА 1900 г.

ЗА ВОРОТАМИ.

Римъ опять захватилъ меня вчера, какъ всегда, когда я выѣхала на велосипедѣ за Порта Санъ Себастьяно. На стѣнахъ, которыя окружаютъ эти далекіе заброшенные виноградники (готовое жилище для вѣдьмъ и женщинъ-вампировъ изъ сказокъ фрау фонъ Дегенъ), болѣе того, даже на воротахъ стараго Рима висятъ огромныя объявленія, призывающія путешественниковъ посѣтить ту или другую лавку древностей. Арка Друза окружена толпой „кукистовъ“, разсѣянно слушающихъ своего поводыря, и вся *via Arriado* Цециліи Метеллы переполнена извозчичьими экипажами и ландо. Но то, что оскверняетъ Венецію и портитъ Флоренцію, совсѣмъ приемлемо въ Римѣ; Римъ умѣетъ какъ то подчинить все своей вѣчной гармоніи. Такъ, если бы вся пошлость позднѣйшихъ временъ прошла сквозь Римъ, подобно всѣмъ варварамъ, всѣмъ наро-

дамъ и націямъ, то и это показалось бы естественнымъ и нужнымъ дѣломъ. Духъ мѣста требуетъ этого, какъ онъ требовалъ плѣнныхъ для триумфа, а потомъ готовъ и гунновъ и пилигримовъ средневѣковыхъ юбилеевъ. Онъ покоряетъ новыхъ пришельцевъ, порабощаетъ ихъ, подобно тому какъ онъ подчиняетъ себя химіей своего страннаго климата разрушенія и распавенія новые ужасающіе дома. Съ помощью удивительно сильной римской растительности онъ превращаетъ въ своего рода Форумъ и Палатинъ выстроенные на живую нитку современные дома и пустые неоконченные фундаменты за заборомъ подъ моимъ окномъ. По дорогѣ въ полночь со станціи мои взоры и мысли были поражены не только Касторомъ и Полуксомъ въ электрическомъ свѣтѣ и безконечными стѣнами высокихъ дворцовъ, но также и колоссальнымъ объявленіемъ объ Анціо на англійскомъ языкѣ, восхвалявшимъ путешественникамъ достоинства этого мѣста, связаннаго съ Нерономъ и еще, кажется, съ Коріоланомъ—Неронъ и Коріоланъ, какъ орудіе рекламы!

Но тутъ и это имѣетъ право на существованіе, становясь только одной изъ безчисленныхъ ироній времени, облагороженной какъ всѣ созданія времени здѣсь. Миръ ибо надежда. Этотъ хаосъ, эти груды мусора (ибо, въ кон-

цѣ концовъ, все это не многимъ лучше, чѣмъ груды мусора, и осталось уже немного великихъ или драгоценныхъ, или истинно живыхъ вещей въ немъ), груды мусора или кучи тряпокъ, символизированныя самыми варварскими и самыми нищенскими и самыми почтенными частями города вдоль Тибра и подъ Капитоліемъ,—этотъ Римъ приучаетъ всякаго надѣяться, запасаться терпѣніемъ и вѣрить въ милость. Онъ помогаетъ всякому признать то обстоятельство, что жизнь исходитъ всюду изъ смерти и покоряетъ ее. Онъ заставляетъ чувствовать, что какъ есть столѣтія въ Прошломъ, такъ будутъ столѣтія и столѣтія въ Будущемъ. Онъ утѣшаетъ воображеніе своими остатками прошлаго, своими крушившимися сценами, помогая разгадать всякую грядущую сцену, хотя бы въ мгновенномъ впечатлѣніи пріоткрывая смутную фантазмагорію будущаго. Для чего отчаиваться? зачѣмъ быть нетерпѣливымъ? Надо лишь дать пройти времени, лишь обезпечить всевозможные билеты въ лотерею судьбы, и наши надежды могутъ въ концѣ концовъ осуществиться, и все будетъ прекрасно. Лишь наше жалкое нетерпѣніе, лишь жалкое чувство нашей беспомощности и смертности тревожитъ насъ. Римъ повелѣваетъ намъ найти силы и утѣшеніе.

Мы отчаиваемся въ будущемъ по одной

причинѣ: мы приписываемъ будущему наше собственное все возрастающее чувство усталости, чувство вечера. Но будущее за тѣми, кому оно принадлежитъ; оно будетъ новымъ утромъ со всей бодростью и радостью пробужденія. Нашъ идеаль—сохранить въ будущемъ иныя прекрасныя вещи, иныя цвѣты традицій и привилегій прошлаго. Это самообманъ. Мы также могли бы надѣяться сохранить старые листья на деревьяхъ до слѣдующаго лѣта. Но послѣ того какъ облетѣли старые листья и деревья стоятъ обнаженныя, вырастутъ новые листья—не тѣ же точно, но подобные имъ.

11 Марта.

КАТАКОМБЫ.

Сегодня были въ катакомбахъ св. Домитиллы на *via Sette Chiese* съ Маріей, Гвидо и Паскарелли. Впечатлѣніе многихъ миль, пройденныхъ со свѣчами въ рукахъ между узкими стѣнками изъ коричневаго рыхлаго камня, по мягкой пыльной землѣ, въ тепломъ душномъ воздухѣ; однообразныя суровыя стѣны, однообразныя перекрестки, расширенія для криптъ, подобныхъ маленькимъ „Галламъ Плацидіямъ“, съ грубо вырубленными колоннами и увядшими фресками; какъ бы рядъ голубиныхъ гнѣздъ, гдѣ видны кусочки превратившихся въ пыль

костей и гдѣ коричневая земля, кажется, наполовину состоитъ изъ костей.

Эту коричневую мягкую землю катакомбъ вы можете отдѣлить отъ влажныхъ стѣнъ ногтемъ; перегнившій камень, перегнившія кости—вотъ истинная земля Рима, лилово-коричневая, какъ шоколадъ, рассыпчатая, легкая, наводившая на меня ужасъ еще въ дѣтствѣ, земля, въ которую садовники Санъ Сабы сажаютъ свои гвоздики и фрезіи безъ всякой помощи лопаты или кирки. Эта земля, кажется, не нуждается въ плугѣ; это самое далекое, что можетъ только быть, отъ честной и твердой глины, требующей работы человѣка или природы—*compost*, какъ сказалъ бы Уитманъ, земля, уже давно удобренная. Работа человѣка въ этой землѣ (шепотка которой, занесенная на церковный фронтонъ или крышу, производитъ пукъ укропа и дикой резеды), работа человѣка заключается только въ томъ, что онъ долженъ просто въ ней умереть!

Никакого чувства вѣковъ нѣтъ въ этихъ катакомбахъ, ни торжественности смерти, ни сладости религіи; черные узкіе проходы, бывшіе заложеными цѣлыя столѣтія; бѣдные жалкіе человѣческіе останки (кромѣ немногихъ вновь вырытыхъ современной лопатой) давно упакованы, разсланы въ даръ, распро-

даны во всѣ церкви и монастыри христіанства, и теперь эти куски костей заключены гдѣ-то въ шерстяныя ткани съ вылинялыми ярлыками, въ стеклянные ящики, какіе мы видимъ въ сакрестіяхъ и проч., или убраны великолѣпіемъ эмали и золота!

Всѣ они покинули это мѣсто, несчастные смиренные люди, которые такъ хотѣли сохраниться цѣликомъ для воскресенія тѣла! — патриціанки, рабы, солдаты, евнухи, теологи— всѣ по кусочкамъ отправились, перемѣшавшись между собой, въ далекія земли! Коридоры пусты, и остались только углубленія, похожія на голубиныя гнѣзда, съ коричневой, какъ шоколадъ, пылью!

Шелъ дождь весь день, тусклый, печальный день. По выходѣ на улицу изъ этой коричневой рыхлой тьмы, что только не показалось интереснымъ въ мокромъ и сѣромъ небѣ! Какъ велика красота движенія у лѣнивыхъ облаковъ! Какъ сложна и мила простая тропинка между изгородью изъ переплетенныхъ сухихъ тростниковъ, какъ неизгладима прелесть пятень зеленой пшеницы и немногихъ скудныхъ розовыхъ цвѣтовъ на деревьяхъ, на старыхъ побѣгахъ! Я вспомнила торжественность подземныхъ могилъ въ Перуджии, мрачность склепа Бьючемпа въ Уорвикѣ. Но эти катакомбы, эта пустота, заброшенность, эта древняя лилова-

тая крошащаяся римская земля, которой не нужны ни плугъ, ни лопата — о, terriccio, о, накипь прошлаго!

16 марта.

АМФОРЫ.

Послѣ полудня мы отправились по Via Arria и на раскопки виллы Лугари; среди побѣговъ пшеницы, слушая пѣніе жаворонковъ, мы увидѣли амфоры, о которыхъ Паскарелли рассказывалъ намъ, что онѣ, заключавшія въ себѣ сперва языческое вино, затѣмъ стали употребляться для погребенія христіанскихъ дѣтей. Для меня нѣтъ ничего неприятнаго въ мысли объ этомъ погребеніи въ лучшемъ изъ произведеній земли.

19 марта.

ВЕСНА 1902 г.

КУЧА МУСОРА.

Вчера бродила по Трастевере и вокругъ Пьяцца Маттеи и Пьяцца Монтанара; вернулась домой на омнибусѣ. Сегодня утромъ — ѣздила на трамваѣ въ Латеранъ подѣ проливнымъ дождемъ. О, нищета этого Рима и этого его населенія! Отсутствіе всякихъ слѣдовъ пристойнаго прошлаго; древнее варварство такъ же живо здѣсь, какъ и современная

трушоба. Изнуренныя, измученныя лошади изорванная сбруя, дырявое платье и открыто глядящая со всѣхъ сторонъ неопрятность у пригорка, на которомъ стоятъ дома Ченчи. Отъ этой грязной кучи мусора и тряпья всего только на разстояніи брошеннаго камня рядъ совершенно новыхъ улицъ съ магазинами. Далѣе Лунготевере, великолѣпіе дворцовъ, какъ палаццо Маттео, Каетани и проч. Если Римъ даетъ душѣ миръ своимъ ручательствомъ, что настоящее—ничто въ вѣкахъ, онъ также угнетаетъ всякаго изъ насъ мыслью, что исторія это только куча мусора и сточная труба поколѣній; ничего, совсѣмъ ничего не остается отъ всѣхъ вѣковъ, кромѣ жестокости и грубости. Велика цѣнность для души тѣхъ мѣстъ, которыя напоминаютъ намъ о прошломъ, полномъ самоуваженія, благородной дѣятельности и красоты; мнѣ хочется въ Тоскану.

25 февраля.

РАСКОПКИ.

Сегодня провела утро на форумѣ съ графиней Б. и руководителемъ раскопокъ Бони. Въ палаткѣ директора—„campioneagio“, то-есть, образцы различныхъ слоевъ раскопокъ: куски кувшиновъ, камни, черепица, обломки желѣза, маленькія глиняныя ложки, служившія, чтобы бросать жертвенную соль въ огонь, и нѣчто,

похожее на фальшивую челюсть. Время изображается здѣсь пространствомъ. И то же въ самихъ раскопкахъ: столѣтіе за столѣтіемъ также представлены здѣсь, каждое всего только отпечаткомъ ноги, базой бывшей колонны, основаніемъ зданія. Среди этихъ чистенько открытыхъ слоевъ всякой мелочи, среди этихъ аккуратныхъ кучекъ всякаго вздора поднимаются нѣсколько древнихъ остатковъ колоннъ и храмовъ, которые рисовалъ Пиранези.

Я чувствую очень ясно здѣсь, что прошлое есть только созданіе настоящаго. Бони — это чрезвычайно интересный и пылкій умъ, поэтъ и мистикъ; онъ показывалъ намъ вещи не только найденныя въ этой землѣ, не только обнаженныя заступомъ, но существующія въ царствѣ фантастическихъ видѣній, созданныя гипотезой и безусловно отлитыя въ логическія формы. Слишкомъ безусловно, мнѣ кажется, ибо, глядя на одни только эти кучи архитектурнаго мусора и оставивъ въ покоѣ землю и разнообразную растительность, которая покрываетъ ее, я испытывала ощущеніе безконечной сложности всякихъ житейскихъ вещей. Я ощущала нашу пристрастность и недостаточность путей, которыми нашъ разумъ (или наше воображеніе въ одеждѣ разума) стремится къ былымъ реальностямъ. Ритуалы и законы, значеніе которыхъ, думается, стало

пустымъ звукомъ уже двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, различныя расы, настоящій видъ и внѣшность которыхъ (часто и ихъ языкъ) могутъ быть только угаданы воображеніемъ,— все это вдругъ появляется снова, становится извѣстнымъ точно и навѣрно. Но развѣ это не чистое творчество, подобное творчеству художественному или метафизическому? Что поражаетъ меня, какъ единственная безусловная истина среди всякихъ самыхъ вѣскихъ гипотезъ,—это, что источникъ Ютурны, къ двойнымъ родникамъ котораго Римъ нѣкогда стекался для поклоненія, что священныя и цѣлебныя воды, гдѣ Діоскуры поили своихъ коней послѣ битвы при озерѣ Регилѣ, были потомъ настолько загрязнены человѣческими нечистотами, что потребовались цѣлые годы выкачиванія насосами, пока не была обрѣтена снова ихъ чистота. Какимъ краснорѣчивымъ символомъ является этотъ источникъ, символомъ не уступающимъ тѣмъ символамъ, которые нашъ археологъ приписывалъ въ своихъ рѣчахъ этимъ древнимъ мастерамъ по части всякихъ символовъ!

Съ нами былъ человѣкъ, который не выказывалъ никакого интереса ко всѣмъ этимъ вопросамъ, ни къ значенію ритуаловъ, символовъ, ни къ законамъ расоваго роста и разрушенія. Онъ ждалъ, только, когда ему пока-

жуть мѣсто, гдѣ палъ Цезарь; онъ былъ пережиткомъ старой школы историческаго интереса. Очень устарѣло это и смѣшно, конечно; но развѣ этотъ старомодный интересъ къ полувоображаемымъ драматическимъ фигурамъ не такъ же законенъ, какъ наша игра расами, ритуалами, законами, метафизической сущностью прошлаго?

27 февраля.

ОХОТА.

Охота была назначена у Мальяnellы за Порта Санъ Панкратио. Пустынная холмистая мѣстность, блѣдно зеленыя широкія долины, гдѣ могли бы быть ручьи, но гдѣ ихъ нѣтъ; дороги, продѣланныя въ коричневой вулканической скалѣ; здѣсь и тамъ опушки рѣдкихъ пробковыхъ лѣсовъ. Но все это изъѣжено колясками, велосипедами, автомобилями и ведетъ насъ къ палаткѣ съ закусками, къ повозкѣ, полной борзыхъ, къ группѣ кавалерійскихъ офицеровъ и красныхъ фраковъ, готовящихся къ выступленію. Клубы тучъ сидятъ на горизонтѣ, какъ бы въ морѣ; небо очень блѣдное, голубое, туманное, съ пѣніемъ жаворонковъ, слетающимъ съ него. И когда лошади тихо скачутъ по мягкой травѣ, запахъ прошлогодней мяты и укропа подымается со

сжатыхъ полей и также густой свѣжій запахъ раздавленныхъ сочныхъ асфоделей.

27 февраля.

МОНТЕ МАРИО.

Съ Е. де В. были на Монте Маріо. Погода разгулялась; легкая трамонтана, чистое небо съ бѣлыми грозowymi или снѣжными облаками, скопившимися подобно свернутымъ занавѣсамъ кое-гдѣ на горизонтѣ. Пологіе зеленые травянистые склоны видны далеко, насколько можно только видѣть; кое-гдѣ долинки, полныя зарослей вѣчно-зеленыхъ дубовъ; въ туманѣ вдали коническія хижины пастуховъ, обвитыя дымомъ. Мы сѣли на кусокъ дерна сорванный лошадиными копытами у стога камыша; пѣніе жаворонковъ и бляніе овецъ. Если бы не было здѣсь дороги, экипажей, это могло бы быть мареммой по своему полному уединенію и свѣжести. Отойдя въ сторону на нѣсколько ярдовъ, видишь экипажи, автомобили и весь Римъ съ его безконечными новыми кварталами совсѣмъ близко подъ собой.

3 марта.

VIA OSTIENSE.

Третьяго дня прогулки съ милымъ Пасо по Via Ostiense. Можетъ быть, это самая торжественная изъ всѣхъ торжественныхъ римскихъ

дорогъ; величіе и заброшенность широкаго, полного до краевъ желто-коричневаго Тибра между бесплодными илистыми берегами добавляетъ особую ноту серьезности. Отсутствие растительности болѣе всего дѣлаетъ эту землю такой странной и торжественной. Такая растительность, какъ здѣсь,—асфделл и терновникъ по дорогѣ, узловатые дубы и пробковыя деревья, тростникъ на берегу рѣки,—пріобрѣтаетъ несоразмѣрную важность и значительность; и тонкая вдали пинета имѣетъ видъ таинственнаго священнаго лѣса. Мы поднялись на верхушку холма и оттуда далеко впереди за сѣдовой равниной увидѣли серебристую линію моря. Былъ сверкающій день недавно выпавшаго въ горахъ снѣга, съ острымъ и безвѣтреннымъ воздухомъ, съ запахомъ моря, къ которому мы приближались.

ДВОРЫ ПАЛАЦЦО.

Вчера П. Д. П. позвалъ меня смотрѣть палаццо бывшій Марескотти на віа делла Пинья. Это аристократическій кварталъ стараго Рима, кварталъ узкихъ улицъ между высокими дворцами и маленькихъ пустынныхъ площадей. Темнота улицъ смѣняется вдругъ солнечнымъ свѣтомъ и просторностью большого двора, на который выходятъ окна шестнадцатаго, сем-

надцатаго, восемнадцатаго вѣковъ, двора, замыкаемаго задней стороной церкви съ колокольней, такъ что, какъ вѣрно замѣчаетъ Пьерино, этотъ дворъ могъ бы быть площадью провинціального города. Кампаниле, фонтанъ, пьядца, даже солнце,—почти все здѣсь существуетъ для одного человѣка. Одно удивляетъ,—чѣмъ могли когда-то наполнять эти дворцы ихъ прежніе владѣльцы.

Затѣмъ мы перешли во дворъ другого палаццо; и тамъ была мастерская съ тремя людьми, дѣлавшими большую набитую опилками куклу съ фарфоровыми ногами въ сандаліяхъ. Я думала, что то была кукла для демонстраціи хирургическихъ аппаратовъ, но оказалось, что это святая для церкви; намъ показали ея голову въ натуральную величину, очень выразительную со своими выпуклыми глазами и маленькимъ нимбомъ.

6 марта.

ВЕСНА 1903 г.

МОНАСТЫРЬ.

Сегодня утромъ съ Антоніей были въ Санта Чечилія инъ Трастевере, получивъ особое разрѣшеніе отъ министерства осмотрѣть фреску Каваллини въ галлерей монастырскаго хора (нѣчто болѣе бѣдное и грузное, чѣмъ Дуччіо,—

Византія съ по античному заплетенными волосами и „греческими“ чертами лицъ). Сильное впечатлѣніе производитъ монастырская *clausura*—маленькій вестибюль, маленькое окно съ крѣпкой рѣшеткой внутри его, очевидно выходящее въ какую то темноту, „*guota*“, за которой таинственный голосъ говорить, какъ по телефону. Деревянная полка въ этомъ устройствѣ вращается кругомъ и сама подаетъ намъ ключъ—ключъ, открывшій (по указаніямъ таинственнаго голоса) сосѣднюю маленькую комнату, гдѣ стоятъ только два соломенныхъ стула по обѣ стороны маленькаго стола, передъ толстой черной рѣшеткой; другая рѣшетка видна за этой, и между ними еще изрѣшетенная ставня.

Ставня отодвинулась съ шумомъ, и лицо монахини—поблекшія щеки, огромные глаза, бѣлый уборъ—стало едва различимо за черной двойной рѣшеткой. Ключъ возвращается въ *guota* и берется кѣмъ то по указанію таинственнаго голоса; другая дверь, звонъ ключей и засововъ. Во всемъ преобладаетъ мрачное впечатлѣніе ключей и засововъ. Маленькая привратница, донна Марія Джельтуда—высохшая, очень некрасивая низенькая женщина въ невѣроятно вытертой, но чистой одеждѣ, бѣлой шерстяной (столько разъ стиранной, столько ношенной, что она кажется

холщевой), широкой юбкѣ и черной вуали. Мелькаетъ застекленный кіостро съ колоннами двѣнадцатаго вѣка, немного живописи, столы и стулья семнадцатаго вѣка; нѣсколько еще такихъ же переходовъ съ *grie Dieu* и скудной простонародной мебелью. Маленькая библіотека, маленькій стеклянный шкафъ, гдѣ имѣются только Филотео, Фр. де Саль, Житія святыхъ и т. д. Можно ли имъ читать? Да, но только спросясь у аббатиссы. Монахиня боялась, какъ бы Антонія и я не зашли куда-нибудь, куда не было указано въ нашемъ разрѣшеніи—впечатлѣніе, что въ этой жизни все можно дѣлать только съ разрѣшенія. Допускаются мужчины сюда? „Только съ разрѣшенія кардинала секретаря престола“. Работаютъ ли въ саду мужчины: каменщики и пр.? „Да, но все съ особаго разрѣшенія“. Разрѣшенія и рѣшетки.

Во всѣхъ этихъ коридорахъ, на всѣхъ лѣстницахъ ни одной живой души; только на минуту, пріотворивъ какую то дверь, Антонія увидѣла одну монахиню... Маленькій садъ съ изгородью изъ буксуса и лимонными деревьями. Внутреннія окна (кельи) открыты въ садъ, широкія, и безъ рѣшетокъ. Здѣсь есть даже въ нижнемъ этажѣ окно съ маленькой террасой и лѣстницей къ ней, на которой сидитъ кошка. Но ни души! Великая скудость, полная чистота, порядокъ.

Позолоченная ложа въ хорѣ; смотримъ внизъ въ церковь: скамейки, посохъ аббатиссы съ золотымъ наконечникомъ прислоненъ къ ея скамьѣ (св. Цецилія съ арфой изображена на ней), два пюпитра съ латинскимъ текстомъ на сегодняшній день — очередная ежедневная мартирологія.

22 апрѣля.

САДЫ КОЛОННА.

Съ графиней Z. была сегодня въ садахъ Колонна. Большая неожиданность: они оказываются гораздо болѣе романтическими, чѣмъ кажутся снаружи. Терраса съ видомъ на весь Римъ, залитый рыжимъ свѣтомъ—какія то невиданныя башни и купола. Далекія пиніи на Яникулѣ, а въ садахъ лѣстницы фонтановъ, оскудѣвшихъ водой, но все еще шумныхъ, налетъ римской зелени повсюду, и высокія стѣны лимоновъ и вьющихся розъ. Посрединѣ этихъ террасъ, балюстрадъ и цвѣтниковъ съ удивленіемъ видишь большое неопредѣленное строеніе въ родѣ квадратной башни,—снизу я приняла его за руину,—безъ крыши, полное дикихъ фигъ. Средневѣковое? Античное? То самое мѣсто, конечно, откуда фантастическій Неронъ любовался пожаромъ и игралъ на арфѣ!

25 апрѣля.

ПАЛО.

Пляжъ Пало вчера; ѣздила туда на автомобилѣ съ моими французскими друзьями. У меня была лихорадка нѣсколько дней подрядъ, и потому для меня было нѣчто большее, чѣмъ простое удовольствіе и забава въ томъ, что я могла сидѣть на пескѣ и вдыхать чистый прозрачный морской воздухъ вмѣсто удушливаго сирокко, который мы оставили въ Римѣ, и который заставлялъ насъ дрожать и жариться попеременно. Кстати, какъ мало даетъ Риму море, (исключая Авентинъ, гдѣ часто дуетъ сильный либеччіо) и какъ чувствуется слабость безприливнаго Средиземнаго моря, неспособнаго очистить или возобновить воздухъ даже на нѣсколько миль внутрь страны. Вспомните о заливахъ Сѣвера! Объ очистительныхъ, оживляющихъ приливахъ, о могучихъ теченіяхъ вѣтра, которыя океанъ направляетъ въ легкія сѣверныхъ странъ.

Никто, чувствуется, не высаживался (со времени Энея и его спутниковъ) на этомъ мелкомъ берегу, кромѣ дѣлавшихъ набѣги сарациновъ и варварійскихъ пиратовъ, противъ которыхъ были выстроены эта крѣпостца и башня, составляющія почти все Пало. Ибо здѣсь даже нѣтъ того, что напоминало бы о жизни Средиземья: обрывистыхъ скалъ, подрытыхъ мо-

ремъ, внезапныхъ шкваловъ, каменистыхъ береговъ, гдѣ море и земля дѣйствительно играютъ и борются другъ съ другомъ, гдѣ волны взлетаютъ на высоту маяка, разбиваются о скалы и плещутъ въ бухтѣ. Здѣсь буря—это только пассивное поглощеніе берега моремъ: вода подымается все выше и выше, покрывая безшумно прямую полосу берега, низкія зеленыя поля, и удаляется, когда хочетъ того, оставляя за собой вымытыя кучки морской травы и водорослей. Возстановительная сила Рима, подобно его водѣ, шла всегда съ горъ; устье Тибра—это его исходъ, но не входъ въ него моря. И горныя облака расплываются и висятъ надъ этой низкой равниной, горный воздухъ слабѣетъ, умираетъ въ этихъ лихорадочныхъ низинахъ.

Пляжъ Пало насчитываетъ лишь нѣсколько ярдовъ ширины, огражденный низкой естественной стѣной изъ пористаго туфа. Линія моря отступаетъ отъ нея, оставляя полосу красиваго чернаго искрящагося песку; маленькія волны окаймляютъ бѣлой лентой черный песокъ, слабо разбиваясь о него. Высокое небо съ немногими облаками въ видѣ парусовъ; скорѣе будто въ немъ, чѣмъ на морѣ, лодки, подобныя игрушечнымъ уточкамъ, дремлющія на горизонтѣ безъ движенія. Мы съли на песокъ, раскопавъ его влажную горячую поверх-

ность. Мы сдѣлали дракона какъ въ св. Геор-
гѣи Карпачіо (съ вставленными каменными
глазами) изъ выброшеннаго моремъ дерева, а
потомъ искали въ пескѣ куски античнаго мрамора
и кирпича. Это лѣнивое море, кажется, обтачиваетъ
не тѣ камни, которые наноситъ само, но только
осколки камней, принесенныхъ сюда людьми,
отбитыхъ отъ человѣческаго жилища, выбро-
шенныхъ въ Тибръ въ тѣ дни, несомнѣнно,
когда колонны распиливались на диски и раска-
лывались на лепесткообразные куски для *Opus Alexandrinum*.
Не думаю, чтобы мы нашли хоть одинъ камень,
имѣвшій натуральный видъ на этомъ берегу;
все кажется здѣсь чѣмъ то драгоценнымъ и
чужестраннымъ: базальтъ, порфиръ, агатъ,
rosso antico и даже серпентинъ, сохранившій
свою прежнюю полировку. Встрѣчается также
прекрасный бѣлый мраморъ; у Б. былъ прекрасный
кусокъ солянаго Пароса, найденный здѣсь,
имѣвшій деликатную выпуклую форму, форму
совершеннаго сердца какой нибудь мраморной
Артемиды или Амазонки. Вотъ дѣло лѣниваго
римскаго моря и, несомнѣнно, необыкновенное
дѣло: обтачиваніе голышей въ неопредѣлен-
ную форму символическихъ сердецъ, сердецъ
изъ серпентина, яшмы, разныхъ цвѣтистыхъ
розовыхъ и лиловыхъ конгломератовъ, базаль-
та и красиваго розоваго кирпича, разбросан-

ныхъ по блестящему черному песку вмѣстѣ со странно-траурными, окаймленными лиловымъ раковинами. Но еще болѣе красиво и необыкновенно было для меня, еще гораздо удивительнѣе и чудеснѣе была мертвая птица на этомъ пескѣ: зимородокъ съ небесно-голубой грудкой, зеленовато-бирюзовой шеей и блестящей черной спинкой, покоившійся такъ торжественно, какъ покоятся только мертвыя птицы.

29 апрѣля.

ФИУМИЧИНО.

Три дня спустя въ сильный дождь мы ѣздили на моторѣ въ Фиумичино. Впечатлѣніе желтой отъ лютиковъ, смоченной дождемъ травы, разступавшейся и ложившейся по сторонамъ дороги, когда мы безшумно неслись по ней подъ движущимся темнымъ небомъ. Мальяна—огромная ферма; достаточно одной минуты на дымящемся грязномъ дворѣ, среди навоза и соломы, чтобы узнать въ этомъ разрушенномъ зданіи, похожемъ на домъ прокаженныхъ, дворець съ окнами пятнадцатаго столѣтія и гербами и надписями папъ Чибо и Ріаріо. Съ верхней площадки широкой съ низкими ступенями лѣстницы (подобной лѣстницѣ тѣхъ же Чибо въ палаццо Руфо) открытый видъ на равнины блѣдной смятой травы, кой-гдѣ желтой отъ клевера, на широкой рукавъ желтаго

Тибра, такого непонятнаго въ этой своего рода Англїи. Здѣсь, мнѣ помнится, стрѣляютъ и ловятъ въ сѣти перепеловъ въ это время года, и кажется Левъ X за этимъ занятіемъ и нашелъ здѣсь свою смерть.

Фіумичино—каналъ или рукавъ Тибра,—желтоватая болотная рѣка и огромная, какъ будто подрытая подъ корень сторожевая башня на пляжѣ; маленькій молъ и зеленая лодка. Характеръ Віареджіо или Порто Корсини, или всѣхъ маленькихъ, Богомъ покинутыхъ, заносимыхъ пескомъ гаваней этой земли. Священный островъ по ту сторону наплавнаго моста покрытъ чѣмъ то, что кажется зарослями вѣчно-зеленыхъ дубовъ и лентиска.

VIA ARDEATINA.

Вчера опять подъ моросившимъ дождемъ ѣздили далеко по Via Ardeatina (глупые люди унесли таки маленькаго рѣчного бога съ водопоя въ долинѣ съ тополями). Овраги полны пѣнистыхъ желтыхъ потоковъ, и желтая вода струится повсюду. Высокіе влажные зеленые склоны подъ темнымъ низкимъ небомъ; видны только однѣ овцы, да обломки камней; ни дерева, ни изгороди, ни стѣнъ, кромѣ сложенныхъ изъ грубыхъ камней оградъ, ни замыкающихъ горизонтъ горъ,—мѣстность напоми-

наетъ какую-то сѣверную нагорную равнину. Нѣчто въ родѣ крошечнаго, полуразрушеннаго, усѣяннаго башнями и стѣнами Санъ Джиминьяно, съ множествомъ оливокъ вокругъ, кажется какимъ-то привидѣніемъ города среди всего этого.

3 мая.

ЗИМА 1904 г.

ПРОГУЛКА ВЪ СУМЕРКАХЪ.

Вчера сдѣлала въ сумеркахъ меланхолическую прогулку по глухимъ улицамъ. Эффекты Пиранези: дворы палаццо Марескотти, Массими алле Колонне, лѣстница въ палаццо Альтьери. Огромные заросшіе травой дворы съ печально забитыми окнами кругомъ, фонтаны одни нарушаютъ ихъ молчаніе; видъ какъ бы уголка провинціальной жизни, какого-то крошечнаго горнаго городка, заключеннаго въ Римѣ. На Монте Джордано (палаццо Габриелли) это становится окруженнымъ стѣнами умбрійскимъ городомъ. Въ мрачности, въ этой грусти ледяного вечерняго неба надъ высокими крышами, послѣ страшной печали сосѣдней церкви, жалкой, темной, съ немногими молящимися на колѣняхъ и сакристаномъ, гасившимъ свѣчи на алтаряхъ при отпускѣ (всякая новая печаль, можно подумать, ложится на этотъ полъ только для того, что-

бы увеличить тяжесть другихъ печалей),— послѣ всего этого есть что-то сладостное и напоминающее деревню въ плескѣ фонтановъ на Монте Джордано, въ плескѣ воды, проведенной со свободныхъ горъ въ этотъ мрачный городъ, — и мнѣ этотъ плескъ напоминаетъ о тосканской виллѣ, о ея мирѣ и ясности.

27 февраля.

ТУСКУЛУМЪ.

Взбиралась на Тускулумъ сегодня съ Маріей и дю Б. Это мѣсто увлекало меня въ мысляхъ и мечтахъ—обыкновенный, въ сущности, крутой травянистый холмъ, увѣнчанный пиніями и безлистными каштанами, на который мы быстро поднялись во время прошлогодней поѣздки на моторѣ черезъ Монте Компатри и Гроттаферата. Впечатлѣніе крутизны и оголенности зеленаго склона сегодня увеличено сильнѣйшимъ вѣтромъ, свистѣвшимъ въ безоблачномъ небѣ; казалось, что этотъ вѣтеръ, который завладѣлъ мѣстомъ столь недоступнымъ, столь дѣвственнымъ, лишеннымъ деревьевъ и людей, выгладилъ здѣсь травы и отполировалъ плиты дороги изъ чернаго базальта. И казалось, что этотъ вѣтеръ, кипящій въ солнечномъ сіяніи надъ высокими розовыми и лиловыми сухими горами вдаль и надъ блѣдной рыжеватой долиной внизу, очи-

щаетъ душу отъ всяческаго прозябанія, отъ мыслей и чувствъ слишкомъ плотныхъ, или-стыхъ и свинцовыхъ; онъ разсѣиваетъ все, что встаетъ между сущностью вещей и человѣка.

Каждому изъ насъ надо почаще испытывать такія впечатлѣнія въ жизни; вотъ возбужденіе, которое полезно: сердцебіеніе, перехватъ дыханія, даже боль, которая дѣлаетъ насъ только болѣе чувствительными, только болѣе чувствующими. Братъ Вѣтеръ,—почему св. Францискъ не взывалъ къ нему?—играетъ съ нами жестоко и здорово, говоритъ намъ, крутятся вокругъ домовъ, шумя и воя между деревьевъ, свистя въ нашихъ волосахъ и ушахъ, о величїи вселенской жизни, о величїи насъ самихъ.

Съ вершины, сквозь тощїе ряды голыхъ деревьевъ открывается равнина Рима, снѣга Апеннинъ съ одной стороны, лиловые лѣса Монти Лаціали съ другой; неожиданно натыкаешься здѣсь на бѣдную каменную хижину съ безголовыми статуями атлетовъ и римлянъ въ тогахъ, вставленными въ грубыя стѣны. И въ углубленїи подъ нѣжными безлиственными каштанами этотъ удивительный маленькій театръ, высѣченный въ черномъ вулканическомъ камнѣ,—какъ будто представленіе давали здѣсь буря и полная луна, сложеніе и

разложене горъ и земель и вся человѣческая исторія... Начавъ спускаться и какъ разъ надъ этимъ маленькимъ театромъ, на поворотѣ мы увидѣли за темнымъ гребнемъ Кастель Гандольфо съ его куполами и башнями узкую полосу свѣта, болѣе блестящаго, чѣмъ свѣтъ неба—свѣтъ надъ моремъ.

7 марта.

САНЪ СТЕФАНО.

Санъ Стефано Ротондо въ дождливые сумерки... Необыкновенно величїе этой круглой церкви, наполненной разсѣяннымъ бѣлымъ свѣтомъ. Архитектурно это одна изъ наиболѣе красивыхъ римскихъ церквей съ ея кругомъ колоннъ, обходящимъ большой центральный колодезь, гдѣ два колоссальныхъ столба поддерживаютъ триумфальную арку, несущую надъ собой большую пустую стѣну. Эти колонны, эти стѣны, такіе жемчужно-бѣлые обломки мрамора на фонѣ чистой мѣловой штукатурки кажутся истиннымъ божествомъ большого круга алтаря посерединѣ церкви; или главное божество здѣсь—бѣлый свѣтъ и торжественная чистая пустота кругомъ? Постоянное присутствїе ихъ выражаетъ больше величїя, чѣмъ любая колоссальная статуя.

18 марта.

VIA LATINA.

Въ тотъ же день подъ сильнымъ дождемъ мы поѣхали къ могиламъ на Via Latina и маленькой базиликѣ безъ крыши недалеко отъ нихъ. Мы бродили взадъ и впередъ довольно меланхолическимъ небольшимъ обществомъ, выкапывая обломки мрамора и вытаскивая ихъ изъ кучъ мусора среди оживотворенной травы. Нѣжное сѣрое небо, растворяющееся въ краткихъ ливняхъ, пшеница и вспаханная пурпурная земля („этотъ переогной!“),— все было орошено дождемъ и благоухало къ новой жизни; воздухъ былъ полонъ щебетаніемъ невидимыхъ жаворонковъ. Но въ этомъ тепломъ, мягкомъ возрожденіи чудилось намъ только настроеніе вещей покинутыхъ и неизбежныхъ разлукъ; пѣніе крестьянъ на ближнемъ полѣ не говорило, какъ должно было говорить, объ ихъ горахъ, но рассказывало все о томъ же печальномъ влажномъ пейзажѣ, пересѣкаемомъ безконечными линіями руинъ. Внезапно въ облакахъ появилось большое темное пятно: вершина, алтарный камень *Mons Latialis*. И мало по малу облака соскользнули ниже, весь рядъ горныхъ холмовъ выступилъ изъ паровъ со своей великой мирной жизнью и силой.

18 марта.

ВЕСНА 1905 г.

СНОВА РИМЪ.

Вчера взяла съ собой дю Б. на прогулку сквозь Гетто, по набережной Тибра къ острову; былъ вѣтреныи влажный день. Римъ снова! Когда мы стояли у истертаго Януса на мосту и глядѣли въ крутившуюся воду, думая, какъ лежалъ здѣсь Аполлонъ изъ музея Термъ, а Тибръ, точно Марсій, глодалъ прекрасное тѣло бога, я почувствовала, что Римъ и его неизмѣнный смыслъ захватили меня опять и освободили меня отъ печалей моего личного прошлаго и настоящаго.

Мы зашли навѣстить знакомыхъ, которые отдѣлывали квартиру въ палаццо Орсини. Чисто римское впечатлѣнiе: внутреннiй дворъ укрѣпленнаго дворца, встроеннаго въ театръ Марцелла, лимоны шпалерами и ряды танжерскихъ деревьевъ съ маленькими, похожими на мавританскiе, фонтанами среди нихъ; только небо наверху, только пѣнiе журчащаго фонтана.

Изъ окна вы видите совсѣмъ близко невообразимую толчею этого нищаго квартала съ его несущимся вверхъ гомономъ и шумомъ, и запахомъ дешевыхъ кушанiй. Намъ показываютъ нѣсколько маленькихъ комнатъ Воз-

рожденія, съ все еще прежними потолками и каминами, гдѣ, говоритъ преданіе, послѣдній Савелли былъ заколотъ кинжаломъ. Это феодалная крѣпость, подобная такимъ же крѣпостямъ на холмахъ вокругъ Рима, выстроеннымъ въ подражаніе руинамъ, воздвигающимъ свои сады и пышные покои надъ нищетой средневѣковой деревни. Тутъ же внизу—коридоры театра Марцелла; ниже этого—лавки, гдѣ выюнныя сѣдла, плуги, косы, деревянныя ведра—деревенскія вещи—для продажи подъ черными арками развалинъ. А здѣсь, столовая, библіотека, ванная добрѣйшихъ американцевъ вѣнчаютъ все; въ прежней капеллѣ ихъ телефонъ! „Берегитесь,—сказала я,—однажды можетъ придти къ вамъ по вашему телефону вѣсть не черезъ пространство, но черезъ время: „сop сіі rаgіо?“—„Бѣлый Дьяволъ Италіи!“

Въ этомъ кварталѣ Кампителли видишь повсюду тупики позади огромныхъ гигантскихъ дворцовъ—мѣста для засадъ, для внезапныхъ нападеній наемныхъ убійць.

Я не разъ чувствовала, что, если жить среди всей этой живописности, ужасы прошлого и пустота настоящаго могутъ увести Богъ знаетъ куда. У меня было, даже больше чѣмъ всегда, на этотъ разъ чувство ужаса передъ варварствомъ Рима, ощущеніе цивилизаціи,

водворившейся среди подонковъ челоѳчества и ничего не сдѣлавшей для нихъ, чувство ужаса передъ дремлющей Италіей и передъ удовольствіемъ, которое мы находимъ въ томъ, что она дремлетъ. Эти впечатлѣнія напоминаютъ тѣ, которыя я испытывала въ Танжерѣ. И лицо идіота-нищаго — странная довольная улыбка рядомъ съ его лохмотьями—внезапно вернула мнѣ это особенное ощущеніе, такъ сказать, ощущеніе Востока. Мы—несчастныя, ничтожныя созданія, если только насъ могутъ радовать такія вещи,—весь этотъ мусоръ времени, и если нашъ духъ можетъ найти успокоеніе при видѣ всего этого нагроможденія вѣковъ. Это—поза Гамлета и могильщика; поза же Уитмана на плодородномъ полѣ „этого перегноя“—гораздо лучше.

Святая Суббота.

ПОСТЬ - СКРИПТУМЪ.

Вчера утромъ, просматривая съ намѣреніемъ переписать мой римскій дневникъ за послѣднія 18 лѣтъ, я почувствовала со странной яркостью разныя я, которыя страдали и утѣшались, пока я писала это. И даже больше,—я почувствовала присутствіе дорогихъ людей, которые не упомянуты здѣсь, о которыхъ даже не сдѣлано и намека, но которые дѣлили со

мною различныя ощущенія Рима. Они давно измѣнились, иные умерли, иные никогда реально и не существовали. Но, когда я перевертываю мои листки, они возвращаются. Возвращаются вмѣстѣ съ ихъ тогдашними чувствами, возвращаются и присутствуютъ со своими свершеніями, со своимъ мало объяснимымъ очарованіемъ, со своими все еще несдержанными обѣщаніями. Обо всемъ этомъ я не хочу сказать ни одного слова, не хочу произнести ни одного имени — ничего, что говорило бы объ этомъ другимъ. Для меня только одной въ этихъ мѣстахъ неличнаго и почти вѣчнаго, на этихъ стѣнахъ, которыя стояли двѣ тысячи лѣтъ и могутъ стоять еще двѣ тысячи, на этихъ холмахъ и дорогахъ, полныхъ міровыхъ легендъ,—являются отчетливыя, ясныя тѣни, отброшенныя моею собственной жизнью, тѣни того, что измѣнилось, ушло, умерло, и тѣни меня самой.

Флоренція. Апрѣль 1905

Л И М Б О

Магія тосканскаго лѣта.

1.

„Итакъ,—сказала я,—вы желаете разсказать мнѣ о трехъ Волхвахъ, о томъ, какъ ихъ процесія двигалась по этимъ холмамъ: о ихъ маленькихъ деревянныхъ лошадакъ съ золотыми уздечками и бархатными попонами, взятыхъ изъ коробокъ съ игрушками, о жираффахъ, обезьянахъ и рысяхъ, и маленькихъ кукольныхъ пажахъ, дувшихъ въ игрушечныя трубы. И однако я знаю, что это происходило именно здѣсь, ибо я узнаю это мѣсто на картинѣ: холмы, размытые до того, что земля здѣсь похожа на грудь Діаны Эфесской, ряды кипарисовъ и великолѣпныхъ пиній—все это тоже изъ коробки съ игрушками. Я знаю, это происходило на этомъ самомъ мѣстѣ, потому что Беноццо Гоццолі рисоваль все это когда-то и, смѣю думать, вы уже обитали здѣсь тогда?“

Я узнала ее сразу по ея платью, но мнѣ не хотѣлось замѣчать его старомодности. То было

платье изъ прозрачнаго шелка, вышитаго маленькими букетами мирты и желтыхъ цвѣтовъ со смѣшными буффами на локтяхъ и напускомъ на талии, какіе носили въ дни Весны Боттичелли; на головѣ у нея была гирлянда изъ душистаго шиповника и вѣтокъ чемерицы, похожихъ на пальмовыя вѣтви, и я не могла ошибаться.

Нимфа Терцолина (ибо, конечно, это она была богиней - покровительницей узкой долины за большой Медицейской виллой) только покачала головой, переступила съ одной своей обнаженной ноги на другую, стоя подъ кипарисомъ и продолжая плести желтые цвѣты дрока.

„Во всякомъ случаѣ, вы можете рассказать мнѣ кое-что о Лоренцо Великолѣпномъ,—продолжала я, раздраженная ея упрямствомъ.— Вы очень хорошо знаете, что онъ любилъ приходить сюда, ухаживать за вами и писать красивые стихи“.

Разсерженная богиня подняла свое тонкое, смуглое лицо съ острыми, бѣличьими зубами и блестящими глазами дикой козы. Я нашла, что она очень красива, хотя, несомнѣнно, уже немного *passée*, подобно всѣмъ символическимъ женщинамъ ея разряда. Она сорвала пучокъ сухой мяты и, растирая ее между пальцами, надушила весь горячій воздухъ вокругъ, затѣмъ она поглядѣла на меня лука-

вымъ, недовѣрчивымъ взглядомъ крестьянской дѣвушки, который мало подходилъ къ такой взрослой и нарядной дамѣ. Потомъ журчащимъ голосомъ она начала говорить слѣдующіе стихи ottava rima:

„Домъ, гдѣ добрый старый рыцарь Гваландо скрывалъ маленькую принцессу, былъ самъ укрытъ въ этой уединенной долинѣ. То былъ маленькій и совсѣмъ бѣлый домъ съ большими желѣзными засовами на окнахъ. Передъ нимъ простиралась большая лужайка, усѣянная бѣлымъ клеверомъ, а за ней, гдѣ начались пиніи и кипарисы, бѣжали полосы хлѣбнаго поля. Онъ стоялъ вдали отъ всякаго шума жизни; и, когда кукушка утихала и соловьи умолкали, надорвавъ голосъ, единственными звуками были воркованіе лѣсныхъ голубей, журчаніе ручья и щебетаніе молодыхъ жаворонковъ.

„Старый рыцарь Гваландо спряталъ свое блестящее вооруженіе въ дубовый сундукъ; онъ каждый день ходилъ въ ближайшій городъ переодѣтымъ въ синюю крестьянскую куртку и гналъ передъ собой осла. Оттуда онъ возвращался съ лакомствами для маленькой принцессы и съ новостями о негодномъ узурпаторѣ. Никто не подозрѣвалъ, кѣмъ былъ онъ на самомъ дѣлѣ, и никому не снилось даже его убѣжище.

„Во время его отсутствія маленькая принцесса, которую звали Фіордиспина, нанизывала бусы, въ самую жару, когда солнце жгло сквозь деревья, а полосы зеленой пшеницы начинали слабо позолачивать свое серебро, напоминая принцессѣ картину въ капеллѣ ея замка, гдѣ солнце было изображено маленькимъ выпуклымъ золотымъ шаромъ, выступавшимъ изъ картины, который ей разрѣшалось трогать по праздникамъ.

„Вечеромъ, когда небо становилось блѣдно-жемчужнымъ, а вѣтерокъ пробѣгалъ по пиніямъ и кипарисамъ, образующимъ маленькія черныя каймы на вершинѣ холма и перистыя бархатистыя пятна на его склонахъ, маленькая принцесса выходила вонъ и шла гулять въ своемъ крестьянскомъ платьѣ, съ загорѣвшимъ прекраснымъ лицомъ, ставшимъ отъ солнца болѣе чернымъ, чѣмъ сдѣлалось бы оно отъ сока грецкихъ орѣховъ. Она взбиралась на холмъ и вдыхала запахъ растопленной солнцемъ смолы и сладость желтаго дрока. Желтые цвѣты усѣивали всѣ холмы вокругъ, и такихъ золотомъ шитыхъ ковровъ не было даже у ея отца, короля.

„Однажды вечеромъ она зашла дальше обыкновеннаго и увидѣла во рву въ концѣ хлѣбнаго поля пять большихъ цвѣтущихъ лилій. Она вернулась домой, взяла золотыя

ножницы изъ своей рабочей корзины и срѣзала одну изъ лилій. На слѣдующій день она пришла опять и срѣзала другую; и такъ каждый день срѣзала ихъ, пока не срѣзала всѣхъ.

„И случилось, что у нихъ по сосѣдству жила старая колдунья, которая собирала травы. Она замѣтила эти пять лилій, потому что не любила ихъ за ихъ бѣлый цвѣтъ; и она замѣтила, что кто-то срѣзалъ одну изъ нихъ, а потомъ и другія. Она ненавидѣла людей, которые любили лиліи. Когда она нашла и пятую лилію срѣзанной, она сильно удивилась, влѣзла на гору и оглядѣла стебли въ томъ мѣстѣ, гдѣ они были срѣзаны. Она была хитрая женщина, знавшая многое въ жизни. Она положила палецъ на срѣзанный стебель и сказала: „это срѣзано не желѣзнымъ орудіемъ“. Она приложила губы къ срѣзанному стеблю и почувствовала, что онъ срѣзанъ золотымъ орудіемъ, ибо золото рѣжетъ такъ гладко, какъ ничто другое.

— О, о!—сказала старая колдунья,—гдѣ есть золотыя ножницы, тамъ долженъ быть золотой рабочій ящикъ, а гдѣ золотой рабочій ящикъ, тамъ можетъ быть маленькая принцесса“.

„Ну, а дальше?—спросила я.

„А дальше,—ничего,—отвѣтила нимфа Терцолина, возлюбленная Лоренцо Великолѣпнаго,

та самая, которая видѣла процессію Трехъ Волхвовъ.—Добрый вечеръ!”

И тамъ, гдѣ развѣвалось только что ея бѣлое шелковое платье, вышитое букетами желтыхъ цвѣтовъ и мирты, на сухой травѣ и растертыхъ листикахъ мяты, остались подъ игрушечными кипарисами только кустикъ мирты и пучокъ запоздаващаго желтаго дрока.

2.

Каждый изъ насъ обязанъ удѣлять нѣсколько времени на разговоръ съ богинями; и, конечно, лѣтомъ въ Тосканѣ, когда всѣ развѣзжаются по своимъ деревенскимъ домамъ, гдѣ выходятъ изъ комнаты, только чтобы лечь въ гамакъ или сѣсть на тѣнистую скамейку, нѣтъ никого другого, съ кѣмъ можно было бы поболтать.

Съ другой стороны, въ эти недѣли безоблачнаго лѣта все въ природѣ соперничаетъ въ устройствѣ какихъ-то любительскихъ представлений. Все пріобрѣтаетъ тогда самый неожиданный, переряженный видъ, принимаетъ причудливый, непонятный аллегорическій смыслъ, предоставляя намъ догадываться, что значить вся эта постоянная нѣмая игра деревьевъ, цвѣтовъ, животныхъ, домовъ и луннаго свѣта.

Луна въ особенности тогда вѣчно en scène,

смѣняющія свѣтляковъ, которые бываютъ только пока хлѣбъ еще не убранъ и потомъ начинаютъ постепенно погасать, мелькая блѣдными фосфорическими огоньками въ травѣ и занавѣсяхъ окна. Луна занимаетъ ихъ мѣсто, луна, которая въ Италіи лѣтомъ кажется полной три недѣли изъ четырехъ.

Однажды вечеромъ мнѣ было дано представленіе луной и снопами колосьевъ съ содѣйствіемъ второстепенныхъ актеровъ, какъ-то: кузнечиковъ, маленькихъ совъ и виноградныхъ гирляндъ. Овесъ, который долго былъ такъ нѣжно зеленъ, наконецъ созрѣлъ на полѣ за нашимъ садомъ и былъ убранъ. Предчувствуя одно изъ лѣтнихъ представлений, я послѣ обѣда пошла къ верхней калиткѣ сада и посмотрѣла черезъ изгородь. Тамъ ожидало меня обычное стихійное волшебство. Луна была почти полная, затмевавшая звѣзды, заливавшая небо и землю блѣднымъ, голубымъ туманомъ, который казался падающей росой. Она оставляла зеленый цвѣтъ полосѣ луга и зеленый оттѣнокъ полю еще несжатой пшеницы; на снопы овсяныхъ колосьевъ она бросала тѣни виноградныхъ гирляндъ. Кто могъ бы изобразить метаморфозу, происшедшую съ этими снопами? Блѣднѣйше-желтые на блѣдномъ сжатомъ полѣ, они серебрились въ лунномъ свѣтѣ, падавшемъ на ихъ пушистыя ко-

лосья, на глянцовитую солому, блиставшую повсюду. Солома, колосья? Вы никогда и не подозрѣвали, что они сдѣланы изъ чего-то столь драгоцѣннаго. Такъ стояли эти удивительные снопы, прислоненные къ деревьямъ, въ озерахъ луннаго свѣта и тѣни, въ то время какъ кузнечики выдѣлывали свои прохладныя рѣзкія трели, такъ выступали они, торжественно, съ видомъ какого-то ожиданія зова меня, пугая меня. И одинъ, въ особенности, съ большимъ привязаннымъ кверху пучкомъ, раздѣленный пополамъ тѣнью, былъ непостижимъ и страшенъ. Минуту спустя я потихоньку крадась назадъ въ нашъ садъ, какъ похититель.

3.

Такія же представленія даются при полномъ дневномъ свѣтѣ, и тогда человѣческія существа допускаются къ участію въ нихъ. Подобнымъ зрѣлищемъ была ярмарка скота въ глубинѣ Валь Муньоне.

Животныхъ продавали на щетинистомъ, только что сжатомъ полѣ, лежащемъ между проѣзжей дорогой и русломъ высохшей рѣки, заросшимъ желтой и пахнувшей ладономъ травой. Волы большей частью принадлежали къ бѣлой тосканской породѣ (въ Романьѣ волы меньше, но подвижнѣе, и тамъ они покрыты нѣжными сѣрыми пятнами) съ только слегка

коричневатыми бедрами; ошейники изъ красной матеріи выдѣлялись подобно гирляндамъ герани, на молочной бѣлизнѣ ихъ спинь и шей. Однако эти гигантскія созданія имѣютъ такой видъ, какъ будто они сдѣланы изъ сбитыхъ сливокъ или сливочнаго сыра; они не выказываютъ ни силы, ни сопротивленія, когда ихъ трогаютъ; только иногда они сдвигаютъ въ складки свою ровную кожу, совсѣмъ такъ, какъ это бываетъ на маленькихъ сырахъ *stracchini*. Такая безплотная бѣлизна воловъ соотвѣтствуетъ ихъ совершенной покорности и пассивности, позволяющей вести ихъ большими неслышными шагами по сжатому полю и по отвѣсному берегу. Они идутъ, тѣсняя другъ къ другу, бокъ о бокъ, задѣвая рогами рога сосѣдей, почти безъ одинаго звука или знака удивленія и непослушанія. Ни рева, ни мычанія, ни блеска въ огромныхъ, голубовато-коричневыхъ глазахъ съ длинными рѣсницами. Огромныя челюсти двигаются подобно мельничнымъ жерновамъ, длинные мохнатые хвосты монотонно качаются, какъ маятники.

Около нихъ кругъ крестьянъ, измѣряющихъ ихъ глазами, пробующихъ ихъ пальцами, тянущихъ ихъ за рога. И всегда тутъ же одинъ изъ тѣхъ краснолицыхъ людей, которые являются посредниками, драматически вскидыва-

еть руки на шею продавца или покупателя, отводитъ его въ сторону, шепчется съ таинственнымъ видомъ, напоминающимъ о поцѣлуѣ Іуды; или соединяетъ вмѣстѣ правыя руки спорящихъ сторонъ, зажимая ротъ ихъ возраженіямъ, принуждая скорѣе кончать дѣло. Любопытенъ контрастъ между этими горячими, возбужденными, кричащими, толкающимися человѣческими существами, надъ чьими возгласами „Dio Canes!“ и „Dio Ladros!“ звучитъ однообразно крикъ продавцевъ холодной воды, и тихими пассивными волами, бѣлыми, нереальными, неслышными, такими смиренными и вмѣстѣ съ тѣмъ огромными, что, когда на нихъ глядишь сверху, они похожи на раскинутыя бѣлыя палатки какого-то лагеря. Немного дальше, на холмѣ за рѣкой уже готовыя ярма воловъ, сложенныя въ кипарисовой рошѣ, похожи на старинную средне-вѣковую аллегорію Богъ вѣсть чего.

4.

Другое зрѣлище я видѣла въ лѣсахъ Лечето и около пустыни того же названія. Вы найдете ихъ на картѣ окрестностей Сіены; но я очень сильно сомнѣваюсь, найдете ли вы ихъ на поверхности земного шара, ибо я подозреваю, что они только продуктъ лѣтней магіи и ничего болѣе. Они годами были

для меня въ числѣ вещей близкихъ, но недоступимыхъ (у всѣхъ бываютъ такія вещи); или скорѣе вещей, для которыхъ недоступность, обусловленная какими то невѣдомыми причинами, является существеннымъ признакомъ ихъ бытія. Съ одного изъ холмовъ вы видите вдали слабый очеркъ квадратной красной башни, низкой зубчатой башни, поднимающейся надъ сѣрыми вѣчно-зелеными дубами, манящей васъ черезъ хребты горъ и долины; затѣмъ она опять скрывается, утопая въ дубовыхъ лѣсахъ, зеленыхъ лѣтомъ, мѣдныхъ зимой, чтобы опять появиться въ той сторонѣ, гдѣ вы меньше всего ее ждали, когда вы взбираетесь по извилистой дорогѣ между нагорными виноградниками и группами зонтичныхъ пиній, окаймляющихъ вершины холмовъ; черезъ минуту снова все исчезаетъ.

Мы рѣшили добраться таки до нея, чтобы не быть больше обманутыми этимъ Лечето, и отправились въ путь въ одинъ безконечный іюльскій день. Послѣ долгихъ странствій съ одного холма на другой, изъ долины въ долину, мы попали наконецъ въ мѣсто, которое было достаточно необыкновенно, чтобы скрывать за собой даже Лечето. Въ узкой долиинѣ мы были встрѣчены теплымъ нѣжнымъ знакомымъ запахомъ, который, казалось, велъ насъ (какъ запахи, которые мы не можемъ

вспомнить сразу) къ туманнымъ, но все таки достаточно яснымъ, чтобы быть здѣсь рѣшительно неумѣстными, воспоминаніямъ объ англійскихъ садахъ, деревенскихъ коттеджахъ, старомодныхъ гостиныхъ. Прямо напротивъ насъ возвышался холмъ, каждый дюймъ котораго былъ покрытъ цвѣтущей лавандой, высокой, какъ верескъ на холмахъ въ странѣ сказки. А за этимъ сиреневымъ, обожженнымъ солнцемъ, ароматнымъ холмомъ открывались лѣса вѣчно-зеленыхъ дубовъ. Деревья совсѣмъ молодыя, съ лѣтними зелеными свѣжими листочками надъ шелестящими старыми деревьями росли часто, образуя какъ бы заборъ; промежутки между ними были заполнены зеленью ежевики, папортникомъ и верескомъ. Все было пронизано здѣсь свѣжестью и уединеніемъ.

Такими и должны быть лѣса Лечето, а въ ихъ глубинѣ должна находиться красная зубчатая башня пустыни. Ибо я забыла сказать, что тысячи лѣтъ подрядъ эта башня служила жилищемъ цѣлому сонму святыхъ людей, такихъ святыхъ и такъ похожихъ одинъ на другого, что они какъ будто воплотились въ одного безсмертнаго эремита, къ которому пріѣзжали папы и императоры за совѣтомъ и благословеніемъ. Мы все глубже и глубже погружались въ зеленую прохладу и влажность, въ неописуе-

мую сладость молодого листа и распускающагося папортника; пока намъ не показалось, что это мѣсто далѣе непроходимо, и мы начали думать, что, какъ всегда, Лечето насмѣялось надъ нами и вѣроятно покажется, когда мы вернемся назадъ, въ діаметрально противоположной сторонѣ. Какъ вдругъ внезапно надъ группами деревьевъ поднялась квадратная зубчатая башня изъ краснаго кирпича. Затѣмъ, за поворотомъ кривой узкой тропинки мы увидѣли все,— башню, церковь и колокольню, нѣсколько полукрѣпостныхъ зданій на свѣтлой лужайкѣ, засаженой оливковыми деревьями. Мы привязали пони къ дубу и отправились изслѣдовать жилище эремитовъ. Зданіе было окружено со всѣхъ сторонъ стѣнами и изгородями, и единственнымъ входомъ были крѣпкія ворота съ привѣшеннымъ молоткомъ, за которыми простирался, повидимому, первый дворъ, огражденный высокой стѣной съ рѣшетчатыми окнами. Мы постучались.

Но этотъ молотокъ былъ сдѣланъ только для папъ и императоровъ, прогуливающихся по свѣту съ тіарами, вѣнцами и скипетрами, подобно папамъ и императорамъ итальянскихъ народныхъ сказокъ и фресокъ Пинтуриккіо, такъ какъ ни стукъ молотка, ни наши громкіе крики не могли вызвать никакого отвѣта. Очевидно, надо было дѣйствовать дру-

гимъ образомъ; должны же были быть гдѣ-нибудь по близости крестьяне на работѣ, если предположить даже, что святой эремитъ пересталъ существовать. Но преодолѣвъ первыя стѣны и изгороди и пробравшись между тѣсно растущими крѣпкими дубами, мы вышли только къ еще болѣе высокимъ стѣнамъ, надъ которыми, какъ раньше надъ дубовыми лѣсами, подымалась недостижимая зубчатая башня. Маленькая пастушка въ соломенной шляпѣ съ опущенными полями, пасшая стадо черныхъ и бѣлыхъ поросятъ на сосѣдномъ сжатомъ полѣ подъ оливками, умѣла не болѣе, чѣмъ мы сами, нарушить очарованіе жилища эремитовъ. И кругомъ на нѣсколько миль волновалось густое темное опереніе вѣчно зеленыхъ дубовъ.

Низкое солнце зашло за поле, гдѣ паслись свиньи, и далекіе холмы Мареммы выросли вдругъ, голубѣя позади оливковыхъ деревьевъ. Близкая ночь настигала насъ, и мы повернули пони къ городу, проскакали черезъ дубовые лѣса и по опушкѣ холма, покрытаго лавандой, не вѣря больше въ реальность того мѣста, гдѣ только что были, хотя теперь появилась снова смѣющаяся надъ нами башня. Недосягаемое, невѣроятное мѣсто! Въ воздухѣ пахло горячей лавандой съ холмовъ и смолой пиній, сплетавшихъ японскіе узоры, черные на золотомъ лакѣ неба. Скоро поднялась луна, огром-

ная, желтая, освѣщая мало по малу темноту дороги, на которой смутно виднѣлись ярма воловъ, возвращавшихся съ работы. Черезъ нѣкоторое время мы доѣхали до городского холма, въ блѣдномъ желтоватомъ свѣтѣ съ причудливыми тѣнями. Кожевенный заводъ своими высокими стѣнами преувеличивалъ всѣ размѣры и былъ тревоженъ. Поднявшись въ лунномъ свѣтѣ по лѣстницѣ Фонте Бранда и пройдя подъ черной аркой, мы очутились въ центрѣ оживленнаго, освѣщеннаго газомъ города; это было болѣе странно, чѣмъ если бы мы, вылетѣвъ вмѣстѣ съ ядромъ изъ пушки, очутились на другой планетѣ, ибо мы чувствовали, что жилище эремитовъ въ Лечето—апокрифъ.

5.

Причина этой лѣтней магіи, существованіе коей ни одинъ законный потомокъ готовъ, вандаловъ и другихъ старинныхъ любителей Италіи не долженъ отрицать, лежитъ совершенно внѣ моего умозрѣнія. Единственное слово, выражающее это необычайное явленіе,— это нѣмецкое непереваемое слово *Bescheneigung*, всеобщее раздаваніе подарковъ, множество свѣчей, позолота яблокъ, проявленіе всякихъ чудесъ, осуществленіе желаннаго и неисполнимаго,—короче говоря, рождественская елка. Италія, которая не знаетъ елки, устраи-

ваетъ свои *Beschneigung* лѣтомъ. Тогда она отдѣлывается отъ туристской пошлости, прячется всѣ тривіальныя характеристики девятнадцатаго вѣка, украшается цвѣтущими магноліями и арбузами, уличными мандолинами и гитарами. Она тѣшитъ себя церковными праздниками и мѣстными торжествами; и вмѣсто восковыхъ свѣчей и китайскихъ фонариковъ зажигаетъ огромнѣйшее золотое солнце днемъ и огромнѣйшую серебряную луну ночью, и все это для благоденствія лишь очень немногихъ потомковъ вандаловъ и готовъ.

Кромѣ шутокъ, я склонна думать, что специфическое очарованіе Италіи существуетъ только въ жаркіе лѣтніе мѣсяцы; очарованіе, которое наноситъ намъ ударъ кинжаломъ въ грудь и заставляетъ вскрикнуть: „Вотъ Италія“.

Я почувствовала этотъ ударъ кинжаломъ, котораго долгое время мое сердце не ощущало, въ началѣ того самого лѣта въ Тосканѣ, когда произошли вышеописанныя событія итальянскаго лѣтняго волшебства. Я провела день въ маленькомъ, очень старинномъ бенедиктинскомъ монастырѣ, превращенномъ въ ферму и скрывающемся теперь со своими зубчатыми стѣнами и высокими воротными башнями среди хлѣбныхъ полей близъ Арно. Мнѣ явилось, какъ воскрешеніе давно забы-

таго впечатлѣнія, захватывающее чувство, что „это Италія“. Я повторяла и повторяла эти два слова, когда сидѣла подъ изгородью изъ розъ противъ водяной мельницы, увитой засохшей зеленью, и еще тогда, когда шла сквозь прохладные подвалы, пахнувшіе старыми винными бочками, выбираясь въ солнечный свѣтъ и широкую тѣнь монастырскаго двора.

Этотъ запахъ былъ таинственно связанъ съ тѣмъ мѣстомъ,—запахъ винныхъ бочекъ, смѣшанный, мнѣ кажется (хотя я не могу сказать, почему), со сладкимъ слабымъ запахомъ выкрашивающейся штукатурки и старыхъ деревянныхъ балокъ. Однажды ночью, когда мы бродили по Болоньѣ, чтобы провести время между двумя поѣздами, въ голубомъ лунномъ свѣтѣ съ глубокими тѣнями, въ этомъ черномъ городѣ портиковъ, тотъ самый запахъ явился мнѣ, какъ сонъ, а вмѣстѣ съ нимъ повѣяло на меня дыханіемъ прошедшихъ лѣтъ, тѣхъ лѣтъ, когда я въ первый разъ испытала это впечатлѣніе итальянскаго волшебства. Довольно странно, что Римъ, гдѣ я провела большую часть дѣтства и который былъ предметомъ дѣтскаго трагическаго обожанія, оставался всегда нѣсколько въ сторонѣ и не былъ Италіей моего воображенія. Апеннины у Лукки и Пистойи съ ихъ внезапнымъ видомъ итальянскихъ полей и дорогъ, цвѣтовъ на стѣнѣ и

на каймѣ дороги, ихъ колокола, звонящіе въ лѣтнемъ небѣ, ихъ крестьяне и крестьянки, работающіе въ поляхъ или за станками и прялками, обозначали для меня Италію.

Какой Италіей и потому какой мечтой были для меня тогда Лукка, городъ на равнинѣ, съ большимъ соборомъ и дворцами, или любая деревушка, въ которой нѣтъ ничего современнаго и гдѣ среди потемнѣвшихъ каменныхъ домовъ подымаются черные свѣчеобразные кипарисы, а ярко-зеленые трельяжи увиваютъ холмы! Никогда, кромѣ какъ въ дѣтствѣ, не знаешь такой радости, съ какой я видѣла тогда эти мѣста. Ферма съ кипарисами по угламъ террасы и большимъ олеандромъ подъ стѣной была для меня Италіей задолго прежде, чѣмъ она стала моимъ домомъ на многіе годы. Больше всего я чувствовала Италію въ тѣхъ городахъ, въ Болоньѣ, въ Падуѣ, Виченцѣ и Сіенѣ, которые я видѣла только лѣтомъ.

Любопытно до чего мѣняются ассоціаціи каждаго изъ насъ: теперь Италія для меня—это особая знакомая игра солнечнаго свѣта и облаковъ, особая изысканность янтарнаго заката на ультрамариновыхъ холмахъ, зимніе туманы среди дымчатыхъ оливковыхъ роццъ или изгибы и складки блѣдно-голубыхъ горъ. Это страна, не принадлежащая времени, она бу-

дѣть всегда существовать выше живописности, выше сказки. Это лишь спокойное, ровное наслажденіе. И только время отъ времени, когда выступаетъ лѣтняя магія, во мнѣ воскресаетъ совсѣмъ другое, старое, восторженное, дѣтское значеніе этого слова; такъ какъ было это и въ тотъ день, среди розъ бенедиктинскаго монастыря, въ прохладной тѣни фиговыхъ деревьевъ на его дворѣ, въ струѣ того страннаго полнаго романтизма запаха, пропитаннаго виномъ, деревомъ и выкрашивающейся штукатуркой. И я знаю тогда съ маленькимъ уколомъ восторга, что это—Италія.

О современномъ путешествіи.

1.

Есть особое очарованіе, присущее путешествію по желѣзной дорогѣ: сумерки въ поѣздѣ; но очарованіе это сильнѣе, когда путешествіе коротко, когда не чувствуешь себя утомленнымъ и разбитымъ отъ долгаго перѣзда. Движеніе поѣзда послѣ захода солнца, въ особенности на югѣ, гдѣ ночь наступаетъ быстро, принимаетъ какой то таинственный смыслъ. Поѣздъ скользитъ въ пейзажѣ, мелкія подробности котораго сглаживаются такъ же, какъ сглаживаются всѣ детали устройства желѣзной дороги. И это быстрое скольженіе являетъ намъ скоротечность времени, переменчивость свѣта и зыбкость формъ. Оно заставляетъ насъ чувствовать, что все на свѣтѣ только видѣніе: изгибы рѣки, окаймленной тополями, съ краснымъ отраженіемъ заката въ стальныхъ оmutахъ, высоко громящіяся дома прежнихъ дней,

призрачныя бѣлыя фруктовыя деревья въ темныхъ поляхъ, круглыя шапки пиній, далекія, почти неосязаемыя на небѣ неземной голубизны. Темнота не спускается, какъ говорятъ только глупые люди, съ небесъ на землю, но медленно подымается съ земли, гдѣ она собиралась слой за слоемъ, истекаетъ отъ земли, какъ ея эманация, восходя въ небо все еще блѣдное и свѣтящееся, мѣняя его лазурь на бѣлый цвѣтъ, его бѣлизну на сѣрость, пока звѣзды, до того момента простыя бѣлыя пятнышки, не зажгутся одна за другой.

Данте, который такъ много путешествовалъ, и такъ часто противъ своей воли, описалъ этотъ часъ, какъ часъ тоски путешественника, часъ нѣжности въ сердцѣ того, кто сказалъ недавно прости своимъ друзьямъ. Это часъ горечи, перемѣшанной со сладостью и оттого еще болѣе горькой, горечи изгнанія; а въ тѣ дни, когда такъ трудно было побороть странство, каждый путешественникъ могъ чувствовать нѣчто похожее на изгнаніе. Но и для насъ, которымъ не нужно покидать своихъ друзей, которые могутъ всегда вернуться къ намъ, для насъ привыкшихъ уѣзжать и возвращаться,—для насъ, несущихся съ такой ужасной быстротой, это также часъ, когда земля полна мира и благоволенія, и наша задумчивость въ мѣру печальна; чтобы быть слад-

кой, и недостаточно печальна, чтобы быть горькой.

Каждая деревня, которую мы проѣзжаемъ тогда, кажется мѣстомъ, гдѣ мы могли бы прожить всю жизнь; каждая комната или кухня, мелькнувшая краснымъ квадратомъ свѣта въ темнотѣ съ черными фигурами, двигающимися передъ окномъ, кажется полна людей, которые могли бы быть нашими друзьями; холмы, которыхъ мы прежде никогда не видали, берега рѣкъ, рощи кажутся родными, какъ если бы мы жили среди нихъ въ далекіе невѣдомые дни, о которыхъ мы вѣчно вспоминаемъ съ тоской.

2.

Вотъ самое лучшее, что можно сказать, мнѣ думается, о современномъ путешествіи. Но все же, хотя я и тряслась на своемъ вѣку очень много въ вагонахъ различныхъ странъ, хотя я засыпала въ вагонѣ на колѣняхъ у няньки, хотя я видывала все свое имущество, начиная съ картоннаго осла и восковыхъ куколъ, и кончая рукописями и корректурами, разложеннымъ на таможенныхъ прилавкахъ, — все же, несмотря на это, я ни разу не совершила большого путешествія. Я никогда не была ни въ Соединенныхъ Штатахъ, ни въ Египтѣ, ни въ Россіи; и очень можетъ быть, что я увижу Елев-

зинскихъ боговъ, Персефону и прочихъ въ странѣ тѣней, не ступивъ до того ногой на землю Греціи. Мои замѣчанія относятся поэтому къ менѣе избалованной части „фрахта“ желѣзныхъ дорогъ и пароходовъ. Впрочемъ, стану ли я, дѣйствительно, завидовать тѣмъ, кто видѣлъ удивительныя страны, не мечтая предварительно о нихъ, и тѣмъ, кому страны чужихъ мечтаній открылись въ первый разъ въ почтенной реальности, представляемой компаніей Кука и Геза?

Я не хотѣла бы ни за что на свѣтѣ быть ложно понятой; у меня нѣтъ ни малѣйшаго предубѣжденія противъ Геза или Кука. Я горячо желаю, чтобы эти господа продолжали ускорять поѣзда и удешевлять отели; я готова попасть въ альпійскихъ долинахъ и на венеціанскихъ каналахъ въ самую крикливую толпу туристовъ ради одной какой-нибудь народной учительницы, какого-нибудь писца, ремесленника, сельскаго священника, которые могли бы благодаря этому скорѣе обрѣсти наконецъ страну восточнѣе солнца и западнѣе луны, островъ св. Брендана ихъ давнихъ мечтаній. Я имѣю въ виду сейчасъ вполнѣ воспитанныхъ, вполнѣ элегантно одѣтыхъ, часто вполнѣ даже осѣдомленныхъ людей, которые превративъ Шотландію въ какое-то дачное мѣсто, вѣроятно, превратятъ скоро Египеть, Святую Землю, Япо-

нію въ *succursales* и *dépendances* ихъ скучнѣйшихъ кварталовъ Лондона, Парижа или Нью-Йорка.

Гораздо менѣе представительнымъ по внѣшности, но, въ дѣйствительности, насколько болѣе почтеннымъ является, конечно, классъ обитателей скромныхъ пансіоновъ: тѣхъ любопытныхъ существъ, которыя передвигаются, замѣчая не перемѣны пейзажей и народовъ, но только перемѣны цѣнъ, изъ дешевыхъ пансіоновъ Дрездена въ дешевыя пансіоны Флоренціи, Праги, Севильи, Руана или Брюгге. Это—разрядъ людей, которыхъ геніальная заботливость природы, направленная несомнѣнно къ поддержанію равновѣсія между обитаемымъ и необитаемымъ на землѣ, посылаетъ безсознательно, автоматически къ великимъ городамъ прошлаго, чаще, чѣмъ къ городамъ настоящаго. Тамъ они наводняютъ тѣ мѣста, которыя раньше были дворцами, замками, королевскими виллами, и разсуждаютъ за жесткими грушами и яблоками десерта о развлеченіяхъ и обманахъ, о цѣнахъ и расходахъ, о темныхъ лѣстницахъ и воскресномъ мороженомъ въ другихъ пансіонахъ въ другихъ странахъ Европы. Это—странная раса, не знающая брака и размножающаяся естественнымъ подборомъ тощихъ кошелековъ и скудныхъ душъ; въ ней однако сантиментальный путешествен-

никъ, если только онъ еще водится на свѣтѣ, можетъ найти множество смѣшныхъ, меланхолическихъ, а, можетъ быть, и рыцарскихъ исторій.

Мое единственное возраженіе—это только, что прежде, чѣмъ посѣщать страны и города гѣломъ, мы должны посѣтить ихъ духомъ; иначе, смѣю сказать, мы можемъ столь же прекрасно сидѣть и дома. Я не хочу сказать, что мы должны заранѣе читать о нихъ; нѣкоторые, я знаю создаютъ своего рода удовольствіе изъ такого чтенія; но мнѣ это кажется скучнымъ занятіемъ. Надо посѣщать неизвѣстныя страны не въ обществѣ чужихъ описаній, но въ обществѣ своихъ собственныхъ желаній и фантазій. Развѣ не любопытны тѣ представленія и фантазіи или скорѣе гѣ страны и города, которые возникаютъ въ фантазіи, не существующіе въ какой-либо части земного шара, но рождающіеся въ нашемъ воображеніи? Большинство изъ насъ, направляясь въ какое-нибудь интересное мѣсто, знакомится съ нимъ заранѣе при помощи его вида или плана. Намъ заранѣе знакомъ этотъ соборъ на склонѣ холма или у его подножья, эти улицы вьющіяся по горѣ или вдоль рѣки, рельефъ этой поверхности, цвѣтъ этихъ домовъ, или даже весь этотъ городъ въ цѣломъ. Дѣйствительность, насколько

ко говорить мой опытъ, никогда не соотвѣтствуетъ такимъ представленіямъ. Однако городъ нашего воображенія такъ реаленъ, такъ ясенъ, что онъ часто воскресаетъ въ нашей памяти рядомъ съ настоящимъ городомъ изъ камня и кирпича; онъ только постепенно растворяется и оставляетъ отъ себя воздушный ореолъ надъ солидными сооруженіямъ своего прозаическаго соперника.

Другая курьезная вещь, которую я замѣтила, это какъ нѣкоторыя реальныя зрѣлища, которыя промелькнули передъ нами, соединяются въ нашей душѣ съ представленіемъ о мѣстахъ, которыхъ мы никогда не видѣли, до такой степени, что очарованіе отъ видѣннаго замѣтно превышаетъ очарованіемъ невидѣннаго. Я помню маленькую долину въ высокихъ Альпахъ, которая со своими огромными лиственницами и горными соснами, съ зарослями усѣяннаго пчелами вереска и тмина среди мшистыхъ камней, со своими открывающимися широкой видъ вершинами и проблесками далекихъ озеръ стала мнѣ дорога не столько ради нея самой, сколько ради того, что она всегда вызывала въ моихъ мысляхъ имя *Эракии*, а съ нимъ смутный, ускользящій образъ сатировъ и менадъ, и напѣвы музыки Орфея. И еще менѣе объяснимо, чѣмъ это, почему одно маленькое нагорье находящееся

на большой дорогѣ, ведущей въ Римъ, вызываетъ передо мной таинственное видѣніе долины центральной Азіи. Разрушенный сарай, куча известковыхъ камней среди высокихъ травъ шотландской долины навѣваютъ на меня очарованную мечту, что это, можетъ быть, похоже на Алжиръ.

Закрѣпилъ ли когда-нибудь художникъ на полотнѣ эти ясныя и неотвязныя видѣнія странъ, которыхъ онъ никогда не видѣлъ, и не такъ ли писали Клодъ Лоренъ или Тернеръ, или фламандцы, которые рисовали маленькій небесный Іерусалимъ съ его башнями и куполами? Не знаю. Самое близкое къ этому было нѣкое удивительное сооруженіе изъ коричневой бумаги и весьма искусно склеенныхъ щепокъ, устроенныхъ наподобіе скалъ, покрытое маленькими зелеными игрушечными деревьями и усѣянное кое-гдѣ крошечными озерами изъ кусочковъ зеркала и картонными домами, которое однажды привело меня въ большое замѣшательство въ гостиной одного деревенскаго дома. „Скажите пожалуйста, что же это такое?“ наконецъ сорвалось у меня. „Это, отвѣтила робко хозяйка, — это работа моего покойнаго мужа; изображеніе Альпъ какъ они ему казались, хотя онъ никогда не бывалъ за границей“. Я часто думала объ этомъ человѣкѣ, который „никогда не бывалъ за границей“ и

объ его изображеніи Альпъ; о часахъ поэтическаго видѣнія, о настоящемъ творчествѣ происходившемъ, можетъ быть, отъ силы мечты, которое дало въ результатѣ это смѣшное произведеніе.

„Какъ они ему казались“! Онъ читалъ объ Альпахъ, читалъ, можетъ быть, у Байрона или въ Радклифовскихъ повѣстяхъ и мечталъ до тѣхъ поръ, пока не явилось видѣніе, готовое воплотиться въ картонъ, игрушечныя деревья, клей и кусочки зеркала! И между тѣмъ я, которая должна дважды въ годъ переѣзжать эти самыя Альпы, я стараюсь дѣлать это ночью, мчатся съ грохотомъ по ихъ ущельямъ въ спальномъ вагонѣ! Есть что то неправильное здѣсь; какая то неправда въ устройствѣ міра, не во мнѣ, конечно, ибо клянусь, что только уваженіе къ Альпамъ заставляеть меня избѣгать ихъ вида.

3.

Теперь пришло время формулировать мое обвиненіе противъ нашего современнаго, быстрого, спѣшнаго путешествія. Для скромныхъ людей есть какой то элементъ униженія въ немъ. Есть что-то почти сверхчеловѣчески эгоистичное въ томъ, когда мчишься сквозь разныя страны, не удѣляя имъ ни одной мысли и не имѣя въ себѣ ни одной мысли, кромѣ заботы

объ удобствѣ, о пищѣ, снѣ, отдыхѣ. Вся центральная Европа поэтому превращена въ угоду нашимъ чувствамъ въ систему буфетовъ и таможенъ. Порядочные люди не часто проводятъ внѣ поѣзда два или даже три дня подрядъ такъ всецѣло поглощенные собой, безъ всякой внутренней связи съ окружающимъ міромъ, живя въ духовномъ смыслѣ не выше своей обычной жизни, но ниже ея. Можетъ быть, именно это то прекращеніе всякой духовной связи со всѣми интересами и дѣлаетъ такое путешествіе отдыхомъ для очень занятыхъ людей и пріятнымъ времяпрепровожденіемъ для людей глупыхъ. Но для насъ, скромныхъ, въ мѣру дѣятельныхъ и досужихъ людей, оно, я настаиваю на этомъ, оскорбительно; оскорбительно занимать такое мѣсто въ своемъ собственномъ сознаниі: и, я думаю, что неопредѣленное чувство отвращенія къ себѣ во время такого путешествія,—есть только видъ отвращенія, которое мы чувствуемъ слегка (а должны чувствовать очень сильно) всякій разъ, когда наша маленькая грѣшная душа занимаетъ все поле нашихъ наблюдений.

Въ „*Vête Humaine*“ Золя есть любопытное описаніе поѣздовъ, переполненныхъ горячей современной жизнью, мчащихся одинъ за другимъ изъ Парижа въ Гавръ по пустымъ полямъ, мимо фермъ и старомодныхъ домовъ,

удаленныхъ на цѣлыя мили другъ отъ друга. Но на самомъ дѣлѣ развѣ не пусть поѣздъ, а развѣ эти уединенные дома и поля не полны настоящей жизни? Когда римскій экспрессъ мчится, увозя людей въ Неаполь, Египеть, Индію на Дальній Востокъ, на острова Австраліи, онъ пересѣкаетъ аллею кипарисовъ одного помѣстья въ Валь д'Арно; онъ пролетаетъ тамъ мимо Нептуна съ его раковиной, огромной фигуры семнадцатаго столѣтія, глядящей изъ искусственнаго грота. Какое дѣло этому Нептуну до этого жалкаго нынѣшняго мельканія!

Только въ одномъ случаѣ эта пустота, эта остановка всякой подлинной жизни бываетъ пристойна. Когда кто-нибудь спѣшитъ къ ужасной цѣли, къ смертному одру или, можетъ быть, къ свѣже вырытой могилѣ. Душа стремится тогда къ одному предмету, одному мгновенію и не можетъ существовать въ это время; *guît* не *нога*, но *апіта*; пустота подходитъ къ страсти и страданію, ибо страсть и страданіе опустошаютъ міръ.

4.

Какъ бы то ни было, будетъ очень жаль, если мы лишимся когда-нибудь чувства удивленія, охватывающаго насъ отъ преодоленія разстояній, волненія отъ перемѣны мѣста. Это волненіе—оплаченное, несомнѣнно, нетерпѣні-

емъ и усталостью того времени, когда равнины казались безграничны, горы высоки, дороги отчаянно прямы—могло быть однимъ изъ самыхъ большихъ очарованій старого путешествія. Вы наслаждались тогда каждымъ измѣненіемъ формы земли, каждой перемѣной климата и области, отличіемъ, на примѣръ, полосы каштановъ отъ полосы буковъ на югѣ, или полосы сосны и полосы лиственницы въ Альпахъ; вы радовались новымъ фасонамъ оконъ, крышъ, печей, нѣтъ, даже новымъ складкамъ платковъ у рыночныхъ торговыхъ. Каждая гостиница, каждая площадь, каждая ратуша или церковь постепенно передавали насъ своимъ сосѣдямъ. Мы чувствуемъ это по рассказамъ старыхъ людей, тѣхъ, которые могутъ вспомнить, какъ они покупали экипажъ въ Кале или какъ они нанимали своихъ *vet-tigino* въ Марселѣ или Ниццѣ; въ нѣкоторыхъ отрывкахъ повѣстей Теккерея передано чувство отъ этого послѣдовательнаго завоеванія Европы съ помощью непрерывной смѣны перекладныхъ. Одинъ изъ набросковъ Рескина въ Оксфордѣ особенно вызываетъ во мнѣ это чувство. Могъ ли бы онъ проѣхать, путешествуя по желѣзнымъ дорогамъ, сквозь этотъ маленькій городокъ Рейнфельденъ (гдѣ этотъ Рейнфельденъ?), могъ ли бы онъ бродить вокругъ этихъ прекрасныхъ стѣнъ съ башнями,

проходить черезъ этотъ мостъ, по этой поросшей травой дорогѣ?

Я еще помню въ моемъ дѣтствѣ Альпы до проведенія желѣзной дороги, помню безмѣрную отдаленность Италіи, чувство, что она лежитъ гдѣ то тамъ далеко, далеко въ южномъ морѣ; помню безконечность прямой дороги отъ Беллинцоны къ озеру, безконечность этой извилистой долины. Теперь, какъ я уже сказала по поводу Альпъ того человѣка, который „никогда не бывалъ за границей“, я ложусь еще на станціи въ Миланѣ и просыпаюсь только, чтобы увидѣть въ нѣжности ранняго утра зеленыя и стеклянныя воды Рейсса и дома Люцерна.

Однажды (и надѣюсь, что не послѣдній разъ въ моей жизни) я совершила огромную поѣздку по Италіи въ телѣжкѣ, запряженной пони. Казалось, мы проѣхали всѣ области и климаты: влажныя, душныя долины съ созрѣвшей кукурузой и виноградомъ, дубовыя лѣса, гдѣ ряды кипарисовъ означали мѣсто былыхъ дорогъ, а кресты говорили объ убійствахъ совершенныхъ разбойниками, заросли вереска на склонахъ холмовъ и каменистыя ущелья полныя мирты, зеленые хорошо орошенные луга съ водяными мельницами у запрудъ, зеленыя оливковыя рощи. Въ тотъ вечеръ утро того же дня показалось намъ да-

лекимъ, далекимъ, хотя мы едва проѣхали столько миль, сколько ихъ отъ Лондона до Дувра! И какъ мы чувствовали себя безконечно далеко отъ Флоренціи, когда четыре часа спустя послѣ того, какъ выѣхали за ея стѣны, пріѣхали въ совершенной темнотѣ къ дружественной горной фермѣ и сѣли ужинать въ огромной простой комнатѣ, гдѣ смутно виднѣлись, слабо мерца въ полусвѣтѣ, стулья съ высокими спинками и тарелки надъ каминомъ! Мы чувствовали, какъ во снѣ, все еще холодный ночной воздухъ въ горлѣ и все еще слышали звонъ колокольчиковъ пони и трескъ кузнечиковъ! Гдѣ же была Флоренція? На самомъ дѣлѣ, она была въ шестнадцати миляхъ отъ насъ.

Чтобы путешествовать такимъ образомъ, нужно, какъ совѣтуетъ старый Джонъ Евелинъ, „много соли сѣсть съ коренными жителями“. Наши предки (подразумѣвается, конечно, что предки всякаго изъ насъ были „милордами“) бывали всегда обильно снабжены, какъ я замѣтила, рекомендательными письмами. Они были необходимы, когда знатные люди везли съ собой свои постели на мулахъ, а сами ѣхали въ каретахъ, окруженныхъ вооруженными всадниками, какъ ѣхалъ самъ Джонъ Евелинъ.

Эта то трапеза съ „коренными жителями“

и приводитъ насъ въ полное соприкосновеніе съ сущностью страны. За дружескимъ столомъ—послѣ того, какъ бродишь по садамъ или ѣдешь по дорогамъ,—учишься многому въ жизни, мысляхъ, чувствахъ народа; самая болтовня сосѣдей становится поучительна, и вы касаетесь прошлаго черезъ семейныя традиціи. Тутъ французы подняли дерево свободы въ 1796 году; здѣсь красивая аббатисса принимала своего возлюбленнаго; тутъ дряхлый сгорбленный человѣкъ поразилъ собственной рукой австрійскаго полковника около 1859 года. Вотъ способъ путешествія, который внушалъ восторгъ Стэндалю и укрѣпилъ талантъ этого короля космополитовъ и великаго мастера психологической новеллы. Моимъ друзьямъ, всѣмъ, гдѣ бы они ни жили, и можетъ быть, въ особенности, тѣмъ, которые живутъ въ сѣверной Италіи, я обязана, кромѣ всего другого, благодарностью за возможность такихъ путешествій.

5.

Есть и другой способъ путешествія, болѣе приличествующій, мнѣ думается, поэтамъ. Ибо зачѣмъ нужны поэту малыя реальности, разъ онъ владѣетъ всемірной сущностью, зачѣмъ ему мѣстныя особенности и историческія традиціи, разъ его произведенія служатъ для всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ?

Робертъ Броунингъ,—говорили мнѣ въ прошломъ году его лучшіе друзья въ Азоло,—первый разъ попалъ во владѣніе королевы Кэтъ, можетъ быть, никогда не слыхавъ до того даже его имени или позабывъ о немъ, во время своего долгаго путешествія пѣшкомъ изъ Венеціи въ Альпы. Онъ былъ тогда въ первый разъ въ Италіи, даже вообще заграницей, и пріѣхалъ изъ Лондона въ Венецію моремъ. Азоло, городокъ дворцовъ на вершинѣ холма, съ ломбардской равниной у ногъ и высокими Альпами позади, съ легендами о Кипрской королевѣ, былъ первымъ его впечатлѣніемъ Италіи. И можно догадаться, что *Pirra Passes* была результатомъ скорѣе этого впечатлѣнія, чѣмъ многихъ лѣтъ послѣдующей его жизни во Флоренціи. Пиппа, Себальдь, Оттима, Джуліо, его невѣста, епископъ, шпіонъ, даже королева Кэтъ и ея пажъ—всѣ они были рождены этимъ неправильнымъ истолкованіемъ мѣстъ, временъ и исторій, которое такъ плодоносно въ поэзіи, потому что оно означаетъ зарожденіе вещей въ самой душѣ поэта, а не приспособленіе ихъ къ чему-то, что дается извнѣ.

Даже не будучи поэтомъ, вы можете прибѣгнуть къ этому способу путешествія по странѣ, гдѣ вы не знаете никого, запасшись только имѣющейя въ вашемъ распоряженіи

крошкой поэтическаго чувства, безъ котораго поэты и поэзія для васъ ничто. Несомнѣнно, что странствованіе въ поискахъ прошлаго, не смущаемыхъ знаніемъ настоящаго, удивительно благопріятствуетъ историческимъ и поэтическимъ ощущеніямъ. Американецъ, только что пріѣхавшій въ Лондонъ изъ Штатовъ, думаетъ о Джонсонѣ и Диккенсѣ на Флитъ-стритѣ; въ Оксфордѣ или Кембриджѣ въ его восхищеніе, подобно нотамъ въ аккордъ, входятъ и Чосеръ, и Шекспиръ, и Мильтонъ, и Тёрнеръ.

Питомцы Оксфорда или Кембриджа въ свою очередь испытываютъ подобные же восторги въ пансіонахъ Венеціи или Флоренціи; восторги, „восторженные“ почти пропорціонально незнанію языка и народа. Не будемъ же улыбаться, о, друзья, прожившіе въ Римѣ столько, что вы стали римлянами, не будемъ улыбаться мы, римляне, на иностранца, съ Бедекеромъ въ рукѣ удаляющагося отъ Колизея въ своемъ стремленіи приблизиться къ Колизею и стыдящагося и не умѣющаго спросить дорогу. Этотъ готъ или вандалъ въ дѣйствительности обладаетъ сейчасъ Римомъ, сливаетъ его чуда и славу со своимъ собственнымъ бытіемъ. Римъ принадлежитъ ему въ эту минуту. Принадлежитъ ли онъ намъ? Увы!

Природа и судьба (я не знаю кто,— мать или

дочь, онѣ такъ похожи другъ на друга) великодушны къ бѣднымъ невѣжественнымъ одинокимъ туристамъ и онѣ даютъ имъ то, чего не дадутъ тѣмъ, у кого больше удобствъ и досуга. Иначе я не могу объяснить фактъ, который находится внѣ всякихъ сомнѣній и очевиденъ для самага обыкновеннаго наблюдателя,—а именно, что всегда во время нашего перваго пребыванія въ какомъ-нибудь мѣстѣ, въ самомъ началѣ этого пребыванія и особенно, когда мы прозаически живемъ въ гостиницѣ или пансіонѣ, подвертывается нѣчто—процессія, серенада, уличная драка, ярмарка или собраніе пилигримовъ,—что показываетъ это мѣсто въ его особенно характерномъ освѣщеніи и что больше никогда ужъ не повторяется. Сами стихіи способны играть роль ради блага иностранца. Я помню грозу во вторую ночь, когда я попала въ первый разъ въ Венецію, грозу освѣщавшую Санъ Джорджіо, Салюте и всю лагуну такъ, какъ я больше никогда не видала съ тѣхъ поръ.

Я могу также поклясться, что видѣла Альгамбру подъ снѣгомъ, видѣла сверкающей бѣлый покровъ на миртовыхъ изгородяхъ, видѣла, какъ дрожатъ отраженія арокъ и куполовъ отъ падающихъ капель растаявшаго снѣга въ неподвижныхъ бассейнахъ. Вѣдь я не видала бы этихъ чудесъ, если бы жила въ

Гренадѣ или если бы вернулась туда послѣ. Это такъ случилось просто потому, что я едва успѣла пріѣхать и жила въ гостиницѣ.

Да, судьба дружески относится къ тѣмъ, кто рѣдко путешествуетъ, кто ѣдетъ за границу затѣмъ, чтобы видѣть новое, а не затѣмъ, чтобы ему было теплѣе или прохладнѣе, и не затѣмъ, чтобы встрѣтить людей, которыхъ можно встрѣтить вездѣ. Хвала туристу: онъ ходитъ въ хороводѣ сказки. Космополитъ не носитъ фланелевой рубашки за границей, потому что онъ вездѣ дома; и онъ въ точности знаетъ часъ и мѣсто, гдѣ ему необходимъ цилиндръ. Но вознаграждаетъ ли это?

6.

Есть и еще тайна, связанная съ путешествіемъ, но она слишкомъ тонка, чтобы передать ее словами. Все, что я могу сдѣлать—это спросить, знаете ли вы, что когда встрѣчаешь въ какой-нибудь аудиторіи или на лѣстницѣ какого-нибудь англійскаго деревенскаго дома фотографіи флорентійскихъ рельефовъ или французскихъ соборовъ или черные пожелтѣвшіе оттиски римскихъ руинъ Пиранези, то вдругъ чувствуешь Флоренцію, Руанъ, Реймсъ или Римъ, чувствуешь, какъ самая сущность ихъ превращается въ существо нашей душевной эмоціи?

Что же это значить? То, что въ нашемъ прочномъ мірѣ стоитъ имѣть только однѣ иллюзіи? Нѣтъ, это значить лишь, что ничто не можетъ предстать предъ очами капризнаго деспота, именуемаго нашей фантазіей, если только оно не провело передъ тѣмъ шести и шести мѣсяцевъ въ предѣлахъ его дворца, погруженное, подобно кандидатамъ въ фавориты восточнаго деспота, въ сладкія благовонія и мирру.

Старые итальянскіе сады.

1.

Въ Италіи есть также и современные сады, и я провела въ нихъ много пріятныхъ часовъ. Но это часть моей обычной жизни, которая касается только моихъ друзей и меня. Сады, о которыхъ я буду говорить, это тѣ сады, гдѣ я жила жизнью фантазіи, и куда я могу ввести праздныя мысли читателей.

Пріятно видѣть въ саду цвѣты. Я сдѣлала это замѣчаніе, потому что когда-то было очень много отличныхъ садовъ безъ цвѣтовъ вовсе; когда искусство устроенія сада дошло до окончательной высоты, тогда оно и стало относиться съ презрѣніемъ къ ихъ естественному матеріалу, подобно тому, какъ нѣкогда люди стали пѣть такъ хорошо, что тогда считалось вульгарнымъ имѣть какой-нибудь голосъ. Есть великолѣпный садъ около Пешіи въ Тосканѣ, расположенный террасами на склонѣ холма, съ удивительными фонтанами, которые уго-

щаютъ васъ душами, когда вы меньше всего этого ждете; и въ этомъ саду, окруженномъ подстриженными буксусовыми изгородями, цвѣтутъ только нетлѣнные цвѣты пестраго гравія, которымъ усыпаны дорожки. Я видѣла это своими собственными глазами. О подобномъ же садѣ близъ Генуи, съ дорожками, выложенными мраморными мозаиками и кусочками цвѣтныхъ стеколъ, съ персиковымъ деревомъ на стѣнѣ и съ клавибордами у порога, служащими вмѣсто дверного колокола или молотка, я слышала рассказы отъ одной моей знакомой, которая увѣряла, что провела въ немъ всю молодость. Но я подозреваю, что она сверхъестественнаго происхожденія, и что ея садъ существуетъ только въ мірѣ волшебницъ Аріосто, откуда она вѣроятно и ведетъ свой родъ. Но вернемся къ моему первому замѣчанію: пріятно имѣть цвѣты въ саду, хотя и не обязательно. У насъ, современныхъ людей, есть цвѣты, но у насъ нѣтъ садовъ. Я хочу протестовать противъ такого положенія вещей. Еще хуже этого предполагать, что вы можете устроить садъ, поставивъ стѣну или проведя ограду вокругъ поля, лѣса или вообще какой-нибудь части того, что неопредѣленно называется природой. Сады не имѣютъ никакого дѣла до природы или имѣютъ съ ней мало дѣла. Кромѣ

садовъ Эдема, которые, можетъ быть, были садами не болѣе, чѣмъ лондонская улица того же имени, сады были всегда и прежде всего дѣломъ рукъ человѣка. Я говорю—прежде всего, ибо эти открытые покои, гдѣ человѣкъ плететь ковры изъ травы и гравіа, и ставить стѣны изъ вѣчно-зеленыхъ дубовъ и платановъ, а вмѣсто крыши приспособляетъ голубые дни и звѣздныя или лунныя ночи, бываютъ окончательно завершены лишь когда Время украсить ихъ пятнами непогоды и мхами, а Фантазія передастъ ихъ въ руки добрыхъ маленькихъ совъ и опущенныхъ мѣхомъ летучихъ мышей и другихъ временныхъ владѣльцевъ въ человѣческомъ образѣ, но такихъ же боязливыхъ и одинокихъ, какъ совы и летучія мыши.

Такова современность или почти современность. Мнѣ было бы ужасно интересно узнать что-нибудь о старыхъ итальянскихъ садахъ въ очень давнія времена, задолго до того, какъ великолѣпіе римскихъ цезарей вмѣстѣ съ ихъ хищничествомъ и тщеславіемъ снова воскресло въ кардиналахъ и принцахъ шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтій. Мнѣ представляется, что тѣ сады были совсѣмъ скромны; садъ ранняго средневѣковья служилъ больше для пользы, чѣмъ для удовольствія, и уже совсѣмъ нисколько не для тщеславія. Ибо сады замковъ

непремѣнно должны были быть малы; едва ли вся земля между внутренними стѣнами и наружными валами, гдѣ могли расти овесъ и трава для корма лошадей, могла быть отдана лиліямъ и левкоямъ ея свѣтлости; салатъ и овощи росли тамъ, росли тамъ и лукъ и сельдерей, такъ какъ не всегда возможно было доставать зелень въ деревнѣ внизу, особенно когда кругомъ стояли враги или бродили возставшіе наемники; поэтому также тамъ было меньше розъ, чѣмъ виноградныхъ лозъ, грушъ или яблонь, взбиравшихся на самыя стѣны замка. Съ другой стороны, жители городовъ, слѣлавшись маленькими ремесленниками или торговцами, или даже банкирами, ссужавшими деньги королямъ Англійи и императорамъ, и совладѣльцами Константинополя, держали домъ въ строгой бережливости. Хотя они и много тратили денегъ на церкви, фрески, библіотеки и наряды, все же горожане пятнадцатаго столѣтія, чьи жены и дочери сами штопали бѣлье и присматривали за хозяйствомъ, едва ли смотрѣли на свои виллы, какъ на нѣчто большее, чѣмъ на простое деревенское рабочее мѣсто, гдѣ надо слѣдить за нанимателями и крестьянами и добывать вино и масло, и гдѣ плоды и цвѣты для стола доставляетъ садъ, едва отдѣленный отъ полей. Я думаю, что къ этому убѣжденію меня привели средне-

вѣковая поэзія и новеллы. Въ нихъ мало упоминается объ украшенныхъ садахъ: возлюбленные изъ Прованса приходятъ на свиданія въ плодовой садъ—„en un vergier sor folha d'albespi“—гдѣ майскіе цвѣты растутъ среди миндальныхъ деревьевъ. Боккачіо и другіе итальянцы обыкновенно употребляютъ слово *orto*, которое утратило свое латинское значеніе и обозначаетъ, какъ мы узнаемъ изъ контекста, мѣсто, засаженное плодовыми деревьями и полезными травами: шалфеемъ, принесшимъ несчастье бѣдной Симонѣ, и сладкимъ базиликомъ, который Лизабетта поливала, когда онъ выросъ изъ черепа Лоренцо, „только розовой водой или водой съ апельсиновыхъ цвѣтовъ, или своими собственными слезами“. Одинъ мой знакомый написалъ картину, изображающую третью героиню Боккачіо, мадонну Діанору, гуляющую въ саду, который (къ посрамленію ея цѣломудренныхъ уловокъ) влюбленный Ансальдо заставилъ расцвѣсти въ январѣ съ помощью магическаго искусства—маленькую картинку, полную милыхъ красивыхъ подробностей въ духѣ свадебныхъ ящиковъ Делло, прелестныхъ розъ и лилій, бьющихъ фонтановъ, поющихъ птицъ и все это на фонѣ зимнихъ деревьевъ и покрытыхъ снѣгомъ полей; онъ написалъ также прекрасныхъ юношей и дѣвушекъ, гуляющихъ среди

цвѣтовъ, самихъ похожихъ на тюльпаны и анемоны въ своихъ мѣховыхъ и парчевыхъ уборахъ. Но хотя въ этой новеллѣ Боккачіо употребилъ слово giardino вмѣсто orto, я думаю, мы можемъ скорѣе представить себѣ этотъ волшебный садъ цвѣтовъ, какъ уголокъ плодоваго сада, соединеннаго съ полями пшеницы и оливковыхъ деревьевъ длиннымъ навѣсомъ изъ виноградныхъ лозъ и большими кустами лаванды, размарина, укропа на травянистыхъ откосахъ подъ вишневыми деревьями. Это полоса спускающейся террасами земли, вдоль которой бѣжитъ вода, текущая изъ рта дельфина или груди сирены и заключенная въ обложенныя камнемъ канавы. Она равнодушно орошаетъ и фіалки, и салатъ, и лиліи, и высокій цвѣтущій лукъ подъ вѣтвями персиковыхъ и гранатовыхъ деревьевъ, а дальше, въ тѣни густыхъ кустовъ розоваго олеандра, изливается въ большой водоемъ, гдѣ дѣвушки по вечерамъ полощутъ бѣлье, а крестьяне наполняютъ водой лейки, чтобы поливать посаженные въ грядкахъ томаты и гвоздики въ горшкахъ, у стѣны дома.

Садъ Пресвятой Дѣвы похожъ на эти сады, тотъ садъ, гдѣ Она молится въ прохладѣ вечера, когда изящный Гавріилъ припадаетъ на одно колѣно (умѣривъ шумъ своихъ крыльевъ, какъ только онъ заставилъ Ее вздрогнуть), въ

блѣдномъ зеленомъ небѣ надъ глубокой голубовато-зеленой долиной. И вы еще можете увидѣть въ тосканскихъ поляхъ группы кипарисовъ, посаженныхъ кружкомъ, чтобы отмѣтить это самое мѣсто.

Переходъ отъ такого фруктоваго сада, отъ этого отъ старыхъ итальянскихъ новеллистовъ и художниковъ къ архитектурнымъ садамъ шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтія указанъ въ нѣкоторыхъ описаніяхъ и иллюстраціяхъ Гипнеротомахіи Полифила, своего рода руководства по археологіи, написаннаго въ формѣ новеллы фра Франческо Колонной, и изданнаго въ Венеціи около 1480 года. Здѣсь мы находимъ деревья и кусты, трактуемые такъ же, какъ постройки изъ кирпича и камня; мы видимъ стѣны, ниши, колоннады, сдѣланныя изъ подрѣзанныхъ вѣчно-зеленыхъ дубовъ и лавровъ, статуи, вазы, павлины, изображенные съ помощью буксуса; кромѣ всего этого здѣсь есть античные обломки, бюсты, надписи, разбитые алтари и триумфальныя арки, храмы Грацій и Венеры, вмазанные въ стѣны, такъ же, какъ на римскихъ виллахъ конца шестнадцатаго и семнадцатаго столѣтія. Но я сомнѣваюсь, можно ли Гипнеротомахію считать за образецъ садовъ эпохи самого Колонны. Я думаю, что его описанія — скорѣе описаніе того, о чемъ составляли его мечтать археологическія позна-

ніа и что осуществили они въ то время, когда античности было больше, чѣмъ въ раннемъ Ренессансѣ, и когда памятники древности могли быть свободно водворены въ садахъ. Классическій итальянскій садъ, въ сущности, римскаго происхожденія; онъ можетъ возникнуть только на вершинѣ засыпанныхъ землей античныхъ стѣнъ и термъ; его формы соотвѣтствуютъ руинамъ, находящимся подъ нимъ, его украшенія выкопаны изъ земли при посадкѣ деревьевъ. Но до времени Юлія II и Льва X Римъ былъ все еще средневѣковымъ городомъ, феодальнымъ и безпокойнымъ, на окраинахъ котораго, всегда опустошенныхъ распрями бароновъ, ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не сталъ бы самъ разводить сада, и гораздо болѣе приличествовали ему старые крѣпкіе замки, чѣмъ новые бельведеры и оранжереи. Въ самомъ дѣлѣ, рядомъ съ курьезными арками, храмами и лабиринтами, которые похожи на рисунки для игрушечныхъ коробокъ, мы видимъ среди иллюстрацій Полифила очаровательныя гравюры, изображающія виноградныя трельяжи, водоемы и фонтаны въ маломъ размѣрѣ и домашнемъ неклассическомъ стилѣ сада итальянскаго горожанина. Я не хочу сказать, что сады Лоренцо Медичи во Флоренціи, Катерины Корнаро въ Азоло, Гонзага близъ Мантуи, Эсте въ Скандіано и Сасуоло были ого-

родами, похожими на огородъ Изабеллы. Въ нихъ уже есть фонтаны и птичники, полные драгоцѣнныхъ птицъ, и огороженныя мѣста, гдѣ держать, съ большими затратами, верблюдовъ и жирафъ, и парки съ оленями и рыбными прудами. То были сады замка, сады фермы, но уже украшенные, великолѣпные и распространявшіеся на большія пространства. Они были, такъ же какъ и волшебные сады Боярдо и Аріосто, скопированные Спенсеромъ, типичными итальянскими садами болѣе поздняго времени.

А теперь, упомянувъ объ этой рѣдкостной и ученой Гипнеротомахіи Полифила (которую отнынѣ всякій, кто захочетъ проскучать нѣсколько дней, можетъ прочитать во французскомъ переводѣ господина Клода Попелена), я признаюсь, что для остальныхъ моихъ разсужденій я не воспользовалась ни Британскимъ музеемъ, ни Национальной парижской бібліотекой, ни бібліотекой Южно-Кенсингтонскаго музея (курсивъ мнѣ кажется необходимъ, чтобы подчеркнуть мое уваженіе къ этимъ пристанищамъ науки), но только свѣтомъ моего собственнаго бѣднаго разума. Ибо я не думаю, чтобы стоило читать о садахъ среди чернильныхъ пятенъ и книжныхъ шкафовъ; я сомнѣваюсь, стоитъ ли читать о нихъ вообще, кромѣ какъ у

Боккачіо и Аріосто, Спенсера и Тассо; впрочемъ, надѣюсь, что у моихъ читателей больше чисто литературныхъ склонностей, чѣмъ у меня.

2.

Климатъ Италіи (я продолжаю мои разсужденія) таковъ, что ей трудно и даже невозможно производить цвѣты, растущіе въ грунтѣ все лѣто. Послѣ великолѣпнаго цвѣтенія мая и іюня земля твердѣетъ, превращаясь въ терракоту, а солнце, которое заставляетъ распускаться и вянуть розы и лиліи съ такой волшебной быстротой, сожигаетъ все, даже большую часть колосьевъ пшеницы и стеблей маиса. Очень немногіе цвѣты-травы—вѣрныя, дружескія, веселыя цинніи, наримѣръ—могутъ продолжать цвѣсти, и только олеандръ становится отъ засухи все болѣе блестящаго розоваго цвѣта съ каждой новой недѣлей, торжествуя надъ пустой землей. Цвѣты въ Италіи собираютъ какъ хлѣбъ, коноплю или бобы; вы должны удовольствоваться сухой землей, когда одни цвѣты сняты и другихъ нѣтъ. Я говорю это, наученная многими горькими опытами безцвѣточныхъ лѣтъ, чтобы объяснить, почему итальянское цвѣтоводство главнымъ образомъ ведется въ горшкахъ—отъ большихъ декоративныхъ лимонныхъ деревьевъ, до горшковъ съ гвоздикой, геранью, туберозами и

жасминомъ на каждой стѣнѣ, на каждомъ выступѣ и окнѣ; такъ что, дѣйствительно, тотъ знаменитый сладкій базиликъ съ головой юнаго Лоренцо былъ посаженъ въ горшкѣ. Эта бѣдность цвѣточныхъ клумбъ и это обиліе горшковъ даетъ легко и естественно итальянскимъ садамъ возможность стать, подобно мавританскимъ сооруженіямъ изъ одной зелени и воды, дворцомъ, фонтаны котораго плещутъ на солнечномъ лугу, огороженномъ стѣнами миртъ и лавровъ, или въ таинственныхъ комнатахъ, покрытыхъ кровлей изъ вѣчно-зеленыхъ дубовъ и буксусовъ.

Такъ и случилось. Сначала понемногу; изгородь изъ буксусовъ и кипарисовъ—испаряя смолу на солнцѣ—ведетъ къ длинному низкому тосканскому дому съ башней или лоджіей на колоннахъ подъ самой крышей, для того чтобы дышать свѣжимъ воздухомъ или сушить бѣлье; нѣсколько искусно подрѣзанныхъ деревьевъ растутъ тутъ и тамъ вмѣстѣ съ тузовыми деревьями, гдѣ семья хозяевъ пьетъ вино и ѣстъ фрукты по вечерамъ; сзади маленькая роща вѣчно-зеленыхъ дубовъ, въ тѣни которой вы можете уснуть подъ трескъ цикады въ полдень. Затѣмъ рядъ кипарисовъ выстраивается наподобіе ширмы, отдѣляющей садъ отъ оливковой рощи; балюстрада устраивается въ концѣ зеленой лужайки, такъ что вы мо-

жете видѣть далеко внизу свѣтящуюся голубую долину и за ней блѣдно голубые холмы; нѣсколько античныхъ статуй, не достаточно красивыхъ для двора городского дома, ставятся на балюстрадѣ или подъ деревьями, а если вода въ изобиліи, маленькій водяной гротъ сооружается подъ полукруглой стѣной кипарисовъ. Все это очень скромно, но существенно непохоже на фруктовые сады и огороды средневѣкового гражданина; и изъ этого вышло нѣчто столь огромное и единственное, какъ классическая римская вилла.

Ибо этотъ новый садъ, этотъ настоящій итальянскій садъ внесъ новые элементы—элементы перспективы, архитектуры, декораціи; деревья использованы въ немъ какъ строительный матеріалъ, расположеніе мѣста,—какъ кулисы театра, вода—какъ самое послушное и многообразное средство украшенія. Теперь посмотримъ, что можетъ случиться, когда такіе сады начнутъ появляться въ Римѣ. Папы и папскіе племянники могутъ огородить огромныя пространства земли, конфисковать ихъ при помощи тонко сплетенной налоговой несправедливости или при помощи еще болѣе могучаго отчуждающаго средства—лихорадки; въ предмѣстьяхъ города они построятъ свое казино, сначала просто лѣтній домъ, чтобы пріѣзжать туда въ роскошныхъ каретахъ весенними вечерами

подышать воздухомъ со своими друзьями; а затѣмъ постепенно огромный дворець съ анфиладой комнатъ для гостей, конюшнями, капеллой, оранжереей, собраніемъ статуй и картинъ, съ добавочными флигелями, бельведерами, дворами и всѣмъ прочимъ! А вокругъ дома его преосвященства или его свѣтлости можетъ быть разбитъ садъ. Теперь пойдите на какую хотите окраину Рима и вы, навѣрное, встрѣтите руины—арки огромнаго акведука, полуразвалившіеся храмы, гигантскія террасы, принадлежащія какимъ то термамъ или какому-то дворцу, скрытому подъ землей и растительностью. Тутъ, конечно, вы найдете естественно идею архитектурнаго фона и архитектурной декораціи, за которой легко можно послѣдовать: разсаживая въ шахматномъ порядкѣ деревья, симметрично располагая рощи, длинные пролеты лѣстницъ, триумфальныя арки, большіе пруды, которые сами собой повинуются порядку вещей, находящихся надъ ними. Изъ-подъ земли же повсюду выходятъ легионы безголовыхъ безрукихъ статуй, въ изуродованномъ видѣ, которыя заботливо чинятся и занимаютъ свои мѣста—нѣмые часовые, бѣлые, испачканные землей, стоящіе на каждомъ перекресткѣ буксусовыхъ аллей, подъ каждой рощей вѣчно-зеленыхъ дубовъ, подъ каждымъ кипарисомъ, на каждомъ поворотѣ вьющейся

вверхъ дороги, вездѣ, гдѣ зелень можетъ образовать нишу, а вѣтвь—навѣсь. Также вазы, саркофаги, мраморныя ванны, маленькіе алтари, колонны могутъ быть дюжинами и сотнями вставлены повсюду, вмазаны въ каждую стѣну, посажены на фронтоны каждой крыши, на всякій фонтанъ, на всякое пустое мѣсто.

Въ ряду этихъ былыхъ обитателей садовъ Цезаря, Лукулла или Салюстія, которые послѣ тысячелѣтняго сна встаютъ изъ земли въ новыхъ садахъ алыхъ кардиналовъ и пурпуровыхъ принцевъ, разжирѣвшихъ на награбленной у своихъ предшественниковъ добычѣ, всякихъ этихъ Медичи, Фарнезе, Перетти, Альдобрандини, Людовизи, Роспильози, Боргезе, Памфили, въ ряду смиренныхъ каменныхъ созданийъ есть Гермы, и я хочу сказать о нихъ одно слово. Тамъ стоятъ эти выходящія изъ своего треугольнаго постаменты могучіе бюсты съ жилами ржавчины, изъѣденные трещинами, тамъ стоятъ Гермы подъ вѣчно-зелеными дубами, съ которыхъ капало и капало на нихъ въ безконечные дождливые дни и ночи давнихъ и недавнихъ временъ. Постепенно капли съѣдали тутъ глазъ, тамъ щеку; здѣсь дополняли онѣ мхомъ недостатокъ позолоченныхъ волосъ, тамъ покрыли бороду зеленой тиной; между тѣмъ какъ заштопанный подбородокъ и приклеенный носъ придали ли-

цамъ комическій видъ свирѣпыхъ нѣмецкихъ дуэлянтовъ. Были ли то бюсты Цезарей, поспѣшно поставленные при восшествіи на престоль какого-нибудь Тиберія или Нерона, поспѣшно передѣланные въ какого-нибудь Каллигулу или Гальбу, или то были верхнія части мраморныхъ тѣлъ чудовищныхъ императоровъ, брошенныхъ въ Тибръ послѣ того, какъ ихъ влчили по улицамъ? Или онѣ были философами, по вашему выбору, Платономъ или Аристотелемъ, Зенономъ или Эпикуромъ, управлявшими нѣкогда теченіемъ поэзіи и науки, стоя въ аристократическихъ или профессорскихъ библіотекахъ? Или, можетъ быть, эти безформенные обломки, глуповато улыбающіеся своими глазными впадинами безъ зрачковъ, и своимъ истертымъ ртомъ, имѣли когда то носъ работы Фидія и купидоновы губы, изваянныя Праксителемъ?

3.

Одна книга семнадцатаго вѣка— „Сады Рима съ ихъ планами и перспективами, нарисованные и гравированные Джіов. Баттиста Фальдой, изданные въ типографіи Джіов. Джакомо де Росси, называемой Парижской, близъ церкви Паче въ Римѣ“—доказываетъ всякому именами архитекторовъ, которые чертили планы, что римскія виллы являются дѣйствительно

особаго рода архитектурой, исполненной только изъ живого, а не мертваго матеріала.

Этому новому роду архитектуры соотвѣтствуетъ и новый родъ скульптуры. Антики прекрасны въ своихъ нишахъ изъ буксуса и лавра подъ навѣсами свѣшивающихся вѣтокъ вѣчно-зеленаго дуба; они въ своемъ изуродованномъ, потемнѣвшемъ отъ времени мраморѣ являются только особымъ сортомъ природнаго матеріала, но старая скульптура, уподобившаяся такимъ образомъ, при посредствѣ земли, вѣтра и дождя, стволамъ деревьевъ и мшистымъ камнямъ, даетъ мѣсто и новой скульптурѣ, пытающейся сдѣлать изъ мрамора нѣчто такое, что продолжало бы впечатлѣніе деревьевъ и водъ; ея волнистыя линіи похожи на вѣтви, ея гибкія формы подобны струямъ фонтановъ. Давно пора прекратить насмѣшки, пора оставить презрѣніе къ великимъ скульптурамъ Бернини и его итальянскихъ и французскихъ послѣдователей—послѣднему искреннему проявленію Ренессанса,—къ декоративной скульптурѣ, составлявшей одно цѣлое съ мѣстомъ и освѣщеніемъ окружающихъ вещей. Негодная, какъ комнатное украшеніе, какъ свободное ваяніе въ античномъ смыслѣ, эта скульптура дала намъ въ концѣ концовъ единственныя произведенія, которыя вполнѣ идутъ къ открытому воздуху, къ волнистымъ деревьямъ, къ

дикой растительности, пускающей ростки подъ влажнымъ, жаркимъ римскимъ небомъ повсюду, на каждомъ дюймѣ римскихъ стѣнъ изъ кирпича и травертина. Конечно, у нихъ довольно комичный видъ, если разглядывать ихъ въ подробностяхъ—комичный видъ у этихъ ангеловъ, нѣжно улыбающихся и жестикулирующихъ съ эмблемами страстей въ рукахъ, этихъ папъ и святыхъ, растопыривающихъ колоссальные пальцы и простирающихъ въ небо гигантскія руки съ парпетовъ, мостовъ и церковныхъ фронтоновъ. Но представьте себѣ, что произведениями тонкой классической скульптуры замѣнены грузные манекены, борющіеся съ ужасной высотой, съ подавляющей огромностью всѣхъ вещей въ Римѣ; представьте маленькихъ оловянныхъ солдатиковъ, поднимающихся въ небѣ вмѣсто этихъ манерныхъ театральнхъ созданій, заносчиво взлетѣвшихъ подъ облака, этихъ обрывковъ разорванныхъ вѣтромъ тучъ, окаменѣвшихъ случайно! Помните Аполлона и Дафну Бернини, группу попавшую, къ несчастью, въ комнату съ четырьмя углами, съ которой спорить каждая ея линія; та же группа, если бы ее помѣстили въ саду, суммировала бы впечатлѣнія зелени сада и парка въ своихъ волнующихся, округлыхъ линіяхъ, не безъ кокетливой сдержанности впрочемъ въ драпировкахъ, волосахъ, превращающихся

въ листьѣ, гладкомъ стволѣ, въ который обращаются тѣла бѣгущей нимфы и преслѣдующаго ее бога.

Великимъ произведеніемъ этой школы Бернини, проявляющей себя лучше всего въ скульптурѣ садовъ, являются фонтаны. Никто до семнадцатаго вѣка не подозрѣвалъ, что можетъ существовать такая связь между камнемъ и водой, одинаково покорными рукѣ художника. Средневѣковымъ итальянскимъ фонтаномъ былъ просто водоемъ, большое корыто съ львиными пастями, извергавшими въ него воду, украшенное кое, какими архитектурными и скульптурными вымыслами. Въ эпоху Ренессанса мы видимъ уже болѣе сложныя произведенія искусства — Нептуновъ съ трезубцами, возсѣдающихъ среди сиренъ, выжимающихъ воду изъ груди, и купидоновъ, ѣдущихъ верхомъ на дельфинахъ, какъ въ великолѣпномъ фонтанѣ въ Болоньѣ, или юношей, передавшихъ тяжесть тѣла на одну ногу и поддерживающихъ надъ головой черепахъ, какъ на фонтанѣ Рафаелевыхъ черепахъ на пьядца Маттеи въ Римѣ; или наконецъ болѣе сложные архитектурные замыслы, какіе показываютъ фонтаны на виллѣ Баньяя близъ Витербо. Но эти фонтаны хороши и тогда, когда въ нихъ нѣтъ воды; такъ же хорошо они могутъ быть переведены въ бронзу или серебро; они похожи

на удивительныя ювелирныя солонки или вазы для фруктовъ; все восхитительно, кромѣ самой воды, которая льется тонкими струйками, какъ изъ лейки. Это приличное украшеніе для Флоренціи, гдѣ чистую воду пьютъ только по воскресеньямъ и праздникамъ, и для Болоньи, гдѣ никакой воды совсѣмъ и нѣтъ.

Семнадцатое столѣтіе сдѣлало изъ своихъ фонтановъ нѣчто совсѣмъ иное, нѣчто столь же прохладное, обильное водой, брызгами и водяной пылью, какъ фонтаны Мавританскихъ садовъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ нѣчто полное живыхъ формъ и фантазіи. Вода никогда въ нихъ не одинока, но сопровождается всѣми водными символами власти, воли и каприза. Они такъ абсолютно правы, эти римскіе фонтаны школы Бернини, такъ на мѣстѣ, что мы принуждены считать ихъ за нѣчто вполне натуральное, какъ будто эти кони, вставшіе на дыбы среди бьющихъ снизу струй и падающихъ сверху брызгъ, этотъ тритонъ, покрытый завѣсой воды, льющейся черезъ края его раковины, этотъ мавръ въ тюрбанѣ, этотъ важный египетскій рѣчной богъ, эти морскіе коньки среди маленькихъ водопадовъ низвергающихся съ пѣной въ водоемъ, эти водяныя отвѣсно падающія скатерти, эти струйки, похожія на ледяныя сосульки и стекающія съ искусственныхъ скалъ, все это черное отъ сѣвер-

ныхъ вѣтровъ и желтое отъ мховъ—все это всегда, всегда было въ римскихъ садахъ и на римскихъ площадяхъ свидѣтельствомъ естественнаго совершенства вещей не болѣе достойныхъ удивленія, чѣмъ скалы у горныхъ озеръ и на морскомъ берегу. Такое искусство не подлежитъ описанію; необходимы чертежи, чтобы показать, какъ въ каждомъ случаѣ линіи скульптуры тонко гармонируютъ, или стремятся гармонировать, съ безконечно разнообразнымъ, окончательно прихотливымъ движеніемъ воды. Скульпторъ выказываетъ здѣсь безконечную скромность, соглашаясь принести въ жертву свою собственную работу, сдѣлавъ ее неинтересной само по себѣ, ради тѣхъ часовъ и дней, которые онъ долженъ былъ провести, слѣдя за великолѣпными движеніями и удивительными причудами естественныхъ водопадовъ — нѣтъ, даже просто слѣдя за игрой воды на каждой запрудѣ, на камняхъ каждаго горнаго ручья, на каждомъ мельничномъ колесѣ. Только замѣчая отсутствіе его въ другихъ мѣстахъ (въ фонтанахъ, на примѣръ, нынѣшняго Парижа), мы цѣнимъ это римское искусство водяной скульптуры. И въ то же время мы принимаемъ фонтаны, какъ великолѣпную гармонію природы и искусства — природы, управляемой искусствомъ, искусства, вскормленнаго природой—на

римскихъ виллахъ, волнующихъ свои ряды пиній и дубовъ надъ холмами и равнинами Кампаньи или гордо возвышающихъ террасами свои виноградники и роши повсюду кругомъ на крутыхъ склонахъ Альбанскихъ и Сабинскихъ горъ.

4.

Книга съ гравюрами виллъ вельможныхъ принцевъ Альдобрандини, Памфили, Боргезе и другихъ, показываетъ намъ, что первоначальные владѣльцы и создатели виллъ должны были получать отъ нихъ лишь малое удовольствіе. Здѣсь разъѣзжали они въ своихъ огромныхъ каретахъ среди безчисленныхъ поклоновъ и любезностей, расточаемыхъ дамами, кавалерами и нарядными аббатами, встрѣчавшимися имъ по пути; здѣсь разъѣзжали принцы въ перьяхъ и лентахъ, кардиналы въ шелкахъ и горностаяхъ. Но чудесные сады, за которые мы ихъ такъ благодаримъ, были въ то время чѣмъ то совсѣмъ маленькимъ и низенькимъ, въ родѣ капустныхъ грядокъ кухарки, а вовсе не тѣми рощами вѣчно-зеленыхъ дубовъ и кипарисовъ, которыя знаемъ мы, ибо, увы, величайшіе принцы, великолѣпнѣйшіе кардиналы не могутъ подкупить время или заставить его поспѣшить.

Итакъ, сады были посажены и росли. Для кого? Конечно, не для людей той эпохи, которые, несомнѣнно, были бы шокированы тѣмъ, что увидѣли бы, если бы могли предвидѣть... Можетъ быть для ихъ тѣней? Едва ли. Одинъ изъ моихъ друзей, чѣмъ указаніямъ въ этихъ дѣлахъ я слѣпо вѣрю, увѣрялъ меня, что сады посѣщаются не цѣликомъ ожившими тѣнями дамъ и кавалеровъ былыхъ временъ, не ихъ повседневными тѣнями, скучнымъ подобіемъ насъ самихъ, но тѣнями нѣкоторыхъ моментовъ ихъ существованія, нѣкоторыми шелестами и шорохами, вѣяніями минутной граціи, безотчетной задумчивости и печали, воспоминаніями нѣкоторыхъ выраженій лица и интонацій голоса, призракамивещей, быть можетъ, наименѣе прочныхъ, которые какъ будто бы превращаются въ ничто на землѣ, но которые на самомъ дѣлѣ одни проникаютъ въ свои старыя жилища, цѣпляются за статуи въ видѣ плюща, взлетаютъ и падаютъ вмѣстѣ съ брызгами фонтановъ, дышатъ въ запахъ жимолости и шепчутъ въ щебетаніи птицъ въ шумѣ листьевъ и высокой волнующейся травы. Есть стихи Верлена, которые всегда приходили мнѣ на память, напѣтыми на мотивъ меланхолическаго менуэта Форе, когда я бывала въ этихъ итальянскихъ садахъ, римскихъ и флорентійскихъ, бывала духовно или тѣлесно:—

„Votre âme est un paysage choisi
 Que vont charmant masques et bergamasques
 Jouant du luth et quasi
 Tristes sous leurs déguisements fantasques.
 Tout en chantant sur le mode mineur
 L'amour vainqueur et la vie opportune,
 Ils n'ont pas l'air de croire à leur bonheur;
 Et leur chanson se mêle au clair de lune,
 Au calme clair de lune triste et beau
 Qui fait rêver les oiseaux dans les arbres
 Et sangloter d'extase les jets d'eau
 Les grands jets d'eau sveltes parmi les marbres.

5.

И это заставляет меня задумываться о томъ, что дѣлается въ этихъ садахъ, когда повертывается ключъ въ ихъ заржавленной рѣшеткѣ и сторожъ уходитъ спать, ложась подъ своимъ ружьемъ, висящимъ на стѣнѣ. Что можетъ быть въ такихъ мѣстахъ, какъ напримѣръ, Мондрагоне, около Фраскати, или покинутая вилла Пуччи близъ Синьи, въ великія майскія ночи, когда мой собственный крохотный клочокъ сада, не выходящій изъ круга кухонныхъ звуковъ и ламповаго свѣта, становится чудеснымъ и магическимъ отъ поднимающихся запаховъ, отъ пѣнія соловьевъ, отъ танцевъ летающихъ свѣтляковъ, быстро мелькающихъ въ темнотѣ какъ пляшущіе люди съ звѣздочками на головахъ? Въ такія тайныя мѣста, въ которыхъ поэзія прошлаго соединена съ

поэзіей лѣтнихъ ночей, никто не долженъ проникать иначе, какъ отказавшись отъ своей грубой плоти, отбросивъ всѣ привычки, оставивъ всѣ связи съ міромъ за воротами сада.

А разъ я упомянула о воротахъ, я не могу не вспомнить другихъ итальянскихъ садовъ, можетъ быть самыхъ поэтическихъ и трагичныхъ—садовъ, которые перестали существовать. Вы встрѣтите ихъ на каждой итальянской большой дорогѣ или деревенской тропинкѣ. Полоска поля нѣжно-зеленой пшеницы зимой, буро-оранжеваго засохшаго майса и колосистаго сорго лѣтомъ; широкая заросшая травой аллея все еще говоритъ о каретахъ, когда то катившихся по ней; большая каменная скамья съ вздувшейся, похожей на раковину спинкой укрыта въ кустахъ розмарина, а въ началѣ аллеи, среди нѣсколькихъ торжественно группирующихся кипарисовъ или величественно выстроившихся въ рядъ тополей, стоятъ ворота изъ очаровательно вычеканеннаго желѣза, открытыя ворота между двумя столбами съ лѣпными украшениями и двумя пустыми вазами, увѣнчанныя гербомъ,—ворота, которыя не ведутъ никуда.

LAURUS NOBILIS

Искусство и страна.

(Тосканскія замѣтки).

„...Это обитатели настоящихъ горныхъ городовъ; Флоренція стоитъ совершенно среди горъ, какъ Инсбрукъ, только у горъ здѣсь болѣе мягкіе контуры“. — Рескинъ. „Современные художники“.

IV, гл. XX.

I.

Сидя въ одинъ изъ январскихъ вечеровъ при закатѣ солнца на склонѣ горы Фіезоле надъ каменоломнями (нѣсколько маргаритокъ на длинныхъ стебляхъ растутъ у моихъ ногъ среди гравія, все еще слабыя отъ ночного мороза),—я думала, и мои мысли принимали окраску и духъ этого мѣста. Онѣ кружились, какъ кружатся тропинки вокругъ холмовъ съ этими древне-греческими и старо-итальянскими городами, гдѣ вдоль циклопическихъ стѣнъ и растущихъ террасами оливокъ идутъ дорожки, проложенныя когда то впервые пастухами и козами, такими, какъ мы видимъ ихъ

и теперь на всѣхъ каменистыхъ склонахъ кругомъ. Что это были за цивилизаціи, которыя выросли на скалахъ, подобно дикой мятѣ и зеленымъ пахнущимъ миррой травамъ, которыя росли подъ палящимъ солнцемъ на камняхъ и подъ вихрями вѣтра въ долинахъ! Онѣ миновали, исчезли, и ихъ существованіе было бы невозможно въ наше время. Но онѣ оставили намъ свое искусство, эссенцію, которую онѣ источили изъ окружавшаго ихъ міра. И оно такъ же прекрасно для нашихъ душъ, какъ закатъ солнца и вѣтеръ, какъ ароматный запахъ травъ въ ихъ горахъ.

II.

Мнѣ хочется иногда думать, что худшимъ мѣстомъ для того, чтобы узнать, почувствовать и понять живопись, является музей, а лучшимъ, можетъ быть, поля; поля (или, если говорить о Венеціи, обильныя воды) изъ которыхъ съ ихъ свойствами воздуха, свѣта, рядомъ впечатлѣній и настроеній можно вывести художественный темпераментъ всякой мѣстной школы.

Ибо понять искусство какого-либо рода, значить, въ концѣ концовъ, не столько понять его связь съ другими родами искусства, но почувствовать его отношеніе къ намъ самимъ. Понимать искусство, значить жить со-

гласно тѣмъ душевнымъ настроеніямъ, которыя оно предписываетъ. И вотъ, эти переходы изъ одной музейной комнаты въ другую, это стараніе заставить себя проникнуться разными искусствами мѣшаютъ образоваться какому-либо опредѣленному состоянію души и вызываютъ то, что является наиболѣе враждебнымъ всякому душевному покою, всякому единству бытія: сравненіе, анализъ, классификацію. Вы можете совершенно точно знать разницу между Джотто и Симоне Мартини, между какимъ-нибудь феррарцемъ и венеціанцемъ, между Праксителемъ и Скопасомъ, и притомъ, однако, вовсе не понимать значенія, какое всѣ они могутъ имѣть для нашей жизни и вовсе не сознавать измѣненій, которыя они могутъ произвести въ нашей душѣ. И въ этомъ то, я боюсь, и заключается часто причина того, что изслѣдователи искусства и археологи, по тайному подозрѣнію невѣждъ и добрыхъ филистеровъ, слишкомъ мало выигрываютъ отъ своей близости къ искусству.

Всякое искусство, которое органично,—а если оно не органично, то оно не можетъ быть дѣйственно,—основано на традиціи. Это звучитъ тавтологіей, потому что мы рѣдко отдаемъ себѣ отчетъ въ томъ, что подразумѣвается подъ словомъ традиція. Для художника это—что дѣлать, для публики это—какъ

чувствовать: привычка, накопленіе возможностей индивидуальнаго творчества или индивидуальной воспріимчивости, повышающее силу дѣйствія того и другого до огромныхъ размѣровъ. Можно привести отдѣльные примѣры—Канта, Дарвина, Микельанджело, Моцарта,—какъ мало въ нихъ абсолютно новаго; какъ слабы варіаціи, какъ незамѣтны тѣ комбинаціи и пріемы, которые отмѣчаютъ въ концѣ-концовъ самый высшій полетъ генія; смѣшно ждать отъ средняго человѣка, отъ простаго зрителя или слушателя, человѣка нисколько не творческаго, проникновенія сразу безъ необходимаго предварительнаго посвященія въ соотвѣтствующее состояніе пониманія и радости. Но, обыкновенно, такія мысли не приходятъ намъ въ голову въ то время, какъ мы распространяемся о творческой оригинальности художниковъ и поэтовъ, принимая за откровеніе, мгновенно открывшійся намъ доступъ къ ихъ произведеніямъ, забывая или не понимая въ обоихъ случаяхъ удивительную силу традиціи.

Въ примѣненіи къ намъ, современнымъ писателямъ, для которыхъ традиціи, напримѣръ, тосканскаго искусства такъ давно были превраны и перемѣшаны съ разными другими традиціями—въ примѣненіи къ намъ самимъ, я склонна думать, что мы можемъ лучше понять

это искусство при внимательномъ отношеніи къ формамъ болѣе скромнаго и народнаго творчества, которыя первоначально создали и укрѣпили интересъ къ искусству въ томъ народѣ, для котораго работаль тосканскій мастеръ.

Картины и статуи, даже въ традиціонный періодъ, воплощаютъ сумму чисто личныхъ переживаній отдѣльныхъ художниковъ, свидѣтельствуемыхъ о такихъ сторонахъ дѣятельности—о подражаніи, самоутвержденіи, соревнованіи, которыя не имѣли настоящаго эстетическаго значенія. А въ теченіе пятнадцатаго столѣтія, особенно въ Тосканѣ, струя традиціоннаго эстетическаго чувства была перемѣшана еще съ чистѣйшими научными тенденціями: художникъ или скульпторъ бываль часто здѣсь прежде всего анатомомъ, археологомъ или перспективистомъ. Можно, поэтому, двадцать лѣтъ имѣть дѣло съ художникомъ и скульпторомъ тосканскаго ренессанса и все-таки составить лишь слабое представленіе о спеціальномъ эстетическомъ характерѣ, о „добрыхъ качествахъ“ (говоря языкомъ старыхъ гербористовъ) тосканскаго искусства. Поэтому я предлагаю оставить въ покоѣ картины и статуи до тѣхъ поръ, пока вы не познакомитесь достаточно съ особеннымъ свойствомъ, мелькающимъ въ нихъ, пока не на-

учитесь выдѣлять его и освобождать отъ постороннихъ элементовъ. Изучимъ природное „доброе качество“ тосканскаго искусства, ту категорію въ немъ, которая наименѣе индивидуальна, наиболѣе традиціонна, наиболѣе органична и наиболѣе свободна отъ научнаго вліянія, то-есть архитектуру и декоративное искусство; а объ архитектурѣ будемъ лучше судить по ея скромнымъ, не бросающимся въ глаза произведеніямъ, чѣмъ по великимъ исключительнымъ созданіямъ, которыя заключаютъ въ себѣ, подобно флорентійскому куполу, утвержденіе личности, преодоленіе небывалой трудности и даже презрѣніе къ мнѣнію другихъ людей. Я думаю, что, научившись не просто знать, но чувствовать это качество, научившись наслаждаться вполнѣ специфическимъ свойствомъ ясности и сдержанности, простоты средствъ и величія пропорцій домашней архитектуры и декораціи пятнадцатаго вѣка, научившись подчиняться настроенію особенныхъ прямыхъ и кривыхъ, особенной формы столбовъ, на примѣръ, внутри флорентійскихъ домовъ, или рельефовъ на гербахъ и каминахъ въ фермахъ тосканскихъ горъ и на обыкновеннѣйшихъ надгробныхъ плитахъ въ Санта Кроче,—можно лучше оцѣнить, хотя бы, Боттичелли или Пьеро делла Франческа, чѣмъ послѣ долгихъ сравненій ихъ

картинъ съ произведеніями другихъ художниковъ. Ибо при знакомствѣ съ этимъ скромнымъ, совсѣмъ безличнымъ и традиціоннымъ искусствомъ особое самочувствіе, которое есть спеціальное эстетическое ощущеніе, свойственное тосканскому искусству, должно глубоко внѣдриться и пробуждаться при малѣйшемъ соприкосновеніи со свойствами этого искусства, такъ что явленія его не могутъ пройти незамѣченными. Въ этомъ, я думаю, и заключается тайна всякаго эстетическаго воспитанія: въ усиленіи привычки совсѣмъ автоматически отвѣчать на призывъ искусства, — идти или плясать подъ лиру Аполлона, повинувась непреодолимому инстинкту, съ какимъ крысы и дѣти бѣгутъ за играющимъ флейтистомъ. Таково воспитаніе, которое совсѣмъ безсознательно и случайно доходитъ до людей отъ прошлаго черезъ ежедневныя привычныя формы, существующія и варирующіяся въ самыхъ общихъ предметахъ и въ самыхъ высокихъ произведеніяхъ искусства. И только благодаря этому высокое искусство приходитъ въ необходимое соприкосновеніе съ даже самыми будничными людьми: традиція, которая уже существовала, неизбѣжно рождаетъ будущую традицію.

Возвращаясь же къ намъ, современнымъ писателямъ, которые должны намѣренно воз-

становлять былыя эстетическія традиціи, скажу, что по отношенію къ тосканскому искусству мы можемъ научиться многому, сберегая и впитывая настроенія такого нѣскольکو морознаго вечера, какъ сегодняшній, съ его особеннаго вкуса воздухомъ, особенными контурами горъ и извивающихся дорогъ, и выдѣляющимися въ нѣжномъ свѣтѣ кустарниками или кипарисами, — большему, во всякомъ случаѣ, чѣмъ въ комнатѣ, гдѣ Синьорелли и Липпи, Анджелико и Поллайоло, всѣ говорятъ различныя вещи на разныхъ языкахъ.

III.

Эти мысли и тѣ, которыя я попытаюсь высказать дальше, стали формироваться у меня въ одно зимнее утро, нѣскольکو лѣтъ тому назадъ, когда я стояла среди виноградниковъ въ маленькой цѣпи холмовъ, отдѣляющихъ долину Омброне отъ нижней долины Арно. Каменистые холмы, каменистыя дороги между безлистными сиреневыми буками, каменистые контуры гребней, окаймленныхъ рѣдкими багряными зимними деревьями; кое-гдѣ темныя, зеленыя пиніи, и наконецъ оливы и сѣрнисто-желтыя сухія виноградныя лозы; внизу широкая долина, омытая и блѣдно-голубая, и Монте Морелло, выдѣляющееся изъ тумана напротивъ. Повидимому въ Апеннинахъ вы-

паль снѣгъ, и внезапно, хотя и понемногу, здѣсь тоже началъ падать снѣгъ, покрывая голубыя дали и желтые виноградники легкой вуалью. Стоялъ рѣзкій холодъ. Дома, когда я вернулась съ прогулки, дѣти прилипли къ окнамъ, крича отъ радости, что выпалъ снѣгъ. Мы, взрослые, хотя живемъ и болѣе разумной жизнью, должны были также радоваться подобному зрѣлищу. То былъ настоящій тосканскій или, скорѣе (тосканскій въ томъ смыслѣ, въ какомъ я употребляю здѣсь это слово, ибо географически Тоскана очень велика и разнообразна), настоящій флорентійскій день. Красота, изысканность, ясность, но не безъ суровости, доведенной до какой-то остроты. Это то и есть то свойство, которое мы находимъ во всемъ самомъ характерномъ для тосканскаго искусства. Такая страна, какъ Тоскана, выжженная лѣтомъ, обвѣваемая вѣтрами зимой, всегда каменистая и холмистая, страна въ высшей степени сухого, яснаго, движущагося воздуха, приводитъ насъ въ доброе, активное и сдержанное состояніе духа,—въ ней такъ же, какъ въ этихъ морозныхъ дняхъ, которые къ ней идутъ лучше всего, есть нѣчто, что даетъ жизнь и требуетъ жизни: качество счастливо направленнаго усилія. Искусство, созданное народомъ, въ которомъ часто бываетъ такое положеніе вещей, должно не-

премѣнно передавать это состояніе души другимъ людямъ.

Итакъ, связь между страной и ея искусствомъ нужно, главнымъ образомъ, искать въ томъ обстоятельстве, что всякое искусство выражаетъ данное состояніе бытія—эмоціи, не непременно человѣческія, но вообще жизненные; можно сказать, что оно выражаетъ не то, что мы любимъ или ненавидимъ, но скорѣе какъ мы любимъ или ненавидимъ, вообще—какъ мы живемъ. Формы горъ, краски, воды и все прочее данной страны входятъ въ ея искусство, не столько какъ предметъ изображенія, сколько какъ сила вліяющая на душевный складъ даннаго художника. Поэтому, хотя музыка и литература никогда въ дѣйствительности не воспроизводятъ какую-нибудь страну, тѣмъ не менѣе онѣ могутъ очень сильно зависѣть отъ ея характера.

Vita Nuova и дѣйствительно великія (а не только исторически интересныя) мѣста Божественной Комедіи и народныя пѣсни сборника Тигри такъ же вышли изъ этихъ тосканскихъ горъ и холмовъ, какъ любая картина, въ которой мы узнаемъ ихъ контуры и краски. Однако, вѣдь изображеній тосканской природы (кромѣ всегда присутствующаго въ ней ощущенія основныхъ свойствъ здѣшняго воздуха и свѣта, кромѣ постояннаго чувства горъ, скалъ

и камней) мало въ Божественной Комедіи и совсѣмъ нѣтъ ни въ старыхъ, ни въ болѣе новыхъ лирикахъ, и даже не очень много въ пейзажахъ картинъ. Задній планъ тосканской живописи пятнадцатаго столѣтія составляютъ не эти каменистыя мѣста, выжженные солнцемъ и выметенныя вѣтромъ, но зеленыя лужайки и поляны, бывшія въ большой модѣ во всѣхъ странахъ въ средніе вѣка и только проникнутыя тѣмъ сдержаннымъ, изысканнымъ, законченнымъ характеромъ, который и есть подлинный продуктъ этихъ каменистыхъ холмовъ. Равнымъ образомъ на тосканцевъ вліяли грація, ясность и здравость оливковъ, ихъ неистощимая сила и разнообразіе; однако много ли художниковъ рисовало оливки? То, что народъ никогда не рисовалъ и не описывалъ своихъ пейзажей, можетъ показывать, что онъ не относился къ нимъ сознательно, но это не должно означать, что онъ не чувствовалъ ихъ эстетически, такъ сказать, нервами. Ихъ свойства, ихъ качества могли сказаться въ самой манерѣ этого народа рассказывать или писать совсѣмъ другія вещи. Тосканское свойство — свойство формы, потому что лишь форма выражаетъ состояніе души.

IV.

Это тосканское и какъ бы аттическое качество,—есть что-то родственное ему въ нѣкоторыхъ греческихъ архаическихъ скульптурахъ, — можно встрѣтить уже совершеннымъ и зрѣлымъ на фасадахъ раннихъ средневѣковыхъ церквей Пистойи. Можно встрѣтить, я говорю, потому что это качество, обостренное, сдержанное и распредѣленное съ гармоничнымъ спокойствіемъ, открывается только нѣкоторымъ наиболѣе тонкимъ и внимательнымъ наблюдателямъ. Маленькія церкви (ихъ всего четыре или пять) принадлежатъ къ такъ называемому пизано-романскому стилю; и ихъ фронтоны, рѣзныя арки, капители, архитравы и порталы подобны въ планѣ, и во всемъ, что запоминаетъ умъ, соотвѣтственнымъ частямъ безчисленныхъ современныхъ имъ церквей Лукки. Но при сравненіи ярко выступаетъ особенное свойство церквей Пистойи. Луккскія церкви (съ нѣкоторыхъ изъ нихъ, еще до реставраціи, Рескинъ сдѣлалъ удивительные рисунки акварелью, нынѣ въ Оксфордѣ) достигли живописности; онѣ лучше въ рисункѣ, чѣмъ въ дѣйствительности; дожди и время не мало постарались за нихъ. Маленькія же церкви Пистойи съ ихъ менѣе богатыми профилями, съ меньшей выпук-

лостью рельефовъ, менѣе частымъ орнаментомъ изъ животныхъ или цвѣтовъ, съ пилястрами или полуколоннами, вмѣсто колоннъ, сдѣлались, можетъ быть, совершенными въ тотъ самый день, когда были закончены; тонкое равновѣсіе прямыхъ линій и арокъ, нѣжная рѣзьба и инкрустація на плоской поверхности можетъ быть только нѣсколько выиграла отъ пыли и плѣсени вѣковъ, болѣе отчетливо вычертившихъ ихъ узоры на болѣе нѣжно окрашенномъ временемъ мраморѣ. Я упомянула объ этихъ церквахъ прежде всего, потому что ихъ кажущаяся незначительность—маленькіе плоскіе фасады съ очень скудными украшеніями—даетъ намъ возможность легче схватить особую, нѣжную строгость въ ихъ прелести. Но онѣ естественные хотя скромные отпрыски двухъ великихъ и глубокихъ произведеній искусствъ и меньшія сестры произведенія только на одну ступень менѣе удивительнаго: я говорю о Пизанскомъ соборѣ, Флорентійскомъ баптистеріи и Санъ-Миньято. Изумительная природа наиболѣе совершеннаго изъ этихъ трехъ зданій (я все-таки колеблюсь въ выборѣ, вспомнивъ абсиду и боковые фронтоны Пизанскаго собора) можетъ быть лучше понятна оттого, что, когда стоишь передъ флорентійскимъ баптистеріемъ то совсѣмъ рядомъ видишь красивую колокольню Джотто. Глядя

на нихъ поочереди, находишь, что готическая смѣлость распредѣленія свѣта и тѣни въ кампаниле заставляеть окна, пилястры и карнизы баптистерія казаться съ перваго взгляда слишкомъ плоскими и неинтересными. Но послѣ перваго впечатлѣнія, когда это чувство плоскостности проходитъ, становится уже невозможно смотрѣть на колокольню съ прежнимъ чувствомъ удовлетворенія. Глаза и мысли возвращаются къ совершенству баптистерія; по странному парадоксу есть больше глубины въ этомъ съ перваго взгляда слабомъ и плоскомъ рельефѣ, въ этихъ архитравахъ и желобчатыхъ колонкахъ изъ зеленаго мрамора, которыя едва бросаютъ тѣнь на стѣны цвѣта слоновой кости. Тосканское свойство этихъ зданій лучше всего можно оцѣнить, когда мы вспоминаемъ, что ихъ архитектурныя идеи давно существовали не только въ романскомъ искусствѣ, но византійскомъ и даже римскомъ. Форма оконъ флорентійскаго баптистерія и Санъ-Миньято ведетъ, напримѣръ, свое происхожденіе отъ равеннскаго баптистерія и триумфальной арки въ Веронѣ. Тосканцамъ оставалось только усовершенствовать внутреннія тонкія пропорціи, выдержать, выносить, сфразировать (говоря на музыкальномъ языкѣ) каждую деталь исполненія. По капризу художественной эволюціи этотъ архи-

тектурный стиль, выработанный усталой и дряхлой цивилизаціей, долженъ былъ ждать шесть столѣтій, чтобы быть возвращеннымъ къ жизни болѣе тонко чувствующимъ народомъ въ болѣе чистый и крѣпкій періодъ исторіи. Мы не можемъ быть удовлетворены такими общими разсужденіями (что совершенно не соотвѣтствовало бы и ясности тосканскаго искусства), на тему будто бы разница заключается въ нѣкой неопредѣленной метафизической сущности, называемой духомъ и с к у с т в а. Духъ искусства тосканскихъ рѣзчиковъ въ средніе вѣка воплощался въ дѣйствительныя и вполнѣ осязаемыя формы во всѣхъ ихъ пропорціяхъ и деталяхъ; самая ихъ душа передается намъ этими мраморными рельефами и инкрустаціями, этими пилястрами и капителями, результатами дѣйствительной работы глаза и рѣзца. Они измѣняли выраженіе искусства, измѣнивъ поверхность камня, подобно тому какъ морозы, августовское солнце и сочащіяся воды опредѣлили выраженіе мѣстности, когда измѣнили поверхность этихъ прекрасныхъ суровыхъ холмовъ.

Нечего искать тосканскихъ свойствъ въ архитектурѣ столѣтняго готическаго, то-есть чужеземнаго, первенства и междуцарствія. Мастера Пизы и Флоренціи, положимъ, примѣняли свои чисто классическіе инстинкты къ деталямъ

и орнаментамъ этого чужеземнаго стиля; и насъ поражаетъ нѣжность и сдержанность, скажемъ, тосканскихъ работъ въ гробницахъ Скалигеровъ, по сравненію съ болѣе живописной прихотливостью настоящей веронской и венеціанской готической скульптуры. Но конструктивные и, такъ сказать, пространственные принципы великаго искусства средне-вѣковой Франціи были даже менѣе поняты тосканскими, чѣмъ всякими другими итальянскими строителями; и подобно тому, какъ тончайшая работа тосканской архитектуры фасадовъ была выполнена раньше готическаго междуцарствія, наиболѣе благородныя достиженія, въ смыслѣ настоящихъ пространственныхъ сооружений, нужно искать въ искусствѣ послѣ возвращенія къ полукруглой аркѣ, куполу и антаблементу настоящаго южнаго строительства. По счастливому совпаденію (можетъ быть, потому еще, что этотъ стиль не давалъ настоящаго единства обширнымъ нефамъ и трансептамъ) всѣ архитектурныя произведенія пятнадцатаго столѣтія (конечно, кромѣ купола Брунеллески) представляютъ изъ себя маленькія зданія: сакристіи С. Лоренцо и С. Спирито, капелла Пацци и болѣе поздняя, но изысканная церковь Карчери въ Прато. Удаченъ самъ малый размѣръ этихъ зданій, ибо онъ не оставляетъ сомнѣній въ томъ, что чувство про-

странства—ощущеніе значительной части міра и неба вокругъ себя—есть только художественная иллюзія, образуемая отъ координаціи деталей, величія пропорцій и, можетъ быть, больше всего отъ совершенно изумительнаго распредѣленія свѣта. Эти маленькіе квадраты или осьмиугольники чаще всего съ квадратными нишами для алтаря кажутся обширными обиталищами великаго: въ нихъ хочется слушать музыку Палестрины, Баха или Генделя; но вдругъ, смѣривъ ихъ шагами, узнаешь, что ихъ дѣйствительные размѣры не позволили бы размѣстить музыкантовъ, пѣвцовъ и органъ!

То, что флорентійскіе архитекторы ничего не изобрѣли въ области архитектурнаго украшенія, то, что они даже цѣликомъ брали свои капители, канелюры, карнизы и такъ далѣе, почти механически, съ худшихъ античныхъ образцовъ, не можетъ быть большимъ ущербомъ для ихъ архитектуры; это было, скорѣе всего, дѣломъ вѣрнаго инстинкта. Ибо эти скудныя детали не даютъ нашу душу, но заставляютъ ее парить въ ясномъ среднемъ пространствѣ противъ оконъ и высоко взлетать въ замкнутое небо купола.

VI.

Тосканская скульптура того періода стоитъ, мнѣ кажется, посрединѣ между спокойнымъ

совершенствомъ строительства (происходя сама отъ архитектуры готическаго времени) и великолѣпными, хотя и фрагментарными, достиженіями живописи, многія проблемы которой, какъ напримѣръ, проблемы анатоміи и движенія, внесли свою долю и въ ея сложеніе. Не съ точки зрѣнія красивой структуры тѣла или красиваго движенія, какія мы встрѣчаемъ даже въ плохихъ античныхъ статуяхъ, должны мы подходить къ флорентійскимъ скульпторамъ, кромѣ, можетъ быть, только обоихъ Роббіа. Чисто архитектурное распредѣленіе пространства и свѣта, архитектурная трактовка массъ составляетъ величіе Донателло и обусловливаетъ достоинства его лучшаго современника, Якопо делла Кверчіа. И опять это же самое архитектурное свойство, хотя бы въ томъ смыслѣ, въ какомъ это можно примѣнить къ рельефнымъ порталамъ Пистойи, карнизамъ и орнаментированной поверхности мрамора въ баптистеріи и С. Миньято, доставляетъ намъ такое острое наслажденіе въ произведеніяхъ, хотя и совсѣмъ иного, но тоже всегда значительнаго скульптора Дезидеріо. Чудо (ибо это есть чудо) его великаго монумента въ Санта Кроче зависитъ не отъ анатомическихъ формъ, но отъ изысканнаго разнообразія и жизни поверхности; слово симфонія (такъ часто употребляемое не къ мѣсту) въ точности

соотвѣтствуетъ этой сложной постройкѣ изъ малыхъ мелодій и гармоническихъ ритмовъ, звучащихъ въ поверхности камня.

Но особое качество тосканской скульптуры присуще и болѣе скромнымъ, часто анонимнымъ и безконечно болѣе трагическимъ произведеніямъ. Я подразумѣваю изображенія рыцарей и горожанъ, гербы и просто надписи, которые составляютъ часть того, на что мы ступаемъ въ Санта Кроче. Объ этихъ вещахъ мало кто думаетъ, и кромѣ того онѣ немилосердно вытерты ногами потомковъ. Но матеріалъ и главныя линіи благородны, и стертость сдѣлала только ихъ благородство и нѣжность болѣе очевидными и острыми: они получили свойство особой торжественности камня, выглаженнаго морозами и солнечными лучами.

VII.

Есть очень много элементовъ, изъ которыхъ слагается Тоскана и особый духъ Тосканы. Страна эта въ одно и то же время и холмиста и гориста, но обильна рѣчными долинами, часто плоскими и широкими какъ равнины; горныя цѣпи, раздѣляющія и образующія ее, разнообразны какъ только это возможно: кристаллическіе гребни Каррары, размытые хребты и откосы высокихъ Апеннинъ, повторяющіеся

въ рядахъ болѣ низкихъ отроговъ, и наконецъ густыя цѣпи холмовъ между Флоренціей и Сьеной. Поэтому отовсюду здѣсь открывается видъ очень опредѣленный и очень сложный вмѣстѣ съ тѣмъ, составленный изъ разнообразныхъ линій и всегда съ присутствіемъ ясной перспективы: совершенно горизонтальныя линіи у нашихъ ногъ, постоянное чередованіе поверхностей, идущихъ вверхъ и внизъ, всегдашняя возможность смотрѣть черезъ что то, всюду просторъ для глаза и дыханія; безконечная сѣть выступающихъ вершинъ и обрывистыхъ овраговъ, долинъ за долинами и гребней за гребнями; и все это, моделированное днями бурь и днями засухъ или смытое до однихъ контуровъ солнечнымъ свѣтомъ или туманомъ, — все собрано въ ясныя, гармоничныя, всегда мѣняющіяся группы. Вѣчно мѣняющіеся по мѣрѣ того, какъ вы движетесь, холмы повышаются или понижаются, когда вы поднимаетесь или спускаетесь, сходятся или расходятся, когда вы идете по нимъ: долины и овраги открываются или закрываются, вся мѣстность измѣняетъ, такъ сказать, свой видъ и положеніе почти столь же быстро и съ такой же совершенной послѣдовательностью, какъ мѣняетъ свой видъ большой соборъ, когда обходишь его кругомъ. И поэтому она никогда не даетъ вамъ отдох-

нута; она приводитъ въ движеніе и васъ— ваши ноги, глаза и фантазію. Въ добавленіе ко всему этому является особое топографическое чувство, очень сильное и пріятное, которое я могу только описать, какъ чувство будто видишь всѣ царства міра. Съ высокихъ мѣстъ близъ Флоренціи (а по особенному свойству этой страны каждое мѣсто есть уже высокое мѣсто) открывается видъ не только на передніе и задніе планы горъ, русла рѣкъ и линіи хребтовъ въ ихъ вѣчномъ разнообразіи, но на цѣлыя области или хотя бы „намеки“ областей—далекая вершина заставляеть васъ почувствовать мѣстность у ея подножья,—которая, вы знаете, такъ разнообразна: Каррара съ ея средиземнымъ побережьемъ, высокіе Апеннины, съ Ломбардіей и Адриатикой за ними, холмы Съены и Вольтерры, спускающіеся къ Мареммѣ, и великая цѣпь Фальтероны съ вытекающимъ изъ нея Тибромъ, ведущимъ насъ черезъ Умбрию къ Риму!

Воображеніе среди этихъ флорентійскихъ холмовъ такъ же активно дѣйствуетъ, какъ глаза или какъ ноги и легкія, пріятно утомленныя и отдыхающія на минуту послѣ карабканія по крутымъ откосамъ среди пиній и миртъ, подъ благотворно палящимъ лѣтнимъ солнцемъ или лицомъ къ лицу съ чистымъ снѣжнымъ вѣтромъ. Вѣтеръ, котораго такъ рѣдко здѣсь

не бываетъ, помогъ создать тосканскій духъ; онъ будить необходимую рѣшимость, чтобы противостоятъ ему, но за то отнимаетъ всякое чувство тяжести, помогаетъ, такъ сказать, тѣлу уйти въ зрѣніе и душу, и превращаетъ насъ на нѣкоторое время въ часть міра видимаго и слышимаго. Частыя встрѣчи съ такими видами, которые я пыталась здѣсь описать, съ такими минутами полноты жизни производятъ, мнѣ кажется, качество ясности, гармоніи, активности, участія въ великомъ, собственное искусство Тосканы.

VIII.

Жаль, что въ живописи это тосканское чувство (живопись ближайшихъ послѣдователей Джотто носила космополитическій, въ противоположность мѣстному, характеръ среднихъ вѣковъ и францисканскаго движенія) было сильнѣе всего какъ разъ въ тотъ вѣкъ, когда выше всего стоялъ чисто научный интересъ. Можно думать даже, что положеніе дѣлъ ухудшилось именно отъ этой любви къ преодолѣніямъ трудностей, опредѣленности и ясности, которыя составляютъ элементы тосканскаго духа. Намъ приходится осторожно выбирать у такихъ художниковъ, какъ Донателло, Учелло, Полайоло и Вероккіо, нѣтъ, даже у Липпи и Боттичелли, фрагменты того, что мы встрѣ-

чали цѣльнымъ и совершеннымъ въ романскихъ церквахъ Пизы, Флоренціи и Пистойи, въ сакрестіяхъ и капеллахъ Брунеллески, Альберти и Сангалло и въ сотнѣ восхитительныхъ дворовъ и лоджій, никому невѣдомыхъ городскихъ домовъ и уединенныхъ фермъ. Но, можетъ быть, наше удовольствіе только увеличивается (вполнѣ въ согласіи съ тосканскимъ чувствомъ) благодаря легкому усилію, которое надо сдѣлать: тосканское искусство не отдаетъ своихъ совершенствъ даромъ.

Какъ бы то ни было красоту живописи флорентійскаго Ренессанса нужно искать очень часто не въ предметѣ, который изображаетъ художникъ, но въ манерѣ, которой изображенъ этотъ предметъ. Наши привычныя понятія объ этихъ вещахъ такъ спутаны, а нашъ словарь такъ бѣденъ и безтолковъ, что я нахожу труднымъ высказать ясно мою мысль безъ нѣкотораго предварительнаго объясненія. Не стану говорить здѣсь о чисто моральныхъ свойствахъ, высказываемыхъ въ картинѣ—о преданности дѣлу, искренности, благочестіи, хотя наличность ихъ несомнѣнно повышаетъ благородное наслажденіе отъ произведеній искусства; еще менѣе я имѣю въ виду техническую или ученую умѣлость, о которой свидѣтельствуется картина. Красота живописи пятнадца-

таго столѣтія есть нѣчто видимое, нѣчто заключающееся въ распредѣленіи массъ, въ композиціи пространства и, кромѣ всего этого, въ линіяхъ картины. Но она не зависитъ отъ того, изображаетъ ли картина то, что въ дѣйствительной жизни мы могли бы считать красивымъ, и во многихъ произведеніяхъ она къ несчастью еще болѣе отдѣлена отъ жизненнаго понятія о красотѣ, когда надо пожертвовать этимъ ради сложной задачи. Проблемы анатоміи, рельефности, мускульнаго движенія и перспективы, которыя привлекали и во многихъ случаяхъ терзали флорентійцевъ Ренессанса, отвлекали ихъ вниманіе отъ красоты общей композиціи, которая была традиціонно красива даже у ихъ тупыхъ и безталанныхъ предшественниковъ, „джоттесковъ“, и на нѣкоторое время отняли у нихъ склонность къ новымъ удивительнымъ изобрѣтеніямъ въ расположеніи фигуръ, проявленную ихъ современниками умбрійцами.

Мы часто видимъ досадный беспорядокъ и нагроможденіе фигуръ какъ попало у такихъ художниковъ, какъ Учелло, Липпи, Полайоло, Филиппино, Гирляндайо и даже Боттичелли. И даже въ самыхъ простыхъ и часто красиво скомпанованныхъ картинахъ люди и женщины, дѣти и ангелы постоянно бываютъ очень далеки отъ того, что въ жизни считается кра-

сивымъ или замѣчательнымъ по особому изяществу положенія или движенія. Это поистинѣ этюды, анатомическіе или еще какіе, хотя этюды, почти всегда облагороженные серьезностью и нѣжнымъ благоговѣніемъ, какъ бываетъ пока искусство не перестало быть истинно народнымъ и религіознымъ. Какъ бы то ни было, это все же только этюды съ малымъ выборомъ изъ реальности и съ еще меньшей заботой о томъ, какъ и куда она войдетъ.

Но эти этюды, хотя и исполненные ради научнаго интереса, направлены все же чувствомъ красиваго и привычкой къ красотѣ—тонкимъ чувствомъ и могучей почти безсознательной привычкой. Эти фигуры, иногда изящныя и плохо сложенныя, и эти черты лица, часто простоватыя или искаженныя какимъ-нибудь явнымъ уродствомъ, созданы изъ линій такой волшебной красоты, такой серьезности и значительности, какъ линіи, которыя окружаютъ тосканцевъ въ ихъ пейзажѣ. И въ извлеченіи этой красоты линій изъ хаоса большихъ фресокъ, въ пониманіи, что изъ такихъ линій строились изображенія иногда не привлекательныхъ самихъ по себѣ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, нарисованныхъ (и часто также изваянныхъ) великими флорентійцами пятнадцатаго столѣтія, и заключается истинная оцѣн-

ка и всегдашнее наслажденіе живописью тосканскаго Ренессанса. Контуръ уха и шеи у Липпи; складки драпировокъ у Гирландайо; широкія кольца тяжелыхъ волосъ у Боттичелли, болѣе напряженные, круче свернутые въ кольца локоны Вероккіо и молодого Леонардо,—все это подобно цвѣтамъ, подобно пламени, все это напоминаетъ водовороты горныхъ рѣкъ, журчаніе горныхъ ручьевъ, важныя, выразительныя линіи и внезапныя закругленія холмовъ—все это существуетъ въ картинахъ флорентійцевъ. Ихъ внутреннее благородство и изысканность, ихъ напоминанія и намеки о томъ, что есть самага красиваго и достойнаго въ природѣ, ихъ аналогія со всѣмъ, что есть самага сильнаго и нѣжнаго въ человѣческомъ чувствѣ, вотъ то, что мы должны искать и любить въ ихъ произведеніяхъ.

IX.

Чась сумерекъ, который почти исключительно изображаютъ художники прошлаго, естественно тотъ часъ когда мы легче испытываемъ не только настроеніе, созданное искусствомъ и страной, но и ближе видимъ сходство между вещами, которыя могло бы создать искусство, и вещами, которыя созданы природой. Это часъ который наступаетъ немедленно послѣ захода солнца. Холмы превращаются въ однообраз-

ныя массы, подчеркиваютъ свое движеніе, глубже входятъ въ долину, сильнѣе поднимаются въ небо. Долины съ ихъ пурпуровой мглой, встающей надъ ними какъ дымъ, обозначаются также рѣшительнѣе. А небо, еще болѣе прозрачное отъ всѣхъ этихъ темныхъ массъ, выдѣляющихся на немъ, становится еще болѣе небомъ: оно принимаетъ, кромѣ того, цвѣтъ, какой могутъ принимать только текучія вещества—превращается въ озера блѣднаго золота, блѣдно розовыя, цвѣта чайной розы рѣки и бериллово-зеленыя ручьи. На этомъ небѣ нѣжно выдѣляются кипарисы, какъ узоръ кружева, почти какъ на заднемъ планѣ Весны Боттичелли и Благовѣщенія Леонардо или Вероккіо. Понятно, почему эти страстные любители линіи любили моментъ захожденія солнца и помимо рождаемаго имъ цвѣта. Верхушки пиній и кипарисовъ скоро становятся единственными отчетливыми формами въ долинахъ.

Скоро остаются только небо и горы. Затѣмъ настаетъ время, прежде чѣмъ придетъ сказать свое слово звѣздная ночь, когда все дѣлается немного соннымъ, немного смутнымъ, и синія горы начинаютъ засыпать въ дымѣ сумерекъ. И вдругъ только тогда, прямо на западѣ подымаются на багряномъ небѣ высокія вершины Каррары, высоко возносящія свои

огненные гребни, ясные и острые, неизобразимые рукой человека.

Х.

Такия наблюдения, какъ эти,—я уже не разъ повторяла,—требуютъ тщательнаго вниманія и извлекаются изъ среды другихъ явленій, которыя затемняютъ или даже искажаютъ ихъ во всей почти живописи флорентійскаго Ренессанса. Но по счастью есть одинъ художникъ, которымъ мы можемъ наслаждаться такъ же тонко и просто, какъ горами и холмами, очерченными закатомъ или собранными въ прозрачныя складки нѣжнымъ свѣтомъ зимняго мѣсяца. Я говорю, конечно, о Пьеро делла Франческа, хотя иные критики возстаютъ противъ того, чтобы причислять его къ классу великихъ флорентійцевъ. И даже, по счастливой ироніи вещей, причиной этого исключенія, является какъ разъ то, въ чемъ мы видимъ чистоту и совершенство тосканскихъ свойствъ этого художника. Отдаленность его родины, лежащей на самой южной границѣ Тосканы, въ рѣчной долинь, долинь верхняго Тибра, ведущей изъ Флоренціи въ Умбрию, могла удержать его вдали отъ этого научнаго соперничества, этихъ терзаній профессиональными проблемами, которыя такъ дурно сказались у многихъ флорентійскихъ мастеровъ. Съ другой

стороны, сѣверно-итальянское происхожденіе одного изъ его учителей, таинственнаго Доменико Венеціано, кажется, дало ему, вмѣсто всегда случайнаго и часто рѣзкаго колорита современной ему Флоренціи, гармоническую схему нѣжныхъ, ясныхъ, похожихъ на цвѣты красокъ. Эти два преимущества такъ очевидны, что, пробившись сквозь всѣ вліянія оказанныя на него его флорентійскими современниками, они въ результатѣ выдѣлили, какъ нѣчто особое въ тосканской живописи, живопись этого чистѣйшаго изъ тосканскихъ художниковъ. Ибо съ нимъ нѣтъ надобности продѣлывать опыты извлеченія и отдѣленія тосканскихъ свойствъ. Живая природная линія не нуждается въ томъ, чтобы ее искали у него въ малыхъ деталяхъ или, такъ сказать, абстрагировали: она обводитъ его фигуры, дѣлаетъ ихъ со-всѣмъ естественными и простыми и поэтому не можетъ быть мыслима внѣ ихъ. Полнозвучный и совершенно гармоническій колоритъ соединяетъ уравновѣшенные группы, объемы, детали и глубокіе планы, объединяетъ все, сравниваетъ все, какъ свѣтъ въ освѣщенныхъ солнцемъ горахъ и покатыхъ долинахъ этой страны, чаруетъ непосредственной прелестью бѣлизны и свѣтлости, напоминающей воду въ горномъ ключѣ, или голубизны влажнаго неба, или этой непередаваемой, лиловой,

рыжеватой и розовой краски, которая является основой всей южной красоты. Его считают часто стоящимъ совсѣмъ отдѣльно, образующимъ свою особую школу вмѣстѣ съ Доменико, его учителемъ, и его послѣдователемъ делла Гаттой. Но если взглянуть внимательно, то можно увидѣть, что нѣкоторыя свойства, такія опредѣленныя и ясныя въ немъ, раздѣляются также, хотя часто и замаскированныя некрасивостью слишкомъ поспѣшнаго художественнаго роста, Поллайоло, Бальдовинетти, Пезеллино — не говоря объ Учелло, Кастаньо, Мазаччіо и являются слѣдовательно чисто тосканскими, флорентійскими свойствами. Но еще больше національность Пьеро делла Франчески доказывается сравненіемъ его съ другими вѣтвями тосканскаго искусства: его особенности отвѣчаютъ особенностямъ трактовки линій и профилей у старыхъ архитекторовъ баптистерія и церкви Пистойи, трактовки пространства и распредѣленія свѣта въ капеллахъ и сакрестіяхъ пятнадцатаго столѣтія, трактовки массъ и линій въ тончайшихъ рельефахъ Донателло и послѣдователя Донателло, великаго декоратора Дезидеріо. Людямъ же, которые думаютъ такъ же какъ я, что можно учиться искусству среди полей и холмовъ, существенный тосканскій характеръ Пьеро делла Франческа доказывается

тѣмъ сильнымъ и особеннымъ удовольствіемъ, которое мы испытываемъ, когда встрѣчаемъ его картины въ такихъ совсѣмъ неподходящихъ мѣстахъ, какъ на примѣръ сѣверные музеи. Ибо это—удовольствіе *sui generis*, удовольствіе, имѣющее опредѣленный вкусъ и во всемъ похожее на то удовольствіе, которое мы испытываемъ, когда, возвращаясь въ Тоскану, видимъ изъ окна вагона бѣлые дома на склонахъ горъ, кипарисы на перекресткахъ дорогъ, нѣжныя мягкія линіи холмовъ, голубые далекіе гребни, и еще разъ ощущаемъ глубину нашей спокойной любви къ этой строгой и благородной странѣ.

XI.

Кромѣ цвѣтущихъ дней ранняго лѣта, Тоскана въ общемъ всегда бываетъ блѣдна: это страна, гдѣ красота красокъ заключается въ ихъ ясности и гдѣ господствуетъ свѣтлость. Отсюда, можетъ быть, и происходитъ суровость ея настоящаго лѣта—лѣта, когда поля стоятъ обнаженныя, трава сожжена и принимаетъ пріятную рыжеватость корицы, а холмы съ ихъ сухими кустарниками кажутся сложенными изъ блѣдно-розоваго и аметистоваго свѣта; эта суровость вида соединяется съ чувствомъ здоровья отъ постоянного сильнаго зноя, лишеннаго всякой влажности, чистаго,

какъ аромать сухихъ листьевъ, горячей смолы кипарисовъ и жженаго тмина и мирры каменистыхъ овраговъ и хлѣбныхъ полей. Въ такіе августовскіе дни долина и наиболѣе далекія горы совсѣмъ стираются, оставляя только невыразимо нѣжныя дали на той сторонѣ, гдѣ солнце, сотканныя изъ той же ткани что и небо, выступающія на фонѣ неба, какъ прозрачныя и свѣтлыя тѣни. Всѣ картины съ такими эффектами природы ложны, даже картины Перуджино и Клода, потому что даже ихъ глазъ недостаточно умѣлъ отвлекаться и отрываться отъ передняго плана, восходить отъ земли къ свѣтлому небу. Этотъ эффектъ — самый сильный и нѣжный, можетъ быть, во всей природѣ: купаніе души въ чистомъ свѣтѣ и воздухѣ. Такова несравненная легкость и лучезарность глубочайшаго тосканскаго лѣта. Но зима здѣсь бываетъ, можетъ быть, еще болѣе тосканской и еще болѣе сурово прекрасной. Мнѣ не надо говорить о томъ, что горы съ ихъ близкимъ снѣгомъ, накопляющимися бурями, всегда борющимися потоками вѣтра и сталкивающимися и расходящимися синими облаками, дѣлають большую часть дней зимы слишкомъ мрачными и торжественными, когда они проходятъ чередой надъ оврагами и хребтами Тосканы. Я говорю о тѣхъ ясныхъ зимнихъ дняхъ съ туманомъ и солнцемъ, когда

ряды холмовъ бываютъ покрыты сіяющей синеватой дымкой, когда небо бываетъ создано изъ подобнаго же, только болѣе текучаго вещества, и когда въ оливкахъ мы видимъ ту же, лишь уплотненную, таинственную серебристую субстанцію міра. Удивительнымъ во всемъ этомъ и совершенно непередаваемымъ является то, что такіе дни нисколько не печальны, а напротивъ сіяючи, что контуры пейзажа не смутны тогда, но превосходно намѣчены и вычерчены.

ХІІ.

Качество тосканскаго искусства, какъ я уже замѣтила раньше, въ извѣстной мѣрѣ есть нѣчто абстрактное; характеръ его, подобно композитной фотографіи, получается путемъ повторенія наиболѣе общихъ чертъ и опущенія частныхъ. Вслѣдствіе этого оно чаще извѣстно намъ по стремленію къ нему, чѣмъ по осуществленіямъ, — всѣми осуществленіями мы обязаны традиціи, нѣкой привычкѣ, воспитавшей художниковъ и зрителей, которая нейтрализовала чуждыя тенденціи индивидуальныхъ художниковъ, на примѣръ, болѣзненность (столь очевидную у Боттичелли), — и образовало то, что есть общаго у большинства художниковъ — этотъ преобладающій интересъ, скажемъ, къ линіи и объему. По-

этому тосканскія свойства въ искусствѣ умираютъ вмѣстѣ съ мѣстными искусствами среднихъ вѣковъ, и ихъ больше нельзя найти, или можно встрѣтить лишь въ очень несовершенномъ видѣ, послѣ смѣшенія разныхъ школъ и возвышенія отдѣльныхъ личностей начала шестнадцатаго столѣтія. Послѣ художниковъ, родившихся между 1450 и 1460 годами, уже не было больше геніальныхъ тосканцевъ. Леонардо, отдѣлившійся отъ Верокіо и поселившійся въ Ломбардіи, едва ли можетъ быть названъ тосканцемъ; а тѣмъ болѣе Микельанджело, съ его склонностью къ Риму и большимъ горамамъ, полнымъ всегда смятенія и трагедіи. Эти великія индивидуальности, а также эклектики, первый изъ коихъ Рафаэль, внесли въ искусство качества, которыхъ раньше ему нехватало, и повелѣли, чтобы они были законно признаны повсюду. Я нисколько не желаю сравнивать ихъ цѣнность со старыми, мѣстными и традиціонными художниками. Точно также я не хочу отдать предпочтенія тосканскому искусству передъ мѣстнымъ и традиціоннымъ искусствомъ Умбріи или Венеціи, которыя относятся къ нему такъ, какъ самая острая лирика богатой романтической поэмы относится, скажемъ, къ характерной тонкости и сдержанности великихъ страницъ Данте. Благодареніе Богу, настоящее искусство достаточно разно-

образно, чтобы воздѣйствовать на разные темпераменты и можетъ быть для каждаго отдѣльнаго темперамента нужно болѣе чѣмъ одно искусство. Моею цѣлью на предыдущихъ страницахъ совсѣмъ не было доказательство преимуществъ тосканскаго искусства, тосканскаго климата и пейзажа; я хотѣла только показать особенное очарованіе и силу тосканскаго искусства и тосканской природы, какъ я понимаю ихъ. Большаго можно достигнуть любовнымъ приближеніемъ къ какому-нибудь одному искусству, чѣмъ сравненіемъ двадцати искусствъ между собой.

Я пыталась здѣсь скорѣе только показать, чѣмъ объяснить, какимъ образомъ искусство можетъ отвѣчать естественному характеру страны, повторяя опредѣляемая этимъ характеромъ настроенія. Я не думаю, однако, что такія настроенія должны преобладать во всѣхъ жителяхъ этой страны или даже вообще быть имъ доступными. Какъ ни распространено искусство, оно не есть все же продуктъ массъ, такъ же, какъ отвлеченная мысль или какое-нибудь изобрѣтеніе, хотя и приносящее пользу многимъ людямъ.

Масса помогаетъ созданію искусства тѣмъ, что выдвигаетъ нѣкое исключительно одаренное существо — художника, образуетъ его воспитаніе и его среду, поскольку

онъ является простымъ гражданиномъ своей страны; она, наконецъ, содѣйствуетъ накопленію инстинктивныхъ познаній въ искусствѣ, воспринятыхъ толпой отъ художниковъ непосредственно предшествовавшаго времени. Масса воздѣйствуетъ на художника приблизительно такъ, какъ на нее воздѣйствовали его предшественники. Поэтому, если пейзажъ и климатъ вызываютъ извѣстное настроеніе въ цѣломъ народѣ, достаточно опредѣленное, чтобы вліять на искусство, то это происходитъ только благодаря нѣкоторымъ особенно одареннымъ личностямъ, которыя въ то или другое время открывали для народа эти настроенія.

Оттого мы нисколько не должны удивляться, если какая-нибудь отдѣльная личность, какой-нибудь крестьянинъ или дѣловой человѣкъ или отвлеченный мыслитель обнаружить отсутствіе, даже полное отсутствіе такихъ впечатлѣній, о которыхъ я говорила; не должны мы удивляться, даже если среди тѣхъ, кто любитъ искусство, большая часть окажется неспособной выразить смутныя созерцательныя чувства, изъ которыхъ рождается искусство. Это зависитъ не отъ спеціальной одаренности глаза, слуха, руки, отъ того, что мы называемъ художественнымъ талантомъ и что бываетъ дано исключительно отдѣльнымъ личностямъ. Это зависитъ отъ избытка той особой чув-

ствительности и энергии, которая возникает въ чловѣкѣ не изъ его личныхъ свойствъ, обстоятельствъ и занятій, но только благодаря воздѣйствию на него окружающаго. Искусство происходитъ какъ разъ изъ этого избытка воспримчивости и энергии; оно—отвѣтъ не на впечатлѣнія своей внутренней жизни, но на впечатлѣнія, производимыя видимымъ, осязаемымъ міромъ.

Однажды возникнувъ искусство бываетъ принято и болѣе или менѣе впитано чловѣчествомъ, въ которомъ оно повышаетъ въ большей или меньшей степени ту чувствительность и энергию, какую оно могло бы имѣть въ иномъ случаѣ. Такимъ то образомъ искусство пробуждаетъ созерцательныя чувства въ другое время спавшія и создаетъ среди мелочности и рутины индивидуальныхъ желаній и привычекъ, гдѣ душа чувствуетъ себя затолканной локтями и затоптанной ногами, нѣкое святилище, нѣкій священный холмъ, не знавшій плуга, не видѣвшій охотника,—открытое высокое мѣсто, на которомъ мы видимъ яснѣе, дышимъ глубже и, нѣкоторое время, живемъ чисто, свѣтло и полно.

XIII.

Передумаю эти мысли въ сотый разъ и перечувствую ихъ такъ же, какъ я чувствую

этотъ пейзажъ, я пошла домой по моей милой горной дорогѣ, обходящей вокругъ Фиезоле, подъ звуки ударовъ, долетавшіе изъ каменоломень. Терновникъ перевиль зимнія пурпурныя живыя изгороди, и цвѣтущій миндаль бѣлѣлъ уже повсюду на фонѣ сухихъ дубовъ и черныхъ скалъ. Вотъ высоты, съ которыхъ, какъ говоритъ преданіе, спустилась Флоренція, о народѣ которой Данте сказалъ въ гнѣвѣ:

„Che discese da Fiesole ab antico,
E tiene ancor del monte e del macigno“.

Но вѣдь это правда, и притомъ имѣющая добрый смыслъ. Горы и скалы! Искусство Тосканы вышло изъ нихъ, изъ ихъ удивительной силы, производящей чистые каменистые потоки и рѣдко разбросанныя благородныя оливки, и кипарисы, не согнутые вѣтромъ, не опаленные солнцемъ и непреклонно стремящіеся вверхъ.

ДВѢ НОВЕЛЛЫ

Святой Евдемонъ и его апельсиновое дерево.

Вотъ исторія объ апельсиновомъ деревѣ святого Евдемона. Ея нѣтъ въ „Житіяхъ блаженныхъ братьевъ“ Фра Доменико Кавалька изъ Вико Пизано, ея нѣтъ и въ Золотой Легендѣ, составленной Якопо да Вораджине; ея нѣтъ, вѣроятно, ни въ какомъ другомъ жизнеописаніи святыхъ. Я узнала ее на самомъ мѣстѣ чуда, въ присутствіи его вѣчно цвѣтушаго свидѣтеля, апельсиноваго дерева.

Фруктовые сады покрываютъ Целій и Авентинъ камышевыми трельяжами своихъ молодыхъ виноградниковъ, и со всѣхъ сторонъ оттуда видны огромныя арки и какія-то развалины: Колизей, ипподромъ, домъ Нерона и пр., а далеко внизу новый Римъ, куполь святого Петра и голубыя сабинскія горы. Тамъ есть маленькая церковь—одна изъ десятка похожихъ на нее—съ обломками іоническихъ колоннъ, поломъ, выложеннымъ лиловой и красноватой

мозаикой, подобной изношенному драгоценному ковру, и большимъ кактусомъ, подобнымъ пиону, вьющемуся вокругъ абсиды. Тамъ растутъ апельсиновые деревья, осыпающія своими лепестками виноградъ и грядки салата, такія рослыя и невѣроятно почтенныя деревья, что, кажется, стволы ихъ—только старыя вѣтви, дѣйствительные же стволы глубоко скрыты подъ поверхностью земли. Здѣсь я узнала легенду, но отъ кого и какъ, предоставляю вамъ догадаться самимъ. Достаточно того, что она правдива.

Давно, давно, прежде чѣмъ была построена церковь, которая стоитъ теперь, по крайней мѣрѣ больше двѣнадцати столѣтій назадъ, на холмахъ Целія поселился нѣкій святой, по имени Евдемонъ. Древній языческій Римъ былъ погребенъ подъ землей; только груды его камней и пуки его колоннъ торчали кое гдѣ изъ земли; новый христіанскій Римъ въ сторонѣ отъ него выстроился изъ плитъ и кирпичей, натасканныхъ и вывезенныхъ съ развалинъ. Трава и кусты и большіе вѣчно зеленые дубы и вязы росли надъ прежнимъ городомъ, гдѣ было нынѣ обиталище демоновъ. Люди никогда не подходили туда близко иначе какъ за камнями для построекъ или въ поискахъ счастья съ помощью ужасныхъ заклинаній. Это мѣсто превратилось въ пу-

стыню, окруженную длинными стѣнами и многоэтажными квадратными колокольнями монастырей.

Мѣсто, куда явился этотъ Евдемонъ, — а никто не могъ сказать, когда онъ явился, и ничего не было извѣстно о немъ, кромѣ того, что у него была невѣста, которая умерла наканунѣ свадьбы, — мѣсто, куда явился Евдемонъ, находилось въ самой серединѣ руинъ и дикихъ зарослей, далеко отъ всякаго человѣческаго жилья. У него было только двое сосѣдей, двое святыхъ, подобныхъ ему: одинъ богословъ, поселившійся въ развалившихся термахъ, чтобы укрыться отъ звона колоколовъ, другой — столпникъ, устроившій себѣ площадку изъ досокъ съ камышевой крышей на верхушкѣ колонны императора Филиппа.

Евдемонъ, какъ я сказала выше, былъ святой; люди, которые не тревожили своихъ сосѣдей, считались въ тѣ времена обыкновенно святыми; поэтому, разумѣется, онъ могъ творить чудеса. Впрочемъ его чудеса, по мнѣнiю другихъ святыхъ, въ особенности богослова и столпника (которыхъ звали Карпофоръ и Урсинъ), совсѣмъ не были чѣмъ то необычнымъ, а въ дѣйствительности едва только граничили съ чудеснымъ. Евдемонъ насадилъ садъ вокругъ развалинъ круглаго храма Венеры; виноградныя лозы, розы и персики за-

мѣнили въ нѣсколько лѣтъ заросли вѣчно-зеленыхъ дубовъ и миртъ, сорныя травы и вьющіяся растенія, покрывавшія развалины; и это, конечно, разъ онъ былъ святой, должно было уже считаться чудомъ. Онъ очистилъ также внутреннюю целлу храма и превратилъ ее въ капеллу; изъ прекрасной изваянной языческой гробницы онъ сдѣлалъ алтарь и нарисовалъ на оштукатуренной стѣнѣ Святую Дѣву и Спасителя съ огромными очами, въ пурпуровыхъ одеждахъ. Онъ воздвигнулъ рядомъ колокольню въ три высокихъ этажа, круглую и поддерживаемую колоннами, взятыми изъ храма, и прикрѣпилъ къ ея стѣнамъ въ видѣ украшенія порфиновые диски, вынутые изъ пола храма. Это, конечно, тоже было чудомъ. Кроме того, въ концѣ сада онъ устроилъ изъ прутьевъ шалаши для бѣдняковъ, которыхъ училъ садоводству и другимъ полезнымъ искусствамъ; также сарай для коровъ и козъ, и голубятникъ. Изъ вѣтвей ивы онъ сплелъ повозку и запрягалъ въ нее осленка, на которомъ возилъ свою зелень въ Римъ и тамъ раздавалъ ее бѣднымъ, вмѣстѣ съ кружками молока и кругами козьего сыра. А женъ бѣдняковъ, которые у него жили, онъ научилъ ткать и заготовлять кожу; ихъ дѣтей выучилъ считать и пѣть гимны. Для тѣхъ же бѣдныхъ онъ устроилъ около ивовыхъ хижинъ

лужайку для игры въ мячъ и научилъ ихъ играть въ эту игру. И чудо съ апельсиновымъ деревомъ случилось какъ разъ благодаря устройству этой лужайки для игры въ мячъ. Между тѣмъ самъ Евдемонъ жилъ одиноко въ хижинѣ, сдѣланной изъ камыша и покрытой однимъ изъ сводовъ языческаго храма; онъ былъ человѣкомъ трудолюбивымъ и воздержаннымъ, зналъ медицину и умѣлъ, хотя и съ трудомъ, читать Священное Писаніе. Евдемонъ былъ святымъ изъ числа малыхъ святыхъ.

Но Карпофоръ-богословъ и Урсинъ-столпникъ не были высокаго мнѣнія о Евдемонѣ и его святости, нѣтъ, они даже чтили его меньше, чѣмъ самихъ себя. Впрочемъ Карпофоръ, который перевелъ книги Второзаконія съ еврейскаго языка, написалъ по-латыни евангелія отъ Никодима и Еноха, составилъ шесть трактатовъ противъ гностиковъ и Павлихіанъ и одну главу о бракѣ сыновъ Божіихъ, который, кромѣ того, держалъ слугу, чтобы мыть одежду, стирать пыль съ его манускриптовъ и варить ему обѣдъ, считалъ Урсинъ не вѣждой и мужикомъ, живущимъ въ грязи подъ своимъ навѣсомъ на колоннѣ, лохматымъ и чернымъ медвѣдемъ, постоянно устремляющимъ взоръ на свой собственный пупъ. Въ то же время, Урсинъ - столпникъ, который не мѣнялъ своей туники, ѣлъ пищу, сва-

ренную пять лѣтъ назадъ, и часто подымался для созерцанія Господа, глядѣлъ свысока на чистенькія нарядныя одежды Карпофора и считалъ его за человѣка мірской суеты.

Но Карпофоръ и Урсицинъ сходились въ томъ, что оба очень дурно судили объ Евдемонѣ; и часто въ братскихъ бесѣдахъ находили въ немъ сходство съ обликомъ, даннымъ Провидѣніемъ дьяволу. Это мнѣніе они откровенно выражали ему самому, когда онъ приглашалъ ихъ обѣдать въ свой садъ, угощая ихъ плодами, молокомъ, виномъ и медомъ отъ своихъ пчелъ; и каждый разъ, даже когда просто кто-нибудь изъ нихъ заходилъ взять у него займы восковую свѣчу, кусокъ холста, корзину, онъ считалъ необходимымъ предостеречь Евдемона весьма серьезно противъ его опаснаго образа мыслей и дѣйствій, обѣщая ему свое заступничество передъ высшими сферами.

Оба эти святые любили тонкіе богословскіе споры. Но Евдемонъ только улыбался. Евдемонъ всегда улыбался; и это было одной изъ главныхъ уликъ противъ него; ибо человѣкъ, который улыбается, выражаетъ этимъ свое удовлетвореніе міромъ и увѣренность въ спасеніи, что показываетъ его неуваженіе къ Промыслу. Кромѣ того, Евдемонъ разговаривалъ совсѣмъ по-мірски и слишкомъ ужъ мно-

гихъ поженилъ и повидавалъ замужъ среди тѣхъ бѣдняковъ, которыхъ онъ собралъ вокругъ себя. Онъ выказывалъ неприличный интересъ къ рождающимъ женщинамъ, помогалъ имъ лекарствами и давалъ совѣты, какъ воспитывать дѣтей; онъ рѣдко наказывалъ маленькихъ дѣтей и любилъ, чтобы дѣвушки и юноши рассказывали ему свои любовныя дѣла, никогда не убѣждая никого жить въ воздержаніи и безбрачіи. Онъ со вниманіемъ относился къ болѣзнямъ животныхъ, и можно было часто слышать, какъ онъ разговаривалъ съ ними, точно у нихъ была бессмертная душа и точно ихъ здоровье и нездоровье имѣло важное значеніе. Такъ онъ сажалъ въ гнѣзда на яйца голубокъ, ставилъ воду для ласточекъ и, будучи окруженъ птицами, позволялъ имъ садиться на свои плечи и руки и называлъ ихъ по именамъ. Многое, что онъ говорилъ, могло почти внушить подозрѣніе—если бы такое подозрѣніе не было бы ужъ слишкомъ тягостно—что онъ считаетъ птицъ и животныхъ за созданья Божіи, за братьевъ людей; нѣтъ, даже растенія и тѣ по его мнѣнію были живы и знали Творца. И когда онъ начиналъ говорить такимъ образомъ, называя солнце и луну братомъ и сестрой и надѣляя христіанскими добродѣтелями—смирненіемъ, цѣломудріемъ и радостью—воду, огонь,

облака и вѣтры, его рѣчи были таковы, что ихъ можно было счесть за бредъ, а его самого за полубезумнаго; и все-таки, вѣроятно, этотъ Евдемонъ не былъ всецѣло осужденъ, иначе Карпофоръ едва ли бы могъ просить у него займы пелену на алтарь и свѣчи, а Урсицинъ салатъ и медовыя соты.

Обоихъ святыхъ точило любопытство узнать, каковы могли быть тайныя сношенія ихъ собрата святого съ міромъ дьявола. Ибо эти деликатные вопросы опредѣляютъ положеніе каждаго святого, и въ обсужденіи ихъ обычно выказывается столь искусное сочетаніе скромности и хвастовства. Были ли у Евдемона встрѣчи съ царемъ мрака? Были ли у него искушенія? Являлись ли передъ нимъ видѣнія красивыхъ женщинъ, или каменные дожди пронизывали его крышу? Карпофоръ, притворяясь, что говоритъ о третьемъ лицѣ, рассказывалъ про себя необыкновенныя вещи, а Урсицинъ вызывалъ еще болѣе невѣроятныя предположенія тѣмъ, что отказывался входить въ подробности. Но Евдемонъ не выказывалъ большого интереса къ такимъ бесѣдамъ, не стремясь къ нимъ и не избѣгая ихъ. Онъ сухо замѣчалъ, что никогда не подвергался какимъ-либо особымъ искушеніямъ, кромѣ самыхъ обычныхъ, и никакимъ особымъ преслѣдованіямъ. Что касается до столкнове-

ній съ дьяволомъ и съ языческими божествами, на рассказы о которыхъ наталкивали его собратья - святые, то у него не было ничего интереснаго рассказать объ этомъ. Впрочемъ, онъ встрѣтилъ однажды на берегахъ Сири нѣкое созданіе, которое было получеловѣкомъ, полу-конемъ, въ родѣ того, что язычники называютъ кентавромъ; онъ спросилъ у него дорогу черезъ пески, и существо это отвѣтило ему съ трудомъ, мѣшая слова и ржаніе, роя копытами землю и настороживъ уши. А нѣсколько лѣтъ спустя въ дубовыхъ лѣсахъ у озера Неми онъ встрѣтилъ Фавна, деревенское созданіе, похожее на человѣка, но отличавшееся только рогами и копытами, которое весело хохотало передъ нимъ въ прохладныхъ заросляхъ и угощало его орѣхами и разными сочными кореньями. Онъ былъ того мнѣнія, что такія существа, хотя и не владѣютъ вполне человѣческой рѣчью, знаютъ бытіе Бога и обладаютъ своимъ собственнымъ способомъ, хотя и отличнымъ отъ нашего, выражать свои радости. И развѣ есть хоть гдѣ-нибудь въ Священномъ Писаніи упоминаніе или намекъ о томъ, что хоть какое-нибудь изъ созданій Божіихъ лишено навсегда Его милосердія? Что же касается языческихъ боговъ, то какое зло могутъ они причинить христіанину? Развѣ ложные боги могутъ вредить кому-нибудь,

кромѣ тѣхъ, кто вѣритъ въ нихъ? Нѣтъ, и Евдемонъ, казалось, даже явно намекалъ, что эти языческія божества были достойны сожалѣнія и что они такъ же, какъ солнце и луна, волки и ягнята, трава и деревья—Божіи дѣти и наши братья, если только они сознаютъ это.

Конечно, Карпофоръ и Урсицинъ никогда не понимали Евдемона до конца въ этомъ пунктѣ его ученія, иначе имъ пришлось бы смотрѣть на него, какъ на осужденнаго безъ прощенія и поэтому недостойнаго ихъ общества. При такомъ положеніи вещей оба святые были совершенно убѣждены, что лишь ихъ краткія посѣщенія, сопровождавшіяся его дареніями и услугами, были, вѣроятно, единственнымъ шансомъ спасенія для бѣднаго Евдемона.

А теперь перейдемъ къ чуду.

Случилось, что кто-то, копая землю для новаго виноградника ударилъ лопатой о необыкновенно большой круглый камень, который, когда онъ его выкопалъ, оказался лежащей во весь ростъ женщиной, изваянной изъ мрамора, покоившейся въ землѣ лицомъ кверху. Крестьяне пришли въ ужасъ, нѣкоторые изъ нихъ кричали, что они нашли набальзамированную язычницу, другіе—спящую дьяволицу. Евдемонъ только улыбнулся, счистилъ землю съ ея лица, которое было чрезвычайно красиво, задѣлалъ известью одну ея отбитую

руку и поставилъ ее на древнюю гробницу въ концѣ заросшей травой дороги плодоваго сада, рядомъ съ ульями.

Карпофоръ и Урсицинъ услышали о случившемся и поспѣшили придти; они немедленно предложили свою помощь, совѣтуя разбить изваяніе на куски и перетащить его въ печь для обжиганія извести на берегу Тибра. Ибо, очевидно, то было изображеніе богини Венеры, самой нечестивой ихъ всѣхъ дьяволицъ. Оба святые осмотрѣли статую съ большимъ любопытствомъ и привели съ благоговѣніемъ нѣсколько цитатъ изъ Аѳинагора и Лактанція и рассказали нѣсколько исторій о св. Павлѣ пустычникѣ и другихъ анахоретахъ Оиваиды. Но Евдемонъ просто поблагодарилъ ихъ за совѣты и отправилъ домой съ парой новыхъ сандалій и бутылкой оливковаго масла въ видѣ подарка. Послѣ этого двое святыхъ не сочли себя въ правѣ посѣщать его и оказывать вниманіе подаркамъ, которые онъ продолжалъ имъ присылать. Имъ очень хотѣлось снова посмотрѣть на идолицу, не потому что она была очень красива, но вслѣдствіе сильнаго любопытства увидѣть дьявола немного ближе. Но такъ какъ они проповѣдовали противъ него и старались побудить крестьянъ свалить его на землю и разбить на куски, имъ было стыдно проникнуть въ садъ;

они искали только удобнаго случая поглядѣть издалека на фигуру богини, такую сіяющую и бѣлую среди тростниковыхъ трельяжей и большихъ фиговыхъ деревьевъ на виноградникѣ Евдемона.

И однажды, представьте себѣ радость этихъ святыхъ, въ іюньскій вечеръ — это былъ канунъ Рождества Іоанна Крестителя—стало извѣстно, что Евдемонъ, наконецъ, взятъ дьяволомъ! Всѣ остальные соображенія исчезли, братская любовь теперь повелѣвала имъ бѣжать на мѣсто и видѣть катастрофу.

Святые были, впрочемъ, разочарованы. Дьяволъ не унесъ Евдемона, котораго они нашли мирно поливающимъ свои розы; но онъ завладѣлъ по крайней мѣрѣ значительной частью собственности Евдемона. Ибо Евдемонъ изъ всѣхъ мірскихъ вещей, которыми когда-то владѣлъ, оставилъ себѣ только обручальное кольцо, и это, конечно, было самымъ большимъ грѣхомъ. Оно казалось совершенно бесполезной вещью его сосѣдямъ и знакомъ его былыхъ земныхъ страстей, ибо онъ купилъ его когда-то, чтобы отдать дѣвушкѣ, на которой хотѣлъ жениться. Кольцо было предметомъ негодованія для Карпофора и Урсина, тѣмъ болѣе, что Евдемонъ впалъ въ страшный гнѣвъ въ тотъ единственный разъ, когда они стали убѣждать его вымѣнять коль-

цо въ городѣ на колоколь дѣя часовни. И они почувствовали большое удовлетвореніе, что дьяволъ началъ свое нападеніе съ похищенія этого кольца прежде всего остального.

Вотъ какъ все это случилось. Наканунѣ Рождества Іоанна Крестителя Евдемонъ, по своему обыкновенію, которое было далеко не похвально, созвалъ своихъ крестьянъ на праздникъ; онъ даже разставилъ для нихъ столы въ виноградникѣ и устроилъ игры для малыхъ и старыхъ: способъ празднованія тѣмъ менѣе желательный, что говорили, будто канунъ Рождества Іоанна Крестителя совпадаетъ съ древнимъ праздникомъ дьявольской Венеры, и что крестьяне празднуютъ его съ обрядами, все еще связанными съ этимъ злымъ демономъ и вполнѣ достойными порицанія, какъ-то: собираніе лаванды и держаніе ея въ сундукахъ съ бѣльемъ, плетеніе гирляндъ изъ розъ и зажиганіе костровъ,—все, что какъ разъ допускалось и Евдемономъ. Для этого случая Евдемону показалось удобнымъ открыть новую площадку для игры въ мячъ, которую онъ только что сдѣлалъ изъ зеленаго дерна, окруживъ ее заборомъ, чтобы не терялись мячи. Онъ сталъ показывать крестьянамъ, какъ надо бросать мячи, и для этого подоткнулъ свою бѣлую шерстяную одежду выше колѣнъ, какъ вдругъ былъ ужаленъ осой, не-

сомнѣнно, посланницей дьявола. Увидѣвъ, что его палець сталъ распухать, и не желая прекращать игры, онъ въ первый разъ снялъ золотое обручальное кольцо и послѣ минуты колебанія, не зная, куда его положить, надѣлъ его на согнутый палець на правой рукѣ дьявольской мраморной Венеры и затѣмъ сталъ играть снова. Но этотъ опрометчивый поступокъ, недостойный христіанскаго святого, предосудительный въ высшей мѣрѣ по нѣсколькимъ причинамъ, ибо не слѣдовало ни носить кольца, ни держать идола, на руку котораго теперь оно было надѣто,—оба эти достойныя порицанія дѣйствія были наказаны, какъ они того и заслуживали. Послѣ нѣсколькихъ партій Евдемонъ приказалъ крестьянамъ приниматься за обѣдъ, который имъ приготовленъ, пока онъ удалится для своихъ молитвъ. Сказавъ это, онъ пошелъ за кольцомъ. Но—о, чудо! о, ужасъ! Все было напрасно. Мраморная дьяволица согнула палець и сжала руку. Она взяла себѣ кольцо (а съ нимъ, несомнѣнно, его несчастную грѣшную душу) и отказывалась вернуть его. Стоило только одному изъ крестьянъ узнать о случившемся, какъ вся толпа мужчинъ, женщинъ и дѣтей бросилась вонъ въ смущеніи, бормоча молитвы, произнося заклинанія и захвативъ съ собой столько ѣды, сколько было возможно.

И только когда появились Карпофоръ и Урсицинъ, неся съ собой требники и кропила, самые смѣлые изъ крестьянъ согласились вернуться на мѣсто чуда. Они нашли, какъ я уже упоминала, Евдемона мирно поливающимъ горшки съ розами, которые онъ готовилъ въ подарокъ дѣвушкамъ. Столы были опрокинуты, пучки лаванды валялись на землѣ, гряды салата и кусты розъ были помяты. Лягушки уже начали квакать въ камышахъ, цикады трещали въ наливающейся пшеницѣ, летучія мыши и ласточки кружились въ воздухѣ; солнце садилось. Послѣдніе лучи падали на мраморную статую, стоявшую надъ площадкой для игры въ мячъ, заставляя горѣть на ея пальцѣ кольцо; и внезапно, какъ разъ когда вошли двое святыхъ, ея нагота озолотилась и орумянилась, какъ живая. Карпофоръ и Урсицинъ испустили крикъ ужаса и пали ницъ на землю. Евдемонъ посмотрѣлъ черезъ свои горшки съ розами на нихъ и на статую. Онъ понялъ все. „Неразумные мои братья, — скажь онъ, — развѣ вы не знаете, что братъ Солнце можетъ сдѣлать живымъ все?“

И онъ продолжалъ поливать цвѣты, подходя время отъ времени къ колодцу, чтобы наполнить лейку.

Карпофоръ и Урсицинъ не могли отдѣлаться отъ ужаса, но этотъ ужасъ былъ соединенъ

съ какимъ-то тайнымъ восторгомъ, ибо развѣ передъ ними не было доказательства могущества дьявола? Между тѣмъ оба держались на почтительномъ разстояніи отъ идола, кропили святой водой направо и налево, размахивали кадилами и тянули дрожащими головами пѣснопѣнія, не безъ нѣкоторыхъ ошибокъ въ грамматикѣ. Идолица не обращала никакого вниманія на все это; она свѣтилась своей бѣлизной въ наступающихъ сумеркахъ, а на сжатомъ пальцѣ ея согнутой руки горѣлъ маленькій золотой кружочекъ.

Когда Евдемонъ кончилъ поливать цвѣты, онъ еще разъ опустилъ ведро въ колодезь и напился воды. Затѣмъ онъ вымылъ руки, опустилъ свою бѣлую шерстяную одежду, окончивъ свою дневную работу, и пошелъ отдыхать на площадку для игры въ мячъ, разговаривая съ птицами, которыя порхали вокругъ его головы, и не обращая никакого вниманія на своихъ собратьевъ и ихъ чуранія. Передъ идолицей онъ остановился. Онъ смѣло поглядѣлъ на нее, на ея красивое лицо и тѣло и благодушно улыбнулся. „Сестра Венера,—сказалъ онъ,—ты всегда любила шутить, но каждой шуткѣ есть конецъ. Уже настала ночь, моя дневная работа окончена; теперь я долженъ идти молиться и почивать. Отдай же мнѣ кольцо, я прошу этого въ благодар-

ность за то гостепрїимство, которое я оказалъ тебѣ“.

Карпофоръ и Урсицинъ ускорили тактъ своихъ пѣснопѣній, перепутывая ихъ слова и поглядывая на идолицу уголкою глаза.

Статуя не шевельнулась. Она стояла нагая и прекрасная, становясь все блѣднѣе и блѣднѣе въ умирающемъ свѣтѣ заката и новомъ свѣтѣ поднимающейся на востокъ луны. „Сестра Венера, — заключилъ Евдемонъ, — ты не очень любезна. Я боюсь, сестра Венера, что ты питаешь злыя намѣренія, такія, какія люди ставятъ всегда тебѣ въ вину. Если это такъ, оставь ихъ. Глупые люди говорятъ, что ты порочна, даже что ты—дьяволъ; и, кажется, ты сама хочешь вѣрить этому и гордишься, можетъ быть, этимъ. Прогони эти мысли, сестра Венера, ибо я говорю тебѣ, что все это ложь. Итакъ, верни мнѣ кольцо“.

Но статуя все не шевелилась, только стала еще бѣлѣе, какъ серебро, въ лунномъ свѣтѣ, на зеленой травѣ въ дыму ладана. Карпофоръ и Урсицинъ устремили на нее взоры, удивленные, ожидая, когда, наконецъ, она распадется на части, и драконъ, пахнушій сѣрой, выйдетъ изъ нея съ ужаснымъ ревомъ вслѣдствіе ихъ заклинаній.

„Сестра Венера, — повторилъ Евдемонъ, и его голосъ хотя и тихій сталъ повелитель-

нѣе,—оставь же свои неразумныя шутки и, какъ всякое Божье созданіе, повинуйся мнѣ и верни мнѣ кольцо“.

Легкій вѣтерокъ пронесся въ воздухъ. Бѣлая рука статуи отдѣлилась отъ ея бѣлой груди, палецъ медленно разогнулся и выпрямился.

Съ невѣроятной смѣлостью Евдемонъ бросился въ пасть дьявола. Онъ приблизился къ статуѣ и, поднявшись на цыпочки, протянулъ свою руку къ ея рукѣ. Теперь, конечно, дьяволъ долженъ былъ схватить его и умчаться прямо въ адъ.

Но этого не случилось. Евдемонъ снялъ кольцо, вытеръ его заботливо рукавомъ своей бѣлой одежды и медленно и задумчиво надѣлъ его на палецъ.

„Сестра Венера,—сказалъ онъ, стоя передъ статуей въ то время, какъ зяблики, овсянки и дрозды сидѣли у него на плечахъ, а ласточки кружились надъ его головой,—сестра Венера, благодарю тебя. Забудь лукавство, которое глупые люди учатъ тебя находить въ себѣ. Помни, что ты—созданіе Божье и доброе созданіе. Учи цвѣты рождать сѣмена, мѣнять краски и запахи; учи голубей и ласточекъ, овецъ и коровъ и всѣхъ нашихъ безсловесныхъ братьевъ соединяться въ пары и растить приплодъ; учи дѣвушекъ и юношей любить

другъ друга и своихъ дѣтей. Заставь цвѣсти этотъ плодовый садъ, а моихъ крестьянъ—пѣть. Но за то, что въ этомъ образѣ ты неразумно стараешься озорничать, какъ надумили тебя глупцы, прими, сестра Венера, милосердное наказаніе и во имя Христа будь теперь не статуей, но прекраснымъ бѣлымъ деревомъ съ сладко пахнущими цвѣтами и золотыми плодами“.

Евдемонъ стоялъ съ поднятой рукой и сдѣлалъ крестное знаменіе.

Показался слабый свѣтъ, какъ отъ молніи, и слышался слабый, но явственный шумъ. И вотъ подъ сіяющей блѣдной луной статуя Венера измѣнила свою форму; въ одну минуту появились листья и вѣтви, которые разрослись, такъ что, пока Евдемонъ еще стоялъ съ протянутой рукой, статуи въ концѣ площадки уже не было больше, а вмѣсто нея подымалось прекрасное апельсиновое дерево съ листьями и цвѣтами, горѣвшими какъ серебро въ свѣтѣ луны.

Затѣмъ Евдемонъ ушелъ молиться, а Карпофоръ и Урсицинъ вернулись въ молчаніи, одинъ къ себѣ въ гротъ, другой—на свою колонну, сильно умалившись въ сознаніи своей святости на будущее время.

Что касается апельсиноваго дерева, оно до сихъ поръ растетъ на склонахъ Целія, напро-

тивъ камышевыхъ трельяжей авентинскихъ виноградниковъ, близъ маленькой церкви съ разбитыми желобчатыми колонками и огромнымъ кактусомъ, похожимъ на пивона, у абсиды. Голуби близъ нея крупнѣе, фиги и розы слаще и ароматнѣе, и въ колодецъ вода всегда въ изобиліи. Такова повѣсть о святомъ Евдемонѣ и его апельсиновомъ деревѣ, но вы не найдете ее ни въ Золотой Легендѣ, ни у отцовъ Болландистовъ.

Свадебный ящикъ.

№ 428. Доска (пять футовъ на два фута три дюйма), служившая когда то передней частью cassone или ящика, предназначеннаго для храненія платьевъ и драгоценностей невѣсты. Сю ж е т ь: „Триумфъ любви“. Умбрійской школы пятнадцатаго столѣтія. Въ правомъ углу полустертая надпись: Desider... de Civitate dас... me... ecit. Это интересное произведеніе къ несчастью сильно испорчено сыростью и ѣдкими минералами, повидимому, оттого что когда-то хранило въ себѣ зарытый кладъ. Завѣщано въ 1878 году вдовой покойнаго Лаусонъ Стона, члена Тринити колледжа въ Кембриджѣ *).

Въ день Успенія Дезидеріо да Кастильоне дель Лаго окончилъ переднюю доску свадебнаго ящика, который мессеръ Троило Бальони

*.) Каталогъ Смитова музея въ Лидсѣ.

заказалъ серу Пьеро Бонтемпи, чья лавка находилась на спускѣ Санъ Максенціо, въ томъ кварталѣ стараго города Перуджіи (названнаго римлянами Августой въ память ея великой славы), который получилъ свое имя отъ воротъ изъ слоновой кости, поставленныхъ Теодорихомъ, королемъ готовъ. Упомянутый Дезидеріо изобразилъ на этой доскѣ триумфъ любви, какъ онъ описанъ въ поэмѣ мессера Франческо Петрарка изъ Арещо, безъ сомнѣнія, если не считать Данте, видѣвшаго Адъ, Чистилище и Рай, единственнаго поэта нашихъ временъ, который можетъ идти въ сравненіе съ такими *doctissimi viri*, какъ Виргилій, Овидій и Стацій. И Дезидеріо поступилъ слѣдующимъ образомъ. Онъ раздѣлилъ доску на четыре части, предполагая изобразить четыре степени любовной страсти: въ первой части была изображена прекрасная страна, изобильно орошенная журчащими ручьями, переполненная всякой радостью, съ цѣлыми зарослями душистыхъ розъ, алыхъ и голубыхъ среди вязовъ, тополей и другихъ красивыхъ и полезныхъ деревьевъ. На второй картинѣ была гористая мѣстность, со множествомъ виднѣющихся всюду величественныхъ замковъ, дубовыхъ лѣсовъ и пиніевыхъ рощъ, гдѣ мчались охоты; и эта часть, какъ область славной любви, была обвита кругомъ листьями

лавровъ. Третья часть доски — *asprega as durga regio* — изображала мѣстность, лишённую всякой растительности, кромѣ высокаго терновника и сорныхъ травъ, и тамъ среди скалъ виденъ былъ пеликанъ, раздирающій свои собственныя внутренности, чтобы накормить ими своихъ птенцовъ, — символъ жестокости любви къ истинно любящимъ. Наконецъ, на четвертой части доски былъ написанъ печальный кипарисовый лѣсъ, въ которомъ ютились совы и вороны и другія птицы дурныхъ предзнаменованій для того, чтобы показать, что всякая земная любовь ведетъ только къ смерти. Каждая изъ картинъ была окружена гирляндой миртъ, удивительно нарисованной и искусно сплетавшейся съ рѣзнымъ, позолоченнымъ карнизомъ, состоявшимъ также изъ листьевъ мирты, который серъ Пьеро мастерски сдѣлалъ своими собственными руками. По серединѣ доски Де-зидеріо изобразилъ Любовь, совсѣмъ такъ, какъ описалъ ее поэтъ: въ видѣ нагого юноши съ крыльями дивно переливающихся цвѣтовъ, стоявшаго на колесницѣ, ось и колеса которой были краснаго золота, покрыта же была эта колесница золотой тканью такого необыкновеннаго узора, что вся она, казалось, была соткана изъ пламени. За спиной у юноши висѣли лукъ и колчанъ, полный ужасныхъ

его стрѣль, а въ рукѣ онъ держалъ вожжи, управляя четырьмя бѣлоснѣжными конями, разубранными въ золото, у которыхъ изъ ноздрей било пламя. На глазахъ у него была повязка съ золотыми краями, показывавшая, что любовь ранитъ слѣпо; а съ его плечъ спускался, развиваясь, свитокъ съ написанными словами: „*Saevus Amor hominum deorumque deliciae*“. Вокругъ колесницы, кто спереди, а кто сзади, иные верхомъ, иные на своихъ ногахъ, толпились тѣ, кто были прославлены любовью. Здѣсь можно было видѣть на вороной лошади, съ орломъ на шлемѣ, Юлія Цезаря, любившаго Клеопатру, царицу египетскую, Софонизбу и Массинису въ богатыхъ странныхъ арабскихъ одеждахъ, Орфея, съ его лирой, ищущаго Эвредиду, Федру, умершую отъ любви къ Ипполиту, своему пасынку, Марка Антонія, Ринальдо Монтальбано, любившаго прекрасную Анджелику, Сократа, Тибула, Виргилія и другихъ поэтовъ, мессера Франческо Петрарку и мессера Джованни Боккачіо, Тристана, который пилъ любовный напитокъ, ѣдущаго на гнѣдой лошади, и рядомъ съ нимъ Изольду въ тюрбанѣ изъ золотой матеріи, и возлюбленныхъ изъ Римини и многихъ другихъ, перечислять которыхъ было бы здѣсь слишкомъ долго. А въ той части доски, гдѣ была изображена счастливая любовь, онъ, среди лавровъ, нарисовалъ свой собственный

портретъ, свои свѣтлые волосы и свой зеленый колпакъ, спускающійся на плечи, и все это только потому, что онъ долженъ былъ самъ жениться послѣ Иванова дня на Мадаленѣ, единственной дочери его хозяина Серъ Пьеро. А среди несчастныхъ любовниковъ онъ нарисовалъ, согласно условію, самого мессера Троило, для котораго онъ дѣлалъ этотъ ящикъ. Мессеръ Троило былъ изображенъ въ видѣ Троила, сына Пріама, императора Трои; онъ былъ одѣтъ въ латы, задрапированъ плащомъ изъ серебряной матеріи, вышитой розами; при бедрѣ у него было копье, а голову покрывала алая шапочка; за нимъ шли слуги, неся его сокола и ведя его лошадь, и солдаты со знаменемъ, одѣтые въ зеленыя и желтыя полосатыя одежды съ вышитыми на отворотахъ скорпіонами; на копейномъ значкѣ его можно было прочесть: „Troilus sum servus Amoris“.

Но Дезидеріо отказался нарисовать въ процессіи мону Мадалену, дочь Пьеро, свою будущую жену, потому что, какъ онъ объявилъ, не надлежитъ скромнымъ дѣвушкамъ показывать свое лицо чужимъ людямъ. Онъ сказалъ это только потому, что серъ Пьеро просилъ его не сердить мессера Троило, ибо на самомъ дѣлѣ онъ много разъ списывалъ портретъ съ моны Мадалены (которая была

удивительно хороша), хотя, впрочемъ, всегда только въ видѣ Мадонны, Матери Божьей.

Доска была готова ко дню Успенія, и серъ Пьеро dokonчилъ ящикъ рѣзьбой и позолотой, грифонами, химерами, листьями акантовъ и миртъ, гербами мессера Троило Бальони— все прекраснѣйшей работы. А маэстро Каванна отъ воротъ Санъ Пьетро сдѣлалъ замѣчательный замокъ и ключъ для этого же самага ящика. Мессеръ Троило часто прѣзжалъ верхомъ изъ своего помѣстья Фратта посмотрѣть, какъ подвигается работа, и по долгу оставался въ мастерской, съ кротостью и мудростью, удивительною для такого юноши, ибо ему было только девятнадцать лѣтъ, и плѣнявшей сердце серъ Пьеро. Но Дезидеріо это не слишкомъ нравилось, и поэтому онъ бывалъ часто рѣзокъ съ мессеромъ Троило, и много ссоръ выходило у него изъ-за этого со своимъ будущимъ тестемъ.

Мессеръ Троило Бальони, прозванный Барбакане въ отличіе отъ другого Троило, его дяди, который былъ епископомъ въ Спелло, несмотря на незаконное происхожденіе, не разъ бросалъ взгляды на Мадалену ди серъ Пьеро Бонтемпи. Онъ увидѣлъ дѣвушку въ первый разъ на свадьбѣ своего двоюроднаго брата Грифоне Бальони, сына Ридольфо старшаго, вступавшаго въ бракъ съ Дейанирой Орсини.

По этому случаю были даны великолѣпныя празднества городу Перуджии, пышному дому Бальони и всѣмъ гражданамъ—банкеты, турниры, конскія скачки, игры въ мячъ на площади у собора, бой быковъ, аллегоріи латинскія и народныя, исполненныя съ большимъ искусствомъ и изяществомъ (въ числѣ которыхъ была новелла о Персеѣ, освобождающемъ Андромеду, написанная мессеромъ Джанноццо Белли—*Rector venerabilis istae universitatis*) и триумфальныя арки и другія подобныя затѣи, въ которыхъ много прекрасныхъ выдумокъ принадлежало серу Пьеру Бонтемпи въ сообществѣ съ Бенедетто Бонфильи, мессеромъ Фіоренцо ди Лоренцо и Пьеро де Кастро Плебисъ, котораго нашъ святѣйшій папа Сикстъ IV послѣ того призвалъ работать въ своей капеллѣ въ Римѣ. На этомъ праздникѣ, повторяю, мессёръ Троило Бальони изъ Фратты, который былъ *unanimiter* объявленъ прекраснѣйшимъ изъ всѣхъ юношей и по своей удивительной учености и доблести вполне достойнымъ великолѣпной семьи Бальони, бросилъ взглядъ на Маддалену ди серъ Пьеро и послалъ ей черезъ своего оруженосца ленту съ головы самага свирѣпаго быка, котораго онъ убилъ *Singulari vi ac virtute*. Мессеръ Троило не пропускалъ и другихъ удобныхъ случаевъ увидѣть дѣвушку или

въ церкви, или въ мастерской у ея отца, приѣзжая верхомъ изъ замка Фратта съ умысломъ, но всегда honestis valde modibus, хотя дѣвушка держалась очень скромно и отказывалась отъ всѣхъ подарковъ, которые онъ присылалъ ей. Серъ Пьеро не препятствовалъ его приличнымъ бесѣдамъ съ дѣвушкой, боясь гнѣва великолѣпной фамиліи Бальони. Но Дезидеріо да Читта дель Лаго, который былъ женихомъ моны Маддалены, часто упрекалъ за это серъ Пьеро и однажды чуть не переломалъ ребра оруженосцу мессера Троило, обвиняя его въ передачѣ безчестныхъ посланій.

Было же такъ, что мессеръ Троило, хотя и самый красивый, щедрый и храбрый изъ всей своей великолѣпной фамиліи, вмѣстѣ съ тѣмъ былъ самымъ жестокимъ изъ всѣхъ Бальони и менѣе другихъ способнымъ претерпѣть помѣху или задержку своимъ желаніямъ. И будучи, какъ чрезвычайно красивый юноша,—ему только что исполнилось девятнадцать лѣтъ, и на его щекахъ не было еще перваго пушка, а подбородокъ его былъ бѣлъ и гладокъ, какъ лицо женщины,—очень страстной природы (ходило много разсказовъ о насиліяхъ, которыя онъ совершилъ надъ дѣвушками и женами гражданъ Губбіо и Спелло и о злыхъ дѣлахъ въ замкѣ Фратта въ Апенни-

нахъ, о которыхъ лучше промолчать, чѣмъ рассказывать), будучи, какъ я сказала, человекомъ весьма страстной природы и весьма властной и жестокой души, мессеръ Троило рѣшилъ завладѣть этой Маддаленой ди серъ Пьеро. И такъ недѣлю спустя, увезя свадебный ящикъ изъ мастерской серъ Пьеро (заплативъ за работу исправно золотыми съ флорентійскими лиліями), онъ воспользовался праздниками Рождества Іоанна Крестителя,—когда, по обычаю, граждане отъѣзжаютъ въ свои земли и виноградники смотрѣтъ на процвѣтаніе своихъ садовъ и ѣдятъ и пьютъ въ бесѣдѣ съ друзьями, — чтобы исполнить свой жестокой замыселъ. Ибо извѣстный намъ серъ Пьеро, который былъ зажиточенъ и имѣлъ плодовой садъ въ долину Тибра около Санъ Джованни, проводилъ тамъ праздникъ со своими друзьями наканунѣ дня свадьбы дочери весьма мирно и безобидно. Одна женщина, арапка родомъ и рабыня, которую подослалъ мессеръ Троило, предложила монѣ Маддаленѣ и ея подругамъ дѣвушкамъ освѣжиться, послѣ того какъ тѣ собирали цвѣты, играли въ обручъ, въ загадки и другія подобныя дѣвичьи игры, купаньемъ въ Тибрѣ, протекавшемъ внизу за садомъ. На что невинныя полныя веселья дѣвушки охотно согласились. Быстро онѣ спустились внизъ къ рѣкѣ, ко-

торая была такъ мелка, что ее легко можно было перейти въ бродъ лѣтомъ, и тогда увидѣли помчавшуюся на нихъ съ противоположнаго берега толпу всадниковъ, вооруженныхъ и замаскированныхъ, которые схватили испуганную Маддалену и ускакали съ нею. Напрасно она звала на помощь, какъ нѣкогда Прозерпина, своихъ подругъ, которыя, пораженныя и охваченныя стыдомъ, такъ какъ были безъ одеждъ, звали на помощь, но все было тщетно. Всадники проскакали сквозь Бастію и скрылись вдаль, прежде чѣмъ серъ Пьеро и его друзья могли поспѣть на выручку. Такъ ужасно отнята была мона Маддалена у отца и жениха любовной страстью герцога Троило.

Серъ Пьеро лишился отъ горя и нѣсколько дней лежалъ мертвый; и когда пришелъ въ себя, плакалъ, проклиналъ свѣтъ и отказывался принимать пищу, спать и стричь бороду. Но будучи старъ и остороженъ и будучи отцомъ другихъ дѣтей, онъ побѣдилъ свое горе, хорошо понимая, что бесполезно простому ремесленнику идти противъ Провидѣнія и силы великолѣпной фамиліи Бальони, государей Перуджіи уже съ давнихъ временъ, столь же богатыхъ и могущественныхъ, сколь властныхъ и неумолимыхъ. Такъ что когда стали говорить сверхъ всего, что, можетъ быть, мона Маддалена убѣжала по

своей охотѣ съ возлюбленнымъ и что совсѣмъ нѣтъ доказательства, почему бы замаскированные люди были посланы именно мессеромъ Троило (хотя жители Бастіи утверждали, что они видѣли зеленые и желтые цвѣта Фратты и что Троило не приближался къ ихъ городу нѣсколько мѣсяцевъ послѣ того), онъ не возразилъ ни одного слова изъ осторожности и страха. Но Дезидеріо да Кастильоне дель Лаго, увидѣвъ это, ударилъ старика такъ, что у того пошла изо рта кровь.

И случилось, цѣлый годъ спустя послѣ исчезновенія моны Маддалены и когда уже перестали говорить о ней (въ особенности послѣ того, какъ была найдена въ городѣ, и нѣсколько чудесъ совершила свѣтая монахиня монастыря Санта Анна, которая постилась семьдесятъ дней, и послѣ того какъ мессеръ Асканіо Бальони повелъ отрядъ всадниковъ къ флорентійской синьоріи на войну противъ Сіены), что нѣсколько вооруженныхъ людей, замаскированныхъ, но одѣтыхъ въ цвѣта мессера Троило и со скорпіономъ на отворотахъ, пріѣхали изъ Фратты, везя съ собой ящикъ, завернутый въ черную матерію, который они и положили вечеромъ у дверей сера Пьеро Бонтемпи. Серъ Пьеро, идя на разсвѣтѣ въ свою мастерскую, нашель этотъ ящикъ и, узнавъ въ немъ тотъ самый ларь, который

онъ сдѣлалъ когда-то съ картинками, изображающими Триумфъ Любви, и съ украшеніями скульптурой и позолотой для мессера Троило, прозваннаго Барбакане, задрожалъ всѣмъ своимъ тѣломъ, позвалъ Дезидеріо и вдвоемъ съ нимъ тайкомъ перетасилъ ящикъ въ дальнюю комнату своего дома, не сказавъ ни слова ни одному существу. Ключъ тонкой работы слесаря Каванна висѣлъ въ замкѣ на зеленомъ шелковомъ шнурѣ, къ которому былъ привязанъ кусокъ пергамента съ написанными на немъ слѣдующими словами: „мастеру Дезидеріо свадебный подарокъ отъ Троило Бальони изъ Фратты“, — несомнѣнно, намекъ, *ferox atque cuncta facetia*, на Триумфъ Любви мессера Франческо Петрарки, нарисованный на передней доскѣ ящика. Открывъ крышку, они увидѣли кусокъ красной матеріи, такой, какой надѣвають на муловъ, *etiam*, обыкновеннаго холста, а подъ нимъ одѣяло изъ зеленого шелка, которое, когда они его развернули, открыло ихъ глазамъ (*heu! infandum patri scelatumque donus*) тѣло моны Маддалены, нагое, какъ Господь ее сотворилъ, со слѣдами двухъ ударовъ ножа на шеѣ, съ длинными золотыми волосами, перевитыми жемчугомъ и обрызганными кровью. Тѣло Маддалены было жестоко сдавлено этимъ ящикомъ,

а на ея груди покоилось тѣло новорожденнаго ребенка, такого же мертваго, какъ и она.

Когда серъ Пьеро увидѣлъ это зрѣлище, онъ бросился къ дверямъ, заплакалъ и разразился ужасными проклятiями. А Дезидерiо да Кастильоне дель Лаго ничего не сказалъ, позвалъ только брата сера Пьеро, священника и настоятеля монастыря Санъ Северо и съ его помощью перетащилъ ящикъ въ садъ. Садъ этотъ, прекрасно расположенный внутри городскихъ стѣнъ, около Порта Эбурнеа, былъ полонъ цвѣтовъ и деревьевъ, приносящихъ плоды и бросающихъ тѣнь, а также травъ— тмина, укропа и другихъ полезныхъ для хозяйства растений. Его орошали обложенные камнями каналы, искусно устроенные серъ Пьеро и питавшіеся изъ источника, у котораго можно было видѣть сирену, выжимающую изъ своей груди воду, — прекрасное произведение того же Пьеро, исполненное такъ, что оно могло быть достойно Фидiя или Праксителя, изъ твердаго камня съ Монте Катрiа. На этомъ мѣстѣ Дезидерiо да Кастильоне дель Лаго вырылъ глубокую могилу подъ миндальнымъ деревомъ, заботливо обложилъ ее камнями и кусками мрамора, чтобы предохранить отъ сырости, затѣмъ попросилъ священника, брата сера Пьеро, который помогаль ему рыть могилу, надѣть облаченіе,

взять книги и все необходимое для освященія могилы. Священникъ немедленно исполнилъ это, будучи человѣкомъ благочестивымъ и горя о своей племянницѣ. Тѣмъ временемъ Дезидеріо съ помощью сера Пьеро осторожно извлекъ тѣло моны Магдалены изъ свадебнаго ящика, омылъ его въ благовонной водѣ и одѣлъ его въ тонкое бѣлье и брачныя одежды, не мало поплакавъ надъ печальной судьбой бѣдной дѣвушки и проклиная жестокость ея похитителя. Затѣмъ, нѣжно поцѣловавъ ее, они опять положили тѣло въ ящикъ, украшенный Триумфомъ Любви, покрыли его тонкимъ атласомъ и парчей, сложили покойницѣ руки, опустили осторожно голову на подушку изъ серебряной матеріи, надѣли на ея волосы гирлянду изъ розъ, которую сплелъ самъ Дезидеріо; у нея былъ теперь видъ святой мученицы или той дѣвы Юліи, дочери императора Августа Цезаря, которая была найдена въ землѣ на Аппіевой дорогѣ и тотчасъ же превратилась въ пыль. Они наполнили ящикъ цвѣтами, какіе только могли найти, и ароматными травами, листьями лавровъ, ладаномъ, амброй и разными смолами изъ Сиріи, которыя, какъ говорятъ, сохранили тѣло царя Давида отъ земного разложенія. Эти смолы священникъ, братъ сера Пьеро, понимавшій толкъ въ алхиміи и астро-

логи, купилъ однажды у арабскихъ купцовъ. Затѣмъ съ горестными восклицаніями и слезами они покрыли лицо дѣвушки шитой вуалью и покрываломъ изъ парчи, заперли ящикъ, опустили его въ яму, заложенную сѣномъ, соломой и пескомъ, зарыли и уравнили землю; а чтобы замѣтить мѣсто, Дезидеріо посадилъ здѣсь кустъ укропа подѣ миндальнымъ деревомъ. Все это было сдѣлано, конечно, послѣ того, какъ они много разъ облобызали дѣвушку, взяли съ могилы горсть земли и съѣли ее съ ужасными проклятіями мессеру Троило, которая даже невозможно здѣсь передать. Священникъ, братъ сера Пьеро, отслужилъ панихиду, Дезидеріо былъ ему за службу, и затѣмъ они ушли оттуда, горько плача. Тѣло же ребенка, которое они нашли въ свадебномъ ящикѣ, они бросили въ яму около Санъ Эрколано, куда выбрасывали мусоръ, объѣдки и падаль (мѣсто, называвшееся *Sardegna*), потому что онъ былъ ребенкомъ сера Троило *et infamiae sceterisque partum*.

Затѣмъ, такъ какъ этотъ поступокъ и угрозы, которыя Дезидеріо посылалъ мессеру Троило, стали разглашаться, серъ Пьеро, будучи осторожнымъ старикомъ, посовѣтовалъ ему тайно уѣхать изъ Перуджіи изъ боязни гнѣва великолѣпнаго Ораціо Бальони, дяди мессера Троило и государя въ ихъ городѣ.

Дезидеріо да Кастильоне дель Лаго уѣхаль въ Римъ, гдѣ онъ сдѣлаль удивительныя и прекрасныя вещи, въ томъ числѣ извѣстныя фрески въ Санти Косме и Даміано для кардинала Остіи, а оттуда въ Неаполь, гдѣ онъ вступилъ на службу къ герцогу Калабрійскому, ѣздилъ съ его войсками, строилъ крѣпости, машины, лилъ пушки и создавалъ другія искусныя и полезныя вещи. Такъ прошло семь лѣтъ, пока онъ не услышалъ, что серъ Пьеро умеръ въ Перуджіи, объѣвшись рыбой, и что мессеръ Троило находится въ городѣ и собираетъ войска со своимъ двоюроднымъ братомъ Асторре Бальони противъ герцога Урбинскаго. Это было какъ разъ передъ чумой и ужаснымъ нашествіемъ испанцевъ и бѣглыхъ мавровъ на Умбрию подъ предводительствомъ Цезаря Борджіа, *Vicarius Sanctae Ecclesiae seu Flagellum Dei et novus Attila*. Дезидеріо тогда тайно вернулся въ Перуджію, поставилъ своего мула въ маленькой гостиницѣ и, выкрасивъ волосы въ черный цвѣтъ и отростивъ бороду по восточному обычаю, выдалъ себя за грека изъ Анконы. Онъ пошелъ къ священнику, пріору Санъ Северо, брату серъ Пьеро и открылся ему; тотъ, хотя и сильно постарѣлъ, узналъ его и обрадовался, услышавъ его намѣреніе. Дезидеріо же, исповѣдовавшись ему во всѣхъ

своихъ грѣхахъ и получивъ отпущеніе, принялъ тѣло Христа съ великой вѣрой и смиреніемъ, и священникъ положилъ его мечъ на алтарь около евангелія, по которому служилъ мессу, и благословилъ его. Дезидеріо опустился на колѣни и далъ обѣтъ не касаться никакой пищи, кромѣ тѣла Господня, пока не куситьъ крови мессера Троило.

Три дня и три ночи онъ выслѣживалъ и высматривалъ его, но мессеръ Троило рѣдко выходилъ безъ своихъ людей, потому что онъ оскорбилъ такъ много честныхъ женщинъ своимъ любовнымъ неистовствомъ, что зналъ, какъ всѣ ненавидятъ его и какъ даже его родственники были бы рады отдѣлаться отъ него и его жестокости и честолюбія. Онъ зналъ ихъ желаніе—соединить владѣніе Фратта съ другими владѣніями главной линіи великолѣпнаго дома Бальони, славнаго своими подвигами.

Но однажды къ вечеру Дезидеріо увидѣлъ мессера Троило одного безъ слугъ, спускающагося по крутой тропинкѣ около Санъ Эрколано, такъ какъ онъ шелъ къ женщинѣ легкаго поведенія, по имени Флавія Белла, которая была очень красива собой. Дезидеріо вытащилъ нѣсколько бревень и мѣшковъ съ пескомъ изъ сосѣдняго дома, который тутъ рядомъ строился, и загородилъ ими дорогу, самъ же

спрятался подъ сводомъ, висѣвшимъ надъ перулкомъ, который былъ узокъ и кругъ. А мессеръ Троило шелъ тихо, насвистывая и подстригая ногти маленькими ножницами. Его ноги были обтянуты въ сѣрый шелкъ, а на плечахъ его былъ камзолъ изъ краснаго сукна, отдѣланный парчей, вышитой крупнымъ жемчугомъ, и зашнурованный золотой тесьмой; на головѣ у него была шляпа изъ алой матеріи съ большими перьями, свой плащъ и мечъ онъ несъ лѣвой рукой. Мессеру Троило было двадцать шесть лѣтъ, но онъ казался еще моложе, такъ какъ у него не было бороды, и лицо его напоминало Гіацинта или Ганимеда, котораго Юпитеръ похитилъ и сдѣлалъ своимъ виночерпиемъ за его красоту. Онъ былъ высокаго роста; онъ былъ жестокъ сердцемъ и смѣлъ душой. И теперь, идя къ куртизанкѣ Флавіи, онъ насвистывалъ.

Когда онъ приблизился къ загражденію изъ бревень и мѣшковъ съ пескомъ, Дезидеріо выскочилъ изъ засады и попытался проколоть его мечомъ. Мессеръ Троило, хотя и раненый, боролся съ нимъ долго, но не могъ вытащить свой мечъ, который запутался въ плащѣ. И прежде чѣмъ онъ успѣлъ освободить руку и вытащить кинжалъ, Дезидеріо сбиль его съ ногъ и вонзилъ трижды сталь въ его

грудь, восклицая: „Это отъ Маддалены въ благодарность за свадебный даръ!“

Мессеръ Троило, увидѣвъ кровь, текущую изъ его груди, понялъ, что долженъ умереть, и сказалъ только:

„Какой Маддалены? Ахъ, вспоминаю, дочери стараго Пьеро! Она всегда была проклятой сумасбродной дѣвкой“ — и съ тѣмъ умеръ.

Дезидеріо наклонился надъ его грудью и полизалъ кровь, которая текла изъ раны; то было первое, что онъ вкусилъ послѣ тѣла Господня, какъ онъ въ томъ и поклялся.

Затѣмъ Дезидеріо украдкой пробрался къ фонтану подъ аркой Санъ Просидіо, гдѣ женщины стираютъ бѣлье по утрамъ, и смылъ съ себя кровь. Онъ сходилъ за своимъ муломъ и привязалъ его къ дереву близъ сада мессера Пьеро. Ночью онъ открылъ дверь—священникъ далъ ему ключъ отъ нея—и уѣхалъ, увозя съ собой свадебный ящикъ съ тѣломъ моны Маддалены, который онъ выкопалъ изъ земли лопатой и киркой, съ тѣломъ, которое, благодаря травамъ и дивнымъ смоламъ, высохло и стало гораздо легче. Мѣсто, гдѣ былъ зарытъ ящикъ, онъ отыскалъ по кусту укропа подъ миндальнымъ деревомъ, которое цвѣло тогда, такъ какъ была весна. Онъ положилъ ящикъ, дерево котораго было

покрыто плѣсенью и мѣстами сгнило, на мула и погналъ его передъ собой, пока не добрался до Кастильоне дель Лаго, откуда самъ былъ родомъ. Встрѣчая людей, которые спрашивали его, что везетъ онъ въ ящикъ (ибо они принимали его за вора), онъ отвѣчалъ, что везетъ свою возлюбленную; они смѣялись надъ нимъ и проѣзжали мимо. Такъ благополучно прибылъ онъ въ земли Ареццо, древняго города Тосканы, гдѣ и остановился.

Когда нашли тѣло мессера Троило, всѣ были поражены и удивлены. Его родственники были весьма разгнѣваны, но мессеръ Ораціо и мессеръ Ридольфо, его дяди, сказали: „Это даже къ лучшему, такъ какъ его отвага и жестокость были слишкомъ велики, и онъ причинилъ бы намъ всѣмъ слишкомъ много затрудненій, если бы жилъ дольше“. Они устроили ему великолѣпныя похороны. А когда онъ лежалъ на улицѣ мертвый, множество людей, въ особенности живописцевъ, стеклось смотрѣть на него, такъ какъ онъ былъ очень красивъ, и женщины жалѣли его за его молодость, а нѣкоторые ученые сравнивали его съ Марсомъ, богомъ войны; такъ велика была въ немъ сила и смѣлость даже послѣ смерти. На кладбище его отвезли восемь вооруженныхъ людей, а двѣнадцать дѣвушекъ и юношей, одѣтыхъ въ бѣлыя одеж-

ды, шли впереди, разбрасывая цвѣты; много здѣсь было блеска и траура, такъ какъ велика была власть великолѣпнаго дома Бальони.

Что касается Дезидеріо да Кастильоне дель Лаго, то онъ оставался въ Арещо до самой своей смерти, сохраняя всегда при себѣ тѣло моны Мадалены въ свадебномъ ящикѣ, украшенномъ Триумфомъ Любви, такъ какъ онъ полагалъ, что она умерла *odore magne sanctitatis*.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Предисловіе	7
Genius Loci.	
I. Введеніе	15
II. Сіена и Симоне Мартини	22
III. Уголь и ледъ	31
IV. Въ Пьемонтѣ	39
V. Озера Мантуи	47
VI. Югъ	55
Очарованные лѣса.	
I. Очарованные лѣса	65
II. Пиза и Кампо Санто	74
III. Тосканскія церкви лѣтомъ	82
IV. Нимфы и рѣчной богъ	88
V. Триентъ	96
VI. Вѣчно-зеленые дубы и анахореты	103
VII. Прогулка въ Мареммѣ	113
VIII. На Еванейскихъ холмахъ	119
IX. Вилла Кардинала	127
X. Et in Arcadia	134
Духъ Рима	143
Лимбо.	
Магія тосканскаго лѣта	215
О современномъ путешествіи	234
Старые итальянскіе сады	253
Laurus nobilis.	
Искусство и страна	281
Двѣ новеллы.	
Святой Евдемонъ и его апельсиновое дерево	321
Свадебный ящикъ	341

